

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных
дел Российской Федерации»

На правах рукописи

Литвинов Валерий Олегович

**Особенности политического процесса
в Гонконге на современном этапе**

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Карпович Олег Геннадьевич
доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор

Москва – 2025

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Установление и функционирование транзитивного общества в контексте конституирования политической сферы Гонконга	20
1.1. Понятийно-терминологические и теоретико-методологические подходы к концепту политической сферы	20
1.2. Особенности функционирования транзитивных обществ как объекта трансформационного воздействия	32
1.3. Институционализация политической сферы транзитивного общества в ракурсе анализа исторических предпосылок и современных аспектов трансформации политической сферы Гонконга	43
Глава 2. Западная демократия и восточная меритократия как факторы воздействия на политическую сферу транзитивного общества Гонконга	54
2.1. Западные демократические ценности и их реализация в контексте британского воздействия на политическую сферу Гонконга	54
2.2. Восточная меритократия в Китае и незападные ценности	75
2.3. Влияние столкновения демократических и меритократических традиций на политические процессы в современном Гонконге	91
Глава 3. Проявление специфических характеристик политического процесса в транзитивном обществе Гонконга	104
3.1. Особенности реализации концепта «одна страна – две системы» в современном Гонконге	104
3.2. Неформальные подрывные институты и их воздействие на политические процессы в Гонконге	121
3.3. Глобальная интернетизация как способ воздействия на политические процессы и вовлечения населения Гонконга в протестное движение	140

Заключение	160
Список использованных источников и литературы	172

Введение

Актуальность исследования. В современном дискурсе политический процесс рассматривается как способ функционирования политической сферы любого общества, основанный на совокупности различных направлений деятельности акторов внешней и внутренней политики в целях обеспечения сбалансированного развития политической системы. В то же время, политические процессы воплощаются в организованной структуре политической сферы – специфическом пространстве человеческого бытия, в котором отражаются различия в потребностях и интересах социальных слоев, групп, классов. С учетом того, что указанные потребности и интересы сталкиваются, противопоставляются или совпадают, происходит непосредственное сопоставление позиций и поиск способов реализации приемлемого для большинства политического процесса в стране или ином обособленном (автономном) квазигосударственном образовании.

Поскольку выполнение этих задач возлагается на государство, которое является важнейшим институтом политической сферы, именно оно в нормальной сбалансированной системе организации общества несет ответственность за происходящие политические процессы, а также осуществляет межсферное взаимодействие различных социальных институтов, обеспечивает стабильность и развитие политической жизни общества. Чрезвычайно актуальным это становится для транзитивных обществ в условиях определения оптимальных путей развития государств и обособленных (автономных) территорий, характеризующихся поиском своего аутентичного места в мировом сообществе и собственных путей развития – от традиционных до современных векторов установления политического курса.

Особенно актуально это для обществ, на формирование политической сферы и течение политических процессов которых повлияли традиции и устои различных государств и/или политических систем. Что четко прослеживается при столкновении в качестве воздействующих сил не только различных

государств, но и полярно разных цивилизаций, как это произошло в случае с Гонконгом, где восточная меритократия, реализуемая КНР и базирующаяся на традиционных конфуцианских устоях, находится во взаимодействии с демократическими подходами к организации жизни общества, пропагандируемыми Великобританией в контексте внедрения общеевропейских ценностей. Вследствие описанного выше, широкий спектр особенностей протекания политических процессов в Гонконге связан с переплетением меритократических и демократических политических ценностей, монопартийной и плюралистической политической системы, что делает политический процесс в Гонконге на современном этапе актуальным объектом для изучения.

Наравне с теоретической, стоит отметить и прикладную ценность исследования данного вопроса. Наиболее яркими проявлениями развития политического процесса в Гонконге являются протесты XXI в., к которым можно отнести, к примеру, общеизвестную «Революцию зонтиков» и более масштабные, однако получившие меньшую огласку, протесты 2019 г. Все эти выступления являются инструментами, используемыми Западной демократией для воздействия на политический процесс при помощи неформальных институтов. Ответом же явились реформы, положившие конец масштабным протестам на территории Гонконга.

Говоря о практической стороне развития политического процесса в Гонконге, интересным представляются изучение и описание упомянутых выше инструментов, поскольку они могут являться способом ведения гибридной войны и новым витком развития технологии «цветных революций», а также средств противодействия им. К тому же, актуальным видится исследование влияния глобальной интернетизации на политические процессы и вовлечение населения в протесты на примере событий в Гонконге.

Важно отметить, что Китай стремится к объединению собственных территорий, частично утраченных в ходе так называемого «столетия унижения»

(кит. «百年國恥»). Хотя пока рано говорить о том или ином способе объединения: если это случится – ситуация столкновения западной и восточной систем будет симметрична гонконгскому сценарию, а значит изучение данного прецедента также позволит спрогнозировать развитие ситуации на Тайване.

Источниковую базу исследования можно разделить на два блока:

Первый блок источников составляют нормативно правовые акты, такие как Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China¹, фактически представляющий собой Конституцию Гонконга. А также документы, изданные Коммунистической партией Китая с целью реформирования политической структуры Специального административного района, к которым можно отнести Закон Китайской Народной Республики о защите национальной безопасности в специальном административном районе Гонконг², Закон о поправках в избирательную систему Гонконга³. В эту группу стоит отнести и разного рода исследования, отчеты, проводившиеся правительством Гонконга⁴⁵.

Второй блок источников составляют публикации СМИ, подробно сообщавшие о ходе протестов и послужившие рупором для сторонников

¹ Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China: [Came into effect on 1 July 1997] // Official website of Government of Hong Kong. – URL: https://www.basiclaw.gov.hk/filemanager/content/en/files/basiclawtext/basiclaw_full_text.pdf (accessed: 11.10.2024).

² Law of the People's Republic of China on Safeguarding National Security in the Hong Kong Special Administrative Region // Official website of Government of People's Republic of China. – URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202007/3ae94fae8aec4468868b32f8cf8e02ad.shtml> (accessed: 09.11.2024).

³ Improving Electoral System (Consolidated Amendments) Bill 2021 // The Government of Hong Kong Special Administrative Region. – URL: <https://www.cmab.gov.hk/improvement/en/bill/index.html> (accessed: 17.02.2025).

⁴ Hong Kong ethnic groups data // The Government of Hong Kong Special Administrative Region, Home affairs department, Race relations unit. – URL: <https://www.had.gov.hk/rru/english/info/demographics.htm#:~:text=Hong%20is%20a%20largely,about%208%25%20of%20the%20population> (accessed: 01.04.2025).

⁵ Legislative Council General Election results general election results // The government of the Hong Kong Special Administrative Region. – 20.01.2021. – URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/202112/20/P2021122000153.htm> (accessed: 11.12.2024).

волнений. К ним в первую очередь можно отнести статьи основного издания Гонконга: South China Morning Post⁶⁷. Свой вклад в информационную поддержку оппозиции внесли такие СМИ как: Reuters⁸, The New York Times⁹¹⁰, CNN¹¹¹², The Guardian¹³¹⁴¹⁵, BBC¹⁶, Financial Times¹⁷, Vox¹⁸.

⁶ Cheung, G. 'Young Master Tien' earns respect from the people after 22 years in Hong Kong's Legislative Council / G. Cheung // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/1991013/young-master-tien-earns-respect-people-after-22-years-hong> (accessed: 13.02.2025).

⁷ Finbarr, B. Hong Kong national security law: US gets little backing with hard line on China, as other countries steer clear of threats / B. Finbarr, L. Stuart // South China Morning Post. – 28.05.2020. – URL: <https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3086558/hong-kong-national-security-law-us-set-go-it-alone-hard-line> (accessed: 08.09.2024).

⁸ "China's interference in Hong Kong reaching alarming levels: U.S. congressional panel" // Reuters. – 17 November 2016. [Retrieved 31 July 2020].

⁹ Bradsher, K. Hundreds of Thousands in Hong Kong Protest Security Laws / K. Bradsher // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2003/07/01/international/asia/hundreds-of-thousands-in-hong-kong-protest-security-laws.html> (accessed: 01.02.2025).

¹⁰ Ives, M. What Is Hong Kong's Extradition Bill? / M. Ives // The New York Times. – 10 June 2019. – ISSN 0362-4331. [Retrieved 31 July 2020].

¹¹ Huge protest fills HK streets // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2003/WORLD/asiapcf/east/07/01/hk.protest/> (accessed: 10.02.2025).

¹² Yeung, J. Hong Kong pro-democracy activist Joshua Wong arrested under national security law / J. Yeung, E. Yeung // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2021/01/07/asia/hong-kong-joshua-wong-nsi-arrest-intl-hnk/index.html> (accessed: 10.02.2025).

¹³ Hong Kong democracy protesters return to the streets // The Guardian – 01.02.2015. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/feb/01/hong-kong-democracy-protesters-march-universal-suffrage> (accessed: 21.01.2025).

¹⁴ Graham-Harrison, E. Hong Kong voters deliver landslide victory for pro-democracy campaigners / E. Graham-Harrison // The Guardian. – 25.11.2019. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/24/hong-kong-residents-turn-up-for-local-elections-in-record-numbers> (accessed: 23.01.2025).

¹⁵ Henley, J. How the umbrella became a symbol of the Hong Kong democracy protests / J. Henley // The Guardian. – 29.09.2014. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.3dc24db1-62963be0-c356af0b-74722d776562/https/www.theguardian.com/world/2014/sep/29/umbrella-symbol-hong-kong-democracy-protests (accessed: 10.04.2025).

¹⁶ Hong Kong: Timeline of extradition protests // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-49340717> (accessed: 11.02.2025).

¹⁷ Primrose, R. She was loved for standing up to China. She may die in jail / R. Primrose, H. Chan // Financial Times. – 23.06.2022. – URL: <https://www.ft.com/content/439fb015-8fc7-4d2d-9c7f-8764863090ae> (accessed: 20.02.2025).

¹⁸ Stewart, E. How China used Facebook, Twitter, and YouTube to spread disinformation about the Hong Kong protests / E. Stewart // Vox. – 23.08.2019. – URL: <https://www.vox.com/recode/2019/8/20/20813660/china-facebook-twitter-hong-kong-protests-social-media> (accessed: 12.04.2025).

Степень научной разработанности темы исследования. В ходе написания диссертации было уделено внимание работам ряда исследователей. Их можно разделить на 3 блока:

Первый блок составляют работы, касающиеся теории политического процесса, политической сферы транзитивного общества. Иностранные исследователи: Я. Морено¹⁹, Дж. Митчел²⁰, Э. Гриффин²¹, Ж. Бодрийяр²², П. Бурдьё²³, М. Фуко²⁴, Ф. Тённис²⁵, М. Вебер²⁶, Н. Макиавелли²⁷, Ж. Боден²⁸, Т. Гоббс²⁹, К. Реннер³⁰, Т. Парсонс³¹, Ф. Фукуяма³², М. Кастельс³³.

¹⁹ Морено, Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Я. Л. Морено ; пер. с англ. А. Боковой. – М. : Академ. Проект, 2004. – 315 с.

²⁰ Social Networks in Urban Situations: Analysis of Personal Relationships in Central African Towns. – Manchester : Manchester University Press, 1969.

²¹ Гриффин, Э. Коммуникация: теории и практики / Э. Гриффин. – Х. : Изд-во «Гуманитарный центр», Науменко А. А., 2015. – 688 с.

²² Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. – М. : АСТ, 2020. – 320 с.

²³ Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики : сборник статей / П. Бурдьё ; составление, общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. – М., 2005.

²⁴ Фуко, М. Археология знания: пер. с фр. / М. Фуко ; общ. ред. Бр. Левченко. – Калининград : Ника-Центр. 1996. – 208 с.

²⁵ Тённис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии = Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. / Ф. Тённис. – М. : Фонд Университет ; Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – 450 с.

²⁶ Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – С. 509–522.

²⁷ Макиавелли, Н. Государь. Сочинения / Н. Макиавелли. – М. : ЭКСМО-Пресс. 2001. – 656 с.

²⁸ Боден, Ж. Метод легкого чтения историй : в 3 томах. Том 2 / Ж. Боден ; пер с лат., коммент., сост. указ. И. В. Кривушина, Е. С. Кривушиной. – М. : Издательский дом высшей школы экономики. – 2021. – 558 с.

²⁹ Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс ; перевод с английского А. Гутермана. – М. : АСТ, 2021. – 800 с.

³⁰ Реннер, К. Государство и нация: исслед. с гос. правовой точки зрения возмоз. принципов разрешения нац. вопроса: (К нац. вопросу в Австрии) / К. Реннер. – Санкт-Петербург : Искра, 1906. – 62 с.

³¹ Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.

³² Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI в. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2010. – 224 с.

³³ Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М. : Academia, 1999. – С. 494–505.

Представители отечественной науки: В.В. Зинченко³⁴, Л.В. Куриленко³⁵, С.П. Нарыкова³⁶.

Второй блок составляют работы, касающиеся аксиологии, исследования сущности западных демократических и восточных меритократических ценностей, их влияния на политический процесс в Гонконге.

Иностранные исследователи: Ю. Хабермас³⁷, У. Эко³⁸, Ж.-Ф. Ревель³⁹, Г. Стурт⁴⁰, Э. Менсфилд⁴¹, С. Хантингтон⁴², Д. Шамбо⁴³, Ден Сяопин⁴⁴, Дж. Сантаяна⁴⁵, Э. Трельч⁴⁶, Ли Цяо⁴⁷, Д. Уоттс⁴⁸.

³⁴ Зинченко, В. В. Социально-политическая и экономическая трансформация современных транзитивных обществ Европы / В. В. Зинченко // ПСЭ. – 2009. – № 4.

³⁵ Куриленко, Л. В. Методологическое обоснование сферного подхода к подготовке специалистов социальной сферы / Л. В. Куриленко // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – № 4.

³⁶ Нарыкова, С. П. Особенности осуществления власти в транзитивном обществе / С. П. Нарыкова // Общество и право. – 2013. – № 2 (44).

³⁷ Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2016. – 344 с.

³⁸ Эко У. Сказать почти то же самое / Эко У.; пер. с итал. А. Коваля. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 576 с.

³⁹ Revel, J.-F. Democracy Against Itself: The Future of the Democratic Impulse/Regain démocratique / J.-F. Revel. – Free Press, 1993. – ISBN 0-02-926387-5.

⁴⁰ Sturt, H. Human value: an ethical essay / H. Sturt. – Cambridge : University press. – 1923. – 138 p.

⁴¹ Mansfield, E. Democratization and the Danger of War / E. Mansfield, J. Snyder // International Security. – 1995. – Vol. 20, № 1. – P. 5–38.

⁴² Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : Росспэн, 2003. – 366 с.

⁴³ Shambaugh, D. Deng Xiaoping: the politician / D. Shambaugh // The China Quarterly. – 1993 Sep. – No. 135. Special issue: Deng Xiaoping: an assessment. – P. 457–490.

⁴⁴ Deng 1994 – Deng Xiaoping. Reform is China's second revolution // Selected works of Deng Xiaoping. Vol. 3: (1982–1992). – Beijing : Foreign Languages Press, 1994. – 400 p.

⁴⁵ Сантаяна, Д. Чувство красоты / Д. Сантаяна. – М. : Истина, 2023. – С. 34–121.

⁴⁶ Трельч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – М. : Юрист, 1994. – 719 с.

⁴⁷ Ли Цяо, конкурирующие идентичности: изучение культурных, исторических и политических сложностей «Трех Китаев» / Ли Цяо, Д. Рос ; перевод с английского О. С. Якушениковой // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – № 2.

⁴⁸ Watts, D. Collective dynamics of «small-world» networks / D. Watts, S. Strogatz // Nature. – 04.06.1998. – Vol. 393. – P. 440–442.

Отечественные исследователи: С.Ф. Анисимов⁴⁹, Г.П. Выжлецов^{50,51,52}, П.В. Трощинский⁵³, А.Д. Воскресенский⁵⁴, С.В. Шарко⁵⁵, Э. Т. Темирбекова⁵⁶, М. Кульмагамедов⁵⁷, В. С. Герасимов⁵⁸, В.И. Козлов⁵⁹, Л.Н. Смирнова⁶⁰.

Третий блок составляют работы, касающиеся теории «цветных революций», противодействия им, организации протестов, гибридных войн, мягкой силы, глобальной интернетизации, а также неформальных институтов, и их влияния на политику. В данном блоке преобладают отечественные ученые. В первую очередь стоит выделить работы сотрудников Дипломатической академии МИД России, подробно рассматривавших описанные выше темы:

⁴⁹ Анисимов, С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление / С. Ф. Анисимов. – М. : Мысль, 1988. – 255 с. – ISBN 5-244-00001-2.

⁵⁰ Выжлецов, Г. П. Аксиология в системе философского знания / Г. П. Выжлецов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2010. – № 4.

⁵¹ Выжлецов, Г. П. Онтологическая аксиология: истоки и современность / Г. П. Выжлецов // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2017. – № 3.

⁵² Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры на рубежах веков / Г. П. Выжлецов // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2 (23).

⁵³ Трощинский, П. В. Современная правовая система Гонконга / П. В. Трощинский // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 2. – С. 175–198.

⁵⁴ Воскресенский, А. Политические системы и политические культуры Востока / А. Воскресенский ; под. ред. проф. А. Воскресенского. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 829 с.

⁵⁵ Шарко, С. В. Культурно-идеологический аспект в современной политике Китая Вып. 6 / Глава в сборнике «Оринтиры...». – 1-е изд. – М. : ИФ РАН, 2010. – 158 с. – URL: <https://publications.hse.ru/chapters/67746891> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵⁶ Темирбекова, Э. Т. Меритократия на государственной службе как основа укрепления государственности и развития казахстанской демократии / Э. Т. Темирбекова // Молодой ученый. – 2017. – № 8.1 (142.1). – С. 49–51.

⁵⁷ Кульмагамедов, М. Меритократия – главный принцип отбора на государственную службу / М. Кульмагамедов // Номад. – 01.06.2022. – URL: <https://nomad.su/?a=3-200908190320> (дата обращения: 31.03.2025).

⁵⁸ Герасимов, В. С. Политическая меритократия – восточная альтернатива западным традициям управления обществом в XXI веке / В. С. Герасимов // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 230–237.

⁵⁹ Козлов, В. И. Понятие меритократии в современном философско-социологическом дискурсе / В. И. Козлов. – EDN CYWWLY // Миссия конфессий. – 2020. – Т. 9, № 3 (44). – С. 350–353.

⁶⁰ Смирнова, Л. Н. Борьба с коррупцией в КНР: международный опыт и «особая китайская модель» : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Смирнова Лариса Николаевна ; Институт Дальнего Востока. Москва, 2014. – С. 15.

Е.П. Бажанов⁶¹⁶², О.Г. Карпович⁶³⁶⁴⁶⁵, М.Г. Троянский⁶⁶⁶⁷, А.Ш. Ногмова⁶⁸, С.С. Жильцов⁶⁹⁷⁰, Л.Н. Сидорова⁷¹, М.А. Неймарк⁷², В.Б. Козюлин⁷³, А.В. Борисов⁷⁴, А.А. Гришанов⁷⁵, Т.В. Вершинина⁷⁶.

⁶¹ Бажанов, Е. П. Записки о китайской цивилизации / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. – М. : «Дашков и К», 2023. – 304 с. – ISBN: 978-5-394-05356-6.

⁶² Бажанов, Е. П. Умная сила (в поиске баланса между «мягкой» и «твёрдой» силой) / Е. П. Бажанов. – М. : Дипломатическая академия МИД России, 2014. – С. 13–21.

⁶³ Карпович, О. Г. Цветная «революция зонтиков» в Гонконге: начало «Китайской весны» / О. Карпович // Национальная безопасность. – 2014. – № 6. – С. 990–996.

⁶⁴ Гибридные войны / О. Г. Карпович, А. А. Гришанов, В. Б. Козюлин [и др.]. – М., 2025. – 910 с. – ISBN: 978-5-605-26680-8.

⁶⁵ Corruption as a factor in urban environmental crime / V. Sevalnev, A. Tsirin, U. Trunzevskiy, O. Karpovich. – DOI 10.1088/1755-1315/937/4/042003. – EDN IMQYTH // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Ussurijsk, 20–21 июня 2021 года. – Ussurijsk, 2021. – P. 042003.

⁶⁶ Троянский, М. Г. Многополярность формируется в реальном мире / М. Г. Троянский, О. Г. Карпович. – М. : Дипломатическая академия МИД России, 2020. – С. 1–13.

⁶⁷ Троянский, М. Г. «Народная война» Китая против пандемии Covid-19 / М. Г. Троянский, А. В. Чеснокова. – М. : Дипломатическая академия МИД России, 2022. – С. 95–105.

⁶⁸ Карпович, О. Г. Феномен движения «Желтых жилетов» во Франции и «Цветные революции» / О. Г. Карпович, А. Ш. Ногмова, В. О. Литвинов – М. : Дипломатическая академия МИД России, 2020. – С. 72–87.

⁶⁹ Атаев, А. В. Современная мировая политика / А. В. Атаев. – М., 2025. – 600 с. – ISBN: 978-5-392-43018-5.

⁷⁰ Жильцов, С. С. Новые тенденции в мировой политике / С. С. Жильцов – Тверь : Тверской государственный университет, 2022. – С. 7–11.

⁷¹ Восточная Азия и АТР: Акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства / Ч. Сунь, О. Г. Карпович, Е. Е. Власов [и др.] // Известия Восточного института. – 2024. – № 2 (62). – С. 11–33.

⁷² Неймарк, М. А. Мягкая сила в мировой политике / М. А. Неймарк. – М., 2019. – 272 с. – ISBN: 978-5-394-03317-9.

⁷³ Борисов, А. В. Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира : коллективная монография / А. В. Борисов [и др.]. – М., 2021. – 624 с. – ISBN: 978-5-6046526-6-4.

⁷⁴ Международная безопасность в эпоху глобальных перемен / А. В. Борисов, С. М. Гаврилова, А. А. Гришанов [и др.]. – М. : Квант Медиа, 2023. – 322 с.

⁷⁵ Восточная Азия и АТР: Акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства / Ч. Сунь, О. Г. Карпович, Е. Е. Власов [и др.] // Известия Восточного института. – 2024. – № 2 (62). – С. 11–33.

⁷⁶ Политика многополярности: новые вызовы и угрозы : монография / А. В. Манойло, О. Г. Карпович, Т. В. Вершинина, А. В. Булавин. – М. : 2019 Дипломатическая академия МИД России, 2019. – 434 с.

Другие отечественные авторы, работы которых вошли в данный блок: Н.С. Данюк⁷⁷, Т.В. Бахарева⁷⁸, З.В. Вердиханова⁷⁹, А.Л. Зверев⁸⁰, А.А. Керимов⁸¹, А.В. Макарин⁸², А.В. Манойло⁸³, А.В. Шитова⁸⁴, А.О. Наумов⁸⁵, А.Я. Нейматов⁸⁶, Е.Г. Пономарева⁸⁷, В.В. Семенов⁸⁸, О.Г. Харитоновна⁸⁹, С.А. Шавель⁹⁰.

⁷⁷ Данюк, Н. С. «Цветные революции» как инструмент гибридных технологий во внешней политике / Н. С. Данюк, Я. С. Сенокос. – DOI 10.35775/PSI.2020.63.11.026. – EDN LYFQZE // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10, № 11 (63). – С. 3288–3297.

⁷⁸ Бахарева, Т. В. Неформальные институты как объект научного анализа / Т. В. Бахарева // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2012. – № 5 (44).

⁷⁹ Вердиханова, З. В. «Цветная революция» как политический феномен современности / З. В. Вердиханова // Вестник ГУУ. – 2014. – № 5.

⁸⁰ Зверев, А. Л. Социальные сети как инструмент политического манипулирования (на примере организации массовых протестов в Гонконге 2014 г.) / А. Л. Зверев, А. П. Федоров // Вестник БГУ. – 2015. – № 7

⁸¹ Керимов, А. А. Концепция цветной революции в политической науке / А. А. Керимов, Т. В. Вербицкая // Via in tempore. История. Политология. – 2019. – № 1.

⁸² Макарин, А. В. Формальные и неформальные отношения в политико-управленческих структурах и обществе / А. В. Макарин // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 1.

⁸³ Манойло, А. В. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика / А. В. Манойло, К. С. Стригунов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2020.

⁸⁴ Шитова, А. В. Роль международных неправительственных организаций (МНПО) в событиях «арабской весны» и последующих трансформационных процессах в Тунисе и Египте (2011–2017 гг.) : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Шитова Александра Вячеславовна. – Москва, 2019. – 187 с.

⁸⁵ Наумов, А. О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepравitelstvennyh-organizatsiy-v-tsvetnyh-revoljutsiyah> (дата обращения: 04.04.2025).

⁸⁶ Нейматов, А. Я. Цветные революции и современные международные отношения / А. Я. Нейматов. – EDN TZXLTR // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 8 (63). – С. 19–23.

⁸⁷ Пономарева, Е. Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии / Е. Г. Пономарева, Г. А. Рудов // Обозреватель – Observer. – 2012. – № 3.

⁸⁸ Семенов, В. В. Протесты в Гонконге. Причины и возможные последствия / В. В. Семенов, П. Ю. Цветов. – DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_72. – EDN JBMDWO // Обозреватель. – 2022. – № 2 (385). – С. 72–87.

⁸⁹ Харитоновна, О. Г. Цветные революции в контексте теорий демократизации / О. Г. Харитоновна // Полит. наука. – 2014. – № 3.

⁹⁰ Шавель, С. А. Сферная парадигма в социальном знании и жизнеспособность общества / С. А. Шавель // Социологический альманах. – 2018. – № 9.

Цель работы состоит в исследовании теоретической и практической составляющих политического процесса в современном транзитивном обществе Гонконга.

Реализация поставленной цели обуславливает **решение следующих задач:**

- Раскрыть понятийно-терминологические и теоретико-методологические подходы к концепту политической сферы;
- Проанализировать предпосылки и последствия институционализации политической сферы транзитивного общества Гонконга;
- Выявить сущность западных демократических и восточных меритократических ценностей;
- Исследовать влияние столкновения демократических и меритократических традиций на политические процессы в современном Гонконге;
- Определить особенности воздействия неформальных подрывных институтов на политические процессы в Гонконге;
- Исследовать характер воздействия глобальной интернетизации на политические процессы и вовлечение населения Гонконга в протестное движение.

Объект исследования: государства и квазигосударственные обособленные (автономные) образования как целостный социокультурный феномен в контексте политической сферы общественной жизни.

Предмет исследования: теоретико-методологические и практико-прикладные аспекты политических процессов современного транзитивного общества Гонконга.

Методологическая основа исследования базируется на операционных конструктах – принципах, подходах и методах, которые позволяют раскрыть

суть исследуемой проблематики. Выбор методологических основ обусловлен единством общефилософского, гносеологического и политологического уровней осмысления проблемы формирования и протекания политического процесса в современном Гонконге.

В диссертации определяющими принципами являются научность, комплексность, системность, историзм, последовательность, объективность, плюрализм, всесторонность.

В ходе исследования акцентируется внимание на следующих методологических подходах:

1) системный подход позволил рассматривать политическую сферу как целостный комплекс взаимосвязанных элементов. С его помощью была описана структура локуса логичности: из (1) большой системы образуется (2) меньшая подсистема, а из последней – (3) наименьшая подсистема;

2) сравнительно-исторический подход применялся для исследования предпосылок и последствий демократизации Гонконга. Он был использован для анализа западной демократии и восточной меритократии, их влияния на регион;

3) неоинституциональный подход позволил исследовать формальные и неформальные институты Гонконга, а также их влияние на политический процесс в регионе.

Новизна исследования заключается в следующем:

1. Анализ подходов, применяемых для исследования политической сферы и введение нового термина «локус-логичности»;
2. Исследование Гонконга как транзитивного общества и рассмотрение причин, определивших характер политического процесса региона на современном этапе;
3. Анализ сущности западных демократических и восточных меритократических ценностей, их сравнение и противопоставление;
4. Изучение политических процессов в современном Гонконге, как в регионе, в котором друг другу противостоят западная демократия и восточная

меритократия, определение методов противодействия, используемых сторонами;

5. Исследование и описание принципов действия «неформальных подрывных институтов гонконгского типа»;
6. Исследование влияния глобальной интернетизации на политические процессы и вовлечение населения в протестное движение.

Положения, выносимые на защиту:

1. Предложенный автором термин «локус-логичности» позволяет четко разделить сферу общественной жизни и область жизнедеятельности человека. Он также позволяет описать структуру локус-логичного бытия человека, подразделяя его на (1) геосоциополитическую плоскость обитания, (2) общественный уровень, (3) отрасль непосредственной жизнедеятельности.
2. Гонконг является транзитивным обществом, однако представляет особый интерес своими отличиями от большинства других обществ подобного типа. Регион сначала был подвергнут демократизации, а уже потом попал под воздействие восточной меритократии.
Проведенная Великобританией демократизация Гонконга, создавшая его нынешнюю политическую систему, определила характер политического процесса региона на современном этапе, поскольку являлась оборонительным средством ведения гибридной войны.
3. Под западными демократическими ценностями можно понимать совокупность и/или систему аксиологических максим, основных принципов развития семьи, общества и государства, политико-экономических, культурных, правовых и других норм, объединяющих в основном жителей Европы и составляющих основу их идентичности. Базовыми принципами европейских ценностей постулируются демократизм, индивидуализм, соблюдение прав и свобод человека, признание достоинства и равенства каждого по праву рождения, необходимости гуманности и поддержания порядка на основе закона,

создание общества консенсуса, плюрализм и развитая партийная система, продвижение гражданского общества. Приоритетной для европейских ценностей является рыночная экономика. На примере Гонконга мы видим, что, хотя европейские ценности постулируются как превосходящие демократизм и верховенство права, равенство и создание общества консенсуса, когда интересам продемократических элит начинает угрожать опасность, их представители пользуются нелегитимными методами. Это позволяет активному меньшинству протестующих реализовать свои взгляды на развитие общества, что лишает последнее консенсуса и очевидно нарушает принципы демократизма.

Меритократия же в рамках политических ценностей базируется на обеспечении всем гражданам равных стартовых возможностей и достойной жизни на основе собственных знаний, умений и способностей. В Китае меритократия берет своё начало из конфуцианской философии. Идея «Благородного мужа», служащего на благо Родины, является ключевым понятием этого восточного учения. Данный идеал представляет собой человека, получившего образование и следующего моральным принципам. Именно «Благородный муж», чиновник, а не воин, является тем, кому можно доверить управление государством. Конфуцианские культурные факторы, такие как сильное лидерство, тенденция быть экономными, сдержанными, старательными в учебе, иметь конструктивную межличностную коммуникацию, сотрудничество и трудолюбие стали основой системы азиатских ценностей, базирующихся на преобладании коллективного над индивидуальным.

4. Исследование позволило выявить, что вследствие ряда причин, которые описаны в параграфе 3.1, существование автономии с другой политической системой в имеющемся виде не устраивало представителей восточной меритократии. Итогом этого стало использование собственных меритократической традиции средств легитимного изменения ситуации – введение Закона об экстрадиции.

Ответом на эти действия стало свойственное западной демократии использование протестов и тактики «цветных революций».

Все окончилось благодаря Решению ВСНП, за которым последовали принятие Закона об экстрадиции и реформа избирательной системы.

Сказанное выше позволяет заключить, что в подобных гонконгскому сценариях противостояния западная демократия стремится использовать нелегитимные методы противодействия, такие как тактика «цветных революций», в то время как восточная меритократия использует чиновничий аппарат и легитимные средства.

5. В Азии существует несколько подходов к борьбе с неформальными институтами. Гонконг использует свою систему противодействия им, схожую с британской. Это позволило добиться успехов в борьбе с коррупцией, кронизмом и др.

Однако в Специальном административном районе (далее – САР) имеются «неформальные подрывные институты гонконгского типа». Причиной их появления стала демократизация Гонконга, превратившая его в транзитивное общество. «Неформальные подрывные институты гонконгского типа» используют протесты как нелегитимный способ достижения собственных политических целей. Они склонны применять тактики «цветных революций», такие как захват государственных зданий, сочетание агрессивных акций радикального крыла с мирными протестами и т.д. Итогом деятельности «неформальных подрывных институтов гонконгского типа» является либо полный захват протестующими рычагов управления регионом, либо легитимизация своей власти при помощи влияния на население, полученного в ходе противостояния с правительством.

6. Глобальная интернетизация принесла множество способов повлиять на общественное мнение, возможности для создания и координации масштабных протестов, чем пользуются неформальные подрывные институты. Отсутствие цензуры, скорость коммуникации и возможность

публиковать непроверенную информацию позволяет создавать фейковые новости и инфоповоды. Соцсети усиливают протесты, поскольку даже не готовые выйти на улицы граждане массово реагируют на яркие заголовки, и благодаря алгоритмам работы сетей данный контент показывается все большему количеству людей.

На примере гонконгского сценария видно, как проправительственные силы запустили ответные акции, используя те же инструменты, что и их оппоненты. Отдельно стоит отметить, что глобальная интернетизация поддерживает связь Гонконга и его граждан с внешним миром. А благодаря высокому проценту говорящих на английском языке в САР, позволяет западным странам осуществлять информационную поддержку протестов.

Исходя из указанного выше, стоит сделать вывод о том, что глобальная интернетизация может стать инструментом прямой демократии, однако выступает средством активизации деструктивных общественных изменений, играя определяющую роль в массовых акциях неповиновения.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

Результаты исследования могут способствовать систематизации знаний относительно политической сферы транзитивного общества, а также специфики различий западных демократических и восточных меритократических ценностей. Кроме того, полученные в рамках исследования выводы могут быть использованы для дальнейшего изучения демократизации как инструмента ведения гибридной войны, особенностей реализации концепта «одна страна – две системы», «неформальных подрывных институтов гонконгского типа», а также последствий глобальной интернетизации на примере Гонконга. Материалы диссертации могут дополнить базу научных исследований в рамках проблемного поля и быть использованы в учебном процессе в профильных ВУЗах.

Практическая значимость исследования заключается в следующем:

Результаты исследования могут быть использованы для изучения китайского опыта и выработки собственной стратегии по противодействию «неформальным подрывным институтам гонконгского типа» в целом, и предотвращению их влияния на население при помощи соцсетей в частности. Выводы диссертации также имеют прогностическую ценность относительно определения методов КНР по достижению стабильного сосуществования материкового Китая и Тайваня в случае воссоединения, исходя из гонконгского примера. Результаты исследования могут быть использованы для подготовки справочно-аналитических материалов по линии МИД России и других ведомств.

Апробация результатов исследования: в реферируемых журналах из списка ВАК опубликованы девять статей, включающих положения и результаты диссертации.

Структура исследования: Диссертация состоит из введения, основной части, состоящей из трех глав (деяти параграфов), заключения и списка литературы.

Глава 1. Установление и функционирование транзитивного общества в контексте конституирования политической сферы Гонконга

1.1. Понятийно-терминологические и теоретико-методологические подходы к концепту политической сферы

Общеизвестным является тезис о том, что, пытаясь осознать смыслы и параметры существования окружающего мира и определить свое место в нем, человек «оперирует», прежде всего, тремя «инструментами», – идеей, потребностью и интересом. Менее прозрачным остается пространственное поле, на плоскости которого человек добивается практической материализации своих идей и предметной реализации своих потребностей и интересов. Соответственно, стремясь определить понятийно-терминологическую и теоретико-методологическую составляющие концепта политической сферы транзитивного общества, целесообразным представляется прежде всего проанализировать политико-сферную проблематику исследуемой системы современного транзитивного общества.

Анализ пространственного поля (пространственного измерения) будет реализован исходя из того, что такое поле является дуальной, но разноуровневой плоскостью: (1) сферой общественной жизни и (2) отраслью жизнедеятельности человека. Этот понятийный дуалитет предлагаем далее называть *локусом политико-сферной логичности*, либо *локусом логичности* (прил. - *локус-логичный*).

Прежде всего, резонным для раскрытия содержания такового понятия вопрос должен был бы звучать следующим образом: «А имеет ли оно под собой реальное содержание?»

На это можно ответить цитатой Гегеля, – потому что «то, что не может быть выражено в понятии, – то может и в реальности не существовать». Проиллюстрировать слова классика можно на примере выявления, в чем

закljučается и как выражается жизненный локус логичности депутата? Ответ сформулируем в призме видения М. Вебера.

Народ, то есть электорат, избрал депутата на бытие в политической сфере, а более акцентно – в ее законотворческой области; но, между тем, он фактически «по-черному работает на себя» в коррупционной сфере политической и экономической сфер, о чем свидетельствуют многочисленные факты проявления политической коррупции либо, в более щадящем варианте, лоббизма. Например, экономическая сфера Колумбии «процветает» на производстве наркотиков, в результате чего все остальные сферы – включая политическую – просто парализованы при паразитировании правящих элит на «дружбе народов» в этноисторической сфере, которая, в свою очередь, эксплуатирует только один присущий колумбийскому обществу бренд – активный в регионе «народный футбол». Основываясь на приведенных примерах, можно считать подтвержденным факт: имеем дело с реальным, но малоисследованным явлением.

Второй вопрос не менее важен: какова структура локуса логичности как политического явления? Поскольку о классиках и современниках, к сожалению, речь идти не может ввиду новизны предлагаемого к внедрению в научный дискурс термина, возвращаем себе самоапробационную инициативу и уточняем свою исследовательскую позицию. Структуру локуса логичности можно представить посредством применения системного подхода, когда из (1) большой системы образуется (2) меньшая подсистема, а из последней – (3) наименьшая подсистема. Таким образом и образуется три локус-логичных системных «столпа» человека:

1) Самым крупным элементом в структуре локус-логичного бытия человека является геосоциополитическая плоскость его обитания и политического гражданства, – (1) страна; (2) общество; (3) населенческое сообщество, а в социально-политическом смысле – ассоциация социообщественного типа, которую в англо-германских странах, по инициативе

Ф. Тённиса (1887 г.), называют еще гемайншафтным центром бытия социализированного человека⁹¹;

2) Среднекрупным «столпом» человека является сфера общественной жизни, которая, в свою очередь, состоит из трех структурных единиц, – отношений, институтов и идей (идеологии);

3) Наименьшим деятельно-творческим «столпом» человека является отрасль его конкретной жизнедеятельности. В то же время, это и место житнетворческого бытия, и специальная профессиональная должность человека, и, как принято считать, например, в Японии, «локус пожизненного трудового бытия». Включается сюда и определенный нюанс из древнеевропейской практики ориентации юношества на социопрофессиональную династическую кастовость, на дворянские ранги французского серважа, а также на акцент из контекста актуального на сегодня философско-педагогического человекоцентристского концепта, к которому мы еще планируем возвращаться. Обо всех этих материях и их интерпретационных деталях – обособленно, а зачастую с фокусным ориентиром на политическую сферу, – речь также будет идти далее.

Соотношение внутреннего содержания понятий «сферный феномен» и «политико-сферная проблема» познавательно вписывается в философскую логику сопряжения терминов «целое» и «часть». Общим семантическим стержнем обоих является коренное понятие «сфера», которую в заданном контексте целесообразно рассматривать в качестве социологической сферы бытия людей, которые только во взаимодействии удовлетворяют и решают свои проблемы, потребности и интересы.

Определяя структурные элементы политико-сферной проблемы, можно оттолкнуться от мысли В. Парето (1916 г.), обосновавшего гипотетическую

⁹¹ Тённис, Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии = Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie.* / Ф. Тённис. – М. : Фонд Университет ; Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – 450 с.

возможность корреляции пяти общественных сфер и пяти групп общественных потребностей и жизненных интересов человека⁹², можно также предложить классифицировать общественные сферы на творческие (или креативные), потребительские (или надсферы) и инфраструктурные (или обслуживающие сферы); кроме того, важным видится и разделение смыслового содержания философской экзистенциальной категории «общественное бытие человека» на два понятия: сфера общественной жизни человека и отрасль общественной жизнедеятельности человека.

Также следует обратиться к другим структурным элементам предложенного понятия локуса логичности, чтобы закономерно и логично выйти на теоретико-методологическую сердцевину политико-сферной проблемы. Для этого рассмотрим триаду «страна – общество – государство». Данный сегмент локуса логичности можно подать в том же методологическом аспекте, для чего три базовых конструкта локус-логичной системы ранжируем в следующей иерархии:

- 1) наиболее крупной опорой является страна (геополитически-пространственное понятие),
- 2) среднезначимой составляющей является общество (политико-социологическое понятие),
- 3) наименьшим столпом выступает государство (политико-институциональное понятие).

Иными словами, (1) страна является геополитической плоскостью, на которой размещены (2) общество, состоящее (как отмечалось в упомянутом научном труде Ф. Тённиса) из отдельных лиц, групп людей и различных социальных общностей, которые в свое время выдвинут из своей среды (3) политическое государство. В этой связи сформируем такое мнение: из всех трех конструктов на сферы и отрасли расчленяется только общество; страну

⁹² Maslow, A. Motivation and Personality / A. Maslow. – New York : Harpaer and Row, 1954. – 369 p.

формируют геополитические единицы (регионы, районы, местности и т.п.), а государство составляют политико-властные институты и управленческие органы, структуры и тому подобное.

Далее сделаем краткий экскурс историю теоретического осмысления политико-сферной проблемы. В расцвет Ренессанса (от первой четверти XVI в. и до конца второй трети XVII в.) относительно понятийной триады «политика – общество – государство» продолжалась дискуссия на поле актуального до сих пор вопроса: при каких условиях развития общества государство в нем является социальным феноменом, а при каких – политическим феноменом? Выделились три интерпретационных варианта. В частности:

1. Н. Макиавелли, пользуясь своим «методом извлечения из истории прошлого правил успешной политической деятельности в контексте текущего момента»⁹³, в трактатах «Государь» (1513 г.), «Размышления о первой декаде Тита Ливия» (1513-1517 гг.) и др. обосновывал позицию: любое общество, как правило, состоит из «людей страстной и животной натуры», а потому и властитель (глава страны) в отношениях с ними должен «сочетать хитрость лисы с львиной силой»⁹⁴ и помнить о том, что «О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату»⁹⁵. В целом, в политическом аспекте к государю-кратологу и обычному человеку применяется один и тот же критерий социально-политической деятельности: «Что ты сделал для своей страны?». Соответственно, политика является неморальным, ситуационно гибким государственно-институциональным инструментом упорядочения общественной жизни в стране, а само по себе государство (как уже указано выше) – двукачественным социально-политическим феноменом. К примеру, доминирующей в монархических странах, обществах и государствах является не ограниченная никакими институтами

⁹³ Макиавелли, Н. Государь. Сочинения / Н. Макиавелли. – М. : ЭКСМО-Пресс. 2001. – 656 с.

⁹⁴ Там же с. 52.

⁹⁵ Там же с. 95.

власть правителя. Судя по этому, в подобном локус-логичном бытие «живой» и хоть как-то функционирующей может бытовать только одна сфера – политическая, а в ее «недрах» всем и вся может реально править вождь-правитель.

2. Ж. Боден в своих «Шести книгах о государстве» (1576 г.) выстраивал следующий сфероподобный трехкомпонентный круг: «общество – власть – правление». В этой социально-политической конструкции все условные единицы представляют «суверенную цепь живых существ»⁹⁶ – военных, духовников и простолюдинов. Подтекстуально можно понять и то, что эти «живые существа» и составляют общество. Понятие «страна» отсутствует, но из контекста проистекает, что ее олицетворяет государство, осуществляющее «законное правление ... на основе незыблемой суверенной [монаршей] власти», которая, в свою очередь, является производным названной «цепи живых человеческих существ».

Из среды последних формируется так называемый Сенат, который напоминает то ли «Военный совет» утописта Дж. Уинстенли, то докромвелевский парламент Англии того же периода (второй четверти XVII в.). Показательной здесь выступает политическая синтеза Ж. Бодена: «Государство не может существовать без Сената, как тело не может существовать без души, а человек – без ума...»⁹⁷. В неконкретизированном «цепи»-социуме указанных «живых существ» непрозрачно высвечивается и фигура «народного простонародья», а над всеми ними царит «суверенная власть законного правителя». Исходя из указанного, может ли политическая система Ж. Бодена рассматриваться как слишком редуцированная, неполная? Подобные неточности, приемлемые для указанного периода, может объяснить современный подход, согласно которому следует учесть не только характер

⁹⁶ Боден, Ж. Метод легкого чтения историй : в 3 томах. Том 2 / Ж. Боден ; пер с лат., коммент., сост. указ. И. В. Кривушина, Е. С. Кривушиной. – М. : Издательский дом высшей школы экономики. – 2021. – 558 с.

⁹⁷ Там же с. 274.

государства, но и способ воспроизведения политической сферы в целом. Как представляется, эта позиция может служить ответом на поставленный выше вопрос о возможной неполноте подхода Ж. Бодена.

3. Последнюю точку в дискуссии почти век спустя поставил Т. Гоббс (во втором, латинском издании трактата «Левиафан», 1668 г.). Порядок ранжирования указанных локус-логических «человеческих жилищ» в его труде тот же: из недр (1) большой системы (страны) формируется (2) меньшая подсистема (общество), а с последней – соответственно, (3) наименьшая система (государство). Каждую из них Т. Гоббс наделял социологическим смыслом и наполнял политическим содержанием только на фоне доминирования над ними сильной и авторитарной политической власти. Возникновение политической власти Т. Гоббс не раскрывает, однако отмечает, что ее цель – «самосохранение человека», и она обязательно должна быть способной «держатъ всех в повиновении» и «заставлять всех жить в мире»⁹⁸.

Из дальнейших размышлений Т. Гоббса следует вывод: как и многие из предшественников и современников (кроме разве что Р. Декарта, Спинозы, А. Ришелье и Дж. Локка), он отталкивался от конклюдии о «несовершенной природе человека». В стране, где проживает вероятно большое и не объединенное единой сильной рукой скопление «испорченных природой» людей, в котором «нет сильной власти, которая держала бы всех в страхе», – в ней стихийно и постепенно создается псевдосоциум, где «каждый является врагом каждого», где нет трудолюбия и гарантий собственности над плодами своего труда, где нет свободы передвижения и гарантий минимальной безопасности жизни, где нет литературы и никаких знаний о себе и мире. Следовательно, там, собственно, нет и общества как такового. А, соответственно, там и речь не идет о государстве как о политико-властном институте. При таких

⁹⁸ Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс ; перевод А. Гутеман. – М. : Рипол-Классик, 2020. – 672 с.

условиях сложившаяся социально-политическая ситуация загоняет людей в перманентное «состояние войны всех против всех»⁹⁹.

Имеется ли благоприятный выход из сложившейся социально-идеиной ловушки? Именно в этом исследовательском локусе содержится генезис политической сферы и ее основного института – государства.

И до сих пор, более трех с половиной веков спустя, увлекательно и поучительно идти опытным путем этого мыслителя. В центре условного квадрата Т. Гоббс поместил правителя и группу элитных лиц, наделенных в данной стране верховной властью. В цивилизованной стране они называются «правлящий политикум»¹⁰⁰ (это понятие ввел в научный оборот К. Реннер в книге «Нация и государство», 1918 г.). Примечательно, что дальше Т. Гоббс в призме детерминистских требований нескольких намеченных им же законов начал коррелировать кратологические полномочия наделенных властью субъектов с жизненными устремления (потребностями, интересами, ожиданиями) подданных на предмет их соответствия критериям правильности/неправильности и справедливости/несправедливости способа властвования над общественными делами народных масс. В процессе этого взаимокоррелирования страна, по его мнению, начинает выходить из капканов «войны всех против всех».

В главах XIII-XVII «Левиафана» упомянутые диалогические «взаимокоррелирования» как бы непринужденным образом подводят народные низы (в современном политическом дискурсе – электорат) под сознательную способность самим выбирать/назначать политическое руководство страны. Текстовый конец XVIII главы трактата увенчивается известной формулой: «...Добровольное согласие людей подчиниться одному человеку или целому

⁹⁹ Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс ; перевод А. Гутеман. – М. : Рипол-Классик, 2020. – 672 с.

¹⁰⁰ Реннер, К. Государство и нация: исслед. с гос. правовой точки зрения возмоз. принципов разрешения нац. вопроса: (К нац. вопросу в Австрии) / К. Реннер. – Санкт-Петербург : Искра, 1906. – 62 с.

собранию людей в надежде на то, что [...] они смогут их защитить против всех остальных... – подобное государство может быть названо политическим государством...»¹⁰¹.

На трех примерах мыслителей, живших и действовавших на трех различных политических этапах ренессансной эпохи, выделяется их взгляд на бытие более или менее положительно обустроенной сферы человеческого жития: одна страна, в ней – одно общество (один этночеловеческий социум), а в нем – одно государство. И все же представленная модель – это политически чистая утопия Ренессансной эпохи, хотя эти примеры очень важны в выделении общественной сферы из недр локус-логического феномена.

Но уже на пороге Нового времени и далее до современности даже в достаточно развитых государствах и надгосударственных образованиях все увереннее формировались исключения из правил. Например, (1) страна – одна, но в ней имеется два или больше политических государств (такой была Германия в течение второго тысячелетия – до 1871 г.); (2) в многосложной стране под одной «государственной крышей» может существовать два и более общества (такими феноменами был СССР и до сих пор является Великобритания, несмотря на Brexit); (3) в некоторых многосложных странах этноавтономные единицы называются и «государствами», и «странами»: например, в Испании существуют «Страна Басков» и «Республика Каталония»; в Молдове – «Республика Гагаузия» и «Страна Сорокская Цыгания»; в Румынии – символическая «Империя цыган».

С учетом указанного, следует детализировать анализ теоретической политологии, которая была сформулирована выше. Первый вариант ее сути – наиболее «чистый» в методологическом смысле. Важнейшим здесь является то, что сферно-политический вопрос в теоретико-социологическом смысле трактовался в дуальной вариации. Дело в том, что, начиная со времен Августина

¹⁰¹Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс ; перевод А. Гутеман. – М. : Рипол-Классик, 2020. с. 29.

Блаженного («О граде Божиим», V в.), целостно господствующая религия рассматривала мир любой страны двусферным: «град высший» – это Божья сфера, «град низший» – это человеческая сфера; в граде высшем правит Бог, в низшем – монарх или премьер-министр, которые одновременно фактически возглавляют и церковь. Последняя коллизия в самом типичном виде имела место, например, во второй четверти XVII в. во Франции (кардинал Ришелье). Важно также учесть, что страны, как правило, были моноэтническими, а, следовательно, этноисторическая сфера находилась в генезисно-исходном состоянии. Кроме того (и это наиболее специфично для всех европейских стран), церковь часто была более политическим, чем социальным институтом. В современных условиях это обстоятельство имеет место лишь в нескольких странах с теократическим государством (Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и прочее).

В остальных, в том числе многосложных и «смешанных вариантах», увеличиваются возможности для алогичных псевдотеоретических суждений, подмены содержания понятий невольных концептуальных ошибок и перестановок «фундамента» и «крыши» политико-сферных конструкций и прочее.

В целом же, предоставляя политике надлежащие ей преимущества над другими социальными феноменами (экономикой, правом, культурой, этикой и прочее), следует помнить, что она «формируется» в политической сфере. Поэтому обоснованным представляется проанализировать идеологему: (1) генезис политической сферы – (2) теория политической сферы – (3) методология интерпретации бытия политической сферы. Первых двух компонентов триады (генезиса и теории) мы уже касались, подробнее они будут раскрыты далее; на очереди – один из важнейших вопросов: методология политико-сферной проблемы в контексте современных транзитивных обществ.

В современной научной доктрине под методологией понимают систему методов познания и практики, то есть, систему принципов, правил, приемов,

способов и средств организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. Исходя из этого определения,

(1) методология научной деятельности – это система методов (принципы, правила, приемы, способы и средства), в том числе познания (отражения) объектов внешнего мира и организации (формирования) систем научных знаний;

(2) методология практической деятельности – это система методов (принципы, правила, приемы, способы и средства) воздействия на объекты, организация их практической деятельности как одного из объектов;

(3) учение о системе научной и практической деятельности – это совокупность научных знаний о содержании, структуре научных и практических методов, условий и правил их применения.

В настоящем диссертационном исследовании понятие «методология» будет употребляться в двойном смысле – как общенаучная методология (методология социально-политических наук, социогуманитарная методология и т.д.) и как методология отдельно взятой науки, а то и отдельной теоретической проблемы.

Общенаучная методология и методология, преимущественно использующаяся в рамках конкретной науки, как правило, имеют соответствующий аналитико-исследовательский инструментарий. Обладает таким инструментарием и политико-сферная проблема. Ее прагматическую методологию следует базировать на четырех операционных конструктах – на принципах, способах, концептах и методах. В данном случае принцип будет указывать на то, что лежит в основе какого-либо исследования, из чего надо исходить при познании исторических явлений и чем нужно/можно руководствоваться в теоретической и практической деятельности». В контексте настоящего исследования среди основных и практически работающих принципов можно назвать системность, объективность, историзм, прагматизм, динамизм и тому подобное.

Системность в рамках данной работы позволит обобщить философские представления о целостности объективного мира, соотношении целого и частей,

взаимодействии системы со средой, общих закономерностях функционирования и развития систем; сформулировать вывод о структурированности каждого системного объекта, а также активном характере деятельности субъектов политических систем в политической сфере. При этом, политические явления в рамках политико-сферной проблемы должны рассматриваться как сложные, обособленные феномены, имеющие свой состав и структуру, выполняющие определенные функции в общей системе.

Принцип объективности позволит осуществить изучение объективных закономерностей, которыми определяются процессы политического развития. Каждое явление рассматривается как многогранное и противоречивое; при этом определяется вся система факторов – положительных и отрицательных. Объективность политических знаний предполагает, что процесс их получения соответствует реальной действительности, независимым от человека законам познания. Объективность научных выводов базируется на доказательности научных фактов.

Что же касается принципа историзма, то он предполагает рассмотрение фактов и политических явлений в конкретно-исторических обстоятельствах, во взаимосвязи и взаимообусловленности, с учетом расстановки и политической ориентации социальных, национальных групп, слоев, общественных организаций.

Этими и подобными принципами в дальнейшем изложении материала мы будем оперировать при анализе структуры политической сферы, выявлении логики построения в современных транзитивных обществах на примере Гонконга.

Учитывая специфику политико-сферной проблемы, в качестве ведущих методологических инструментов стоит рассматривать шесть сугубо научных терминов, выстраивая их в две иерархические триады, расположенные кругообразным образом, благодаря чему они (эти термины) синтезируются в многосмысловое понятие «метод».

Первую триаду составляют многозначные термины – принцип, способ, концепт. Вторую триаду составляют более узкие, хоть и общенаучные термины, которые для нашей исследовательской цели олицетворяют отдельное инструментальное начало, с помощью которого принципы, способы и концепты ощутимо конституируют фигуру данного метода: идея (репрезентирует принцип) – образ (репрезентирует способ) – истина (репрезентирует концепт).

Конструирование метода предложенным способом приближает нас к методологии «дискурсного анализа политической власти» по М. Фуко. В ряде политолого-кратологических работ 60-70-х гг. XX в. свою методологию он основывал (1) на принципе анализа не мотивов поведения властных институтов и субъектов, а (2) на способе анализа техники реализации властных полномочий на всем политико-сферном поле. И, что наиболее значимо для нашего исследования, М. Фуко основывал методы (3) на концепте анализа тактики доминирования властных институтов и субъектов с постулатами теоретического знания.¹⁰²

Выводы по параграфу 1.1: Ещё со времен Макиавелли мыслители пытались выделить социальную сферу из политической, однако особенности развития и структура общества того исторического периода не позволили сделать этого в полной мере. В данном исследовании мы предлагаем использовать для этого термин «локус-логичности», который далее поможет изучить политическую сферу транзитивного общества Гонконга.

1.2. Особенности функционирования транзитивных обществ как объекта трансформационного воздействия

¹⁰² Фуко, М. Археология знания: пер. с фр. / М. Фуко ; общ. ред. Бр. Левченко. – Калининград : Ника-Центр. 1996. – 208 с.

Обращаясь к регулятивным и управленческим аспектам функционирования транзитивных обществ как объекта трансформационного воздействия, целесообразным представляется прежде всего посредством анализа выявить специфические аспекты существования и управления политической сферой с момента зарождения политико-сферного концепта и до настоящего момента включительно.

Основываясь на отдельных аспектах раскрытия ретроспективы становления политико-сферного подхода к оценке современных транзитивных государств и обществ, целесообразным представляется отметить, что в методологической призме логики восхождения общечеловеческого знания о мире лежит следующий конструкт: идея – концепция – теория – наука/научная дисциплина, которая может быть рассмотрена как история конституирования триады: (1) политико-сферная идея – (2) концепция общественной сферы – (3) генезис теории политической сферы. Триада получила отражение в древних мифах и фольклоре тысяч народов, в различных письменных источниках античной и ренессансной эпох, в многочисленных разножанровых теоретических трудах сотен мыслителей Европейского Средневековья и Просвещения, Нового и Новейшего времени.

В то же время, родиной политико-сферной идеи является Древний Китай (примерно в X-VIII в. до н.э.) – к его роли в выстраивании конструкта политико-сферной системы мы еще обратимся в следующих частях настоящего диссертационного исследования, в том числе при анализе современного политического процесса в Гонконге как воплощении сферной проблемы в функционировании транзитивного общества. Древнекитайская идея, послужившая прообразом политико-сферного концепта, была воплощена в образы сфер Небесной, Земной и опосредующей сферы полунебесного/полуземного Богдыхана (правителя). В этом виде сферная идея более тысячи лет существовала в древних Индии, Иудее, Греции, Риме, сохранившись до Раннего Средневековья.

В китайских, иудейских, раннеэллинистических и индоарийских политологемах классико-античных времен содержится несколько трансформированных идей-концептов относительно сферного устройства общества:

- 1) так называемая «земная сфера» уже отграничивается от «небесной сферы»;
- 2) правитель страны больше не является «произведением небес», а является выдвиженцем/ставленником народа;
- 3) понятие «государство» пока расплывчато и подтекстуально ассоциируется с представляющим его правителем (уже в античном Китае не отождествляли «страну» и «государство», а также «правителя страны» и «лидера народа»);
- 4) феномен «власть» еще не расчленен на «чистую» власть – политическую, авторитарную, родительскую, идейную, экономическую, культурную и прочее, но уже очевидно, что «власть» занимает второе место после «народа». Считаем, что с тех пор понятие «власть» становится условным синонимом понятия «политическая сфера» и пребывает с ней в тесной взаимозависимости.

Впоследствии античные мыслители в концепте «политика» начали выделять уже три значимых акцента:

- 1) субъективное волеизъявление;
- 2) действие по адресации и реализации волеизъявления;
- 3) теоретическое знание о волеизъявлении.

Соответственно, в построении концепта политической сферы оставался невыполнимым всего один шаг – четвертый, воплощенный уже в рамках современного подхода к политике. Речь идет об акценте на тактико-стратегическую линию поведения определенных политических субъектов в политической жизни. Этот шаг сделали политические мыслители эпох Ренессанса и Просвещения, а в условиях Древней Греции политическая сфера в общих чертах уже была отделена в обособленную категорию, арбитром и

регулятором жизнедеятельности которой выступал «этос» (обычай, правило, порядок) – у эллинов и «право» (норма, канон, закон) – у римлян.

Новый раннехристианский политотеократический этап формирования политико-сферного концепта открыл гностический проповедник Епифан (вторая половина II в. н.э.) необычным для того времени положением: Бог не проводит различий между богатым, бедным и правителем народа, а также между образованными и необразованными, между свободными и рабами. В этой идее в завуалированной форме представлено зерно большого теоретического открытия: верховный небесный правитель повелевает земному правителю отношенческую составляющую политической сферы, которую должно обустраивать на основе идеи социально-политической справедливости, даже несмотря на то, что народ того исторического времени объективно был разделен в зависимости от разности его статуса:

- 1) по имущественному критерию – богатые и бедные;
- 2) по социально-политическому критерию (свободные люди и рабы);
- 3) по духовно-интеллектуальному (образованные и необразованные).

К началу эпохи Ренессанса в XV-XVII вв. рассматриваемый политико-кратологический концепт по сравнению с античными временами становится принципиально иным. В ведущих странах Европы того времени сложилась социально-политическая триада:

- 1) целостное доминирование религии над политикой, правом, наукой, образованием, бытом, этикой и культурой;
- 2) медленная трансформация церкви из статуса подчиненного власти социального института в статус ведущего политического института;
- 3) все более отчетливо вырисовывалась трансформация государственного института монархического правления к ничем не ограниченному абсолютизму.

Мыслители теоретической мысли и политико-практического действия Позднего Средневековья – от О. Кромвеля, Ж. Бодена, Т. Гоббса и Спинозы к А. Ришелье, Р. Декарту – не только реанимировали предыдущие политико-сферные устремления, но и сами способствовали предварительному отделению

политической сферы от других подобных локусов человеческого бытия и даже «снятия первой завесы» над трехкомпонентной структурой политической сферы среднетипового государства.

Что же касается Нового времени, то подходы политической науки к сферному устройству государственного правления как бы перемещаются из одного государства в другое, следуя за бурными общественными событиями. Именно в этот период Т. Гоббс в ранее упомянутом втором, латинском издании «Левиафана» (1668 г.) впервые употребляет понятие «политическое государство», которое и открывает широкое, до сих пор необжитое пространство изучения многочисленных теоретических вопросов и проблем, сконцентрированных вокруг феномена политической сферы. Только на фоне этого научно-понятийного открытия многим становится понятно: государство функционирует внутри политической сферы, а не пребывает вне ее и не довлеет над ней. Ключевая мысль Т. Гоббса, применимая к политико-сферному вопросу, такова: только вокруг политического государства и возможно конституирование политической сферы всего общества, а не только его периферий или обособленных частей.

По инициативе итальянских и французских просветителей феномен политической сферы стал постепенно изучаться в лоне двух политико-философских теорий – теории ценностей и историософии. Европейские просветители к идеологической составляющей политической сферы добавили концепты о защите таких универсальных ценностей, как идейная свобода, честь и достоинство человека, которые охраняются законами.

В Новое время инициатором процесса самоопределения сферы политики выступил англичанин А. Смит, который не только разделил, но и четко разграничил сферы экономики и политики. Коррелятивные роли в этих модификационных процессах он оставил за государством, которое при всех условиях является центральным элементом институциональной составляющей политической сферы, но также является экономическим субъектом.

Для сравнения, немецкий социолог Ф. Тённис поместил между политической и экономической сферами новую – духовную сферу, включив в ее контекстное содержание духовную свободу, гражданские свободы, политическое мышление, ценности демократии, вовлеченные религиозно-этические ориентации, этнокультурное достояние и т.п. При этом, политико-сферные и духовно-сферные материи не обходят и экономическую сферу, а пронизывают ее двумя стержневыми факторами – «политической волей» и «духовно-творческим мышлением».¹⁰³

Весомые коррективы в понимание фундаментальной проблемы взаимосвязи между экономикой и политикой в процессе общественного развития внес М. Вебер. Он наделил представленную проблему более корректными научными формулировками, доказав, что вопрос о «первичности» или «вторичности» экономических отношений вообще лежит за пределами возможностей эмпирически-научного обоснования. Кроме того, М. Вебер обосновал, что духовные запросы людей могут выступать не менее важным фактором исторического прогресса, чем их материальные интересы. Таким образом он отделил духовную сферу интересов человека от других сфер, призванных удовлетворять разнообразные потребности человека.

В свою очередь, К. Реннер составил до сих пор неописанную идею «квадратуры круга», придя к выводу, что постулаты наций и государства вписываются друг в друга как квадрат в круг, а квадратура круга никем еще не найдена. Также, по мнению исследователя, никогда не будет найдена чудодейственная формула, которая устранил трения между государством и нацией.¹⁰⁴ Сквозь призму исследуемой проблемы в этом парадоксе привлекает внимание до настоящего времени актуальная мысль: в полиэтническом обществе

¹⁰³ Тённис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии = *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie.* / Ф. Тённис. – М. : Фонд Университет ; Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – 450 с.

¹⁰⁴ Реннер, К. Государство и нация: исслед. с гос. правовой точки зрения возмоз. принципов разрешения нац. вопроса: (К нац. вопросу в Австрии) / К. Реннер. – Санкт-Петербург : Искра, 1906. – 62 с.

не только титульный, но и каждый иной народ-этнос, несмотря на глубину исторических корней его бытия на этой земле и уровень социально-экономического и политико-культурного развития, имеет право на строительство в этом государстве своего многосферного социума.

Наиболее плодотворным для конкретизации политико-сферного концепта и его применимости к транзитивным преобразованиям стал современный (или Новейший) период, который характеризуется многообразием подходов к изучению того или иного общественного феномена, в нашем случае – политической сферы транзитивного общества. В целях анализа нынешнего этапа теоретико-методологического исследования упомянутого вопроса, рассмотрим ключевые, по нашему мнению, положения современных ученых о политической сфере переходного (транзитивного) общества, перенеся в дальнейшем полученные выводы на специфику построения и реализации политического процесса в Гонконге на современном этапе.

Так, особенностью современных транзитивных обществ является нестабильность их основных сфер (прежде всего, политической, экономической, духовной и т.д.), состояние кризиса, в том числе и политического, как результат неспособности политической системы адаптироваться к внутренним и внешним изменениям. Транзитивным обществам присущ раскол элит, их склонность к корпоратизации и олигархизации, переходный тип политической культуры, ее фрагментарность как хаотическое сочетание старых и новых ценностей и т.д. В переходных обществах политическое развитие достигается при условии, что политические институты, нормы и структуры способны к оперативному, гибкому реагированию на новые запросы общества. Высокая конфликтность социальных и политических процессов в условиях модернизации обуславливает значительный уровень протестной культуры и поведения, актуализирует вопрос о достижении компромисса между правящими кругами и демократической контрэлитой.

Важно учитывать, что множество современных трансформирующихся обществ и государств, в т.ч. включающих квазигосударственные образования,

столкнулись с проблемой: радужные надежды быстрой демократизации и перехода к современной рыночной экономике в силу нестабильности политико-правовой и социально-политической сфер сменялись разочарованием, которое передавалось политологическому сообществу. Это побудило политологов и социологов обратить внимание на историческую обусловленность общественной трансформации и выделить характерные черты переходного общества:

- 1) балансирование между утверждением демократии и отступлением к традиционному для региона способу функционирования политической системы;
- 2) доминирование в политической сфере патронажной политики олигархических партийных союзов;
- 3) признаки гибридности в экономической сфере, когда рыночная конкуренция тормозится монополизацией рынков и средств производства;
- 4) истощение производственных и экономических ресурсов в условиях слабой легитимности частной собственности, в особенности в рамках противостояния между сильным государственно-властным центром и ограниченными в ресурсах автономиями или иными квазигосударственными образованиями.

В то же время, стабилизирующим фактором в переходном обществе, как правило, выступает феномен двойной институализации, в рамках которого существование старых и новых институтов обеспечивает новый социальный строй, где «новые» социальные акторы не стремятся к радикальному переформатированию политической сферы, репрессиям и т.д., боясь решительного сопротивления, а представители старых слоев частично сохраняют свои привычные социальные роли и позиции. Это обеспечивает своеобразную институциональную полноценность общества, основанного на согласии людей жить в таком институциональном пространстве политической сферы, где действуют как старые, так и новые институты.

С учетом указанного, под переходами в транзитивных процессах следует понимать форму существования общества, в котором что-то постоянно

происходит или меняется, особенно в отличающейся нестабильностью политической сфере. В таком случае, мы, как минимум, должны иметь возможность сравнить исходное состояние социума с конечным, а поскольку часто транзитивные общества характеризуются длительностью затянувшихся и характеризующихся усилением неустойчивости изменений, важно трезво оценивать, идет ли в них речь о транзитивности политической сферы или же о нестабильности как константе.

Указанное обуславливает также значимость обращения к специфике регулятивных и управленческих аспектов организации политической сферы транзитивного общества.

Так, формирование, функционирование, развитие и, в конце концов, гибель или переход политических систем обеспечивает взаимодействие взаимосвязанных элементов: политических отношений, политических институтов и политической идеологии, а также сопутствующих элементов. Объединяющим фактором структуры политической системы мы считаем политические отношения, которые формируют институты, обеспечивающие функционирование всех сфер жизнедеятельности общества. Особая роль именно политических отношений заключается в том, что они индуцируют отношения, касающиеся реализации публичной власти между большими группами людей – классами, нациями, общественными объединениями. Политическая система, в отличие от экономической, формируется в основном целенаправленно, а ее сердцевину составляет совокупность соответствующих идей, ценностей, то есть, идеология, отражающая социальные интересы больших социальных групп и определяющая вид системы. Институтами, которые образуют политическую систему и играют ведущую роль в концентрации и систематизации сферных элементов, являются опредмеченные политические идеи и проекты, – отсюда следует особая роль духовного наполнения идеологии при отработке механизмов функционирования и модернизации всей политической системы.

В этом контексте Т. Парсонс выделяет два типа процессов, происходящих в любой социальной системе, а, следовательно, и в политической сфере. Первый

тип охватывает динамический аспект структур. Эти процессы являются интегративными и регулируемыми, они носят компенсаторный характер, поскольку обеспечивают восстановление равновесия после возмущений, гарантируя непрерывность и воспроизводство общества. Второй тип процессов охватывает структурные изменения, касающиеся системы основных ценностей и норм. Структурные изменения по Т. Парсонсу – «это изменения в ценностях, которые регулируют взаимодействие единиц системы». Течение социальной эволюции при этом преимущественно определяют культурные и интегративные процессы, а сама эволюция рассматривается им как рост количества и разнообразия специализированных единиц внутри системы.¹⁰⁵ При этом коммуникационные процессы в обществах и между ними обусловлены ростом уровня приспособления (адаптации). Как резюмирует Дж. Тернер, в результате меняется тип общества, «что влечет за собой изменения в экономике, политическом режиме, структуре общества, системе ценностей», то есть, во всех сферах жизни людей.¹⁰⁶

Таким образом, можно подытожить, что политическая система является главной подсистемой политической сферы, поэтому она генерирует собственные, присущие ей функции, которые одновременно являются частью функций и политической сферы.

В контексте выбранной темы диссертационного исследования это значит, что в современных реалиях у каждого народа-этноса существует свое социум-общество со своей сферно-отраслевой системой, – а, значит, и собственной микрополитической системой. А что собой представляет в этом смысле многосложное общество, как не определенную сумму микрополитических сфер? Например, в Британии три квазигосударственных образования – Англия, Шотландия и Уэльс – реально имеют свои микрополитические сферы, отчасти сходные с теми микрополитическими сферами, которые функционируют в КНР,

¹⁰⁵ Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс ; под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М. : Академический Проект, 2002. с. 323.

¹⁰⁶ Там же

структурно включившей в свой состав Тайвань и Гонконг в рамках подлежащего более детальному последующему анализу концепта «одна страна – две системы». Эти и иные примеры многокомпонентного включения квазигосударственных образований в структуру одного обобщенного полиэтнического государства в рамках структурно-сферного концепта позволяют обосновать следующий вывод: все народы-этноты имеют право на управление своей политической жизнью через пропорциональное представительство во всех составляющих единой политической сферы. Эта идея вложена и апробирована на современном этапе в концепции политико-властной децентрализации множества современных государств, надгосударственных образований, а также полиэтнических государств, структурно включающих в свой состав и иные квазигосударственные генерации.

Выводы по параграфу 1.2: Современный период характеризуется многообразием подходов к изучению политической сферы транзитивного общества. Таким обществам присущи нестабильность их основных сфер (прежде всего, политической, экономической и духовной), состояние кризиса, раскол элит, их склонность к корпоратизации и олигархизации, переходный тип политической культуры, ее фрагментарность как хаотическое сочетание старых и новых ценностей, высокая конфликтность, часто выражающаяся протестными движениями и бунтами, способными привести к «цветной революции». Транзитивные общества, включенные в состав других государств как автономии, примером чего является Гонконг, имеют свою политическую систему и политическую сферу. Признаками транзитивных обществ являются:

- 1) балансирование между демократией и традиционным для региона способом функционирования политической системы;
- 2) доминирование в политической сфере патронажной политики олигархических партийных союзов;
- 3) признаки гибридности в экономической сфере, когда рыночная конкуренция тормозится монополизацией рынков и средств производства;

4) истощение производственных и экономических ресурсов в условиях слабой легитимности частной собственности, в особенности в рамках противостояния между сильным государственно-властным центром и ограниченными в ресурсах автономиями или иными квазигосударственными образованиями.

Гонконг в этом плане представляет особый интерес, поскольку, в отличие от большинства транзитивных обществ, представленных в последние десятилетия государствами постсоветского пространства, он, напротив, является демократической автономией, находящейся под влиянием большого государства с иной системой правления. Следствием чего, как будет описано в последующих главах, стали протесты на его территории.

1.3. Институционализация политической сферы транзитивного общества в ракурсе анализа исторических предпосылок и современных аспектов трансформации политической сферы Гонконга

Обращаясь к специфике политического процесса в Гонконге на современном этапе с учетом специфики политико-сферного концепта, важно отметить, что демократизация Тайваня, причины и ход которой находятся за пределами этого исследования, до настоящего момента выступает фактором транзитивных преобразований на территории Гонконга.

Описывая географию города и прилегающих территорий, являющихся частью данной административной единицы, стоит упомянуть, что Гонконг находится в Южно-китайском море и включает в себя одноименный остров, так называемые Новые территории и полуостров Коулун, а также свыше двухсот шестидесяти островов. Город-регион занимает 22 место среди крупнейших городов КНР.

С 1997 года Гонконг является полноправной частью Китайской Народной Республики, однако ранее он управлялся Великобританией. Период аренды сильно изменил исконно китайскую территорию, распространив на ней собственную культуру, в том числе при помощи распространения христианства, и внедрил идеологию западного общества. Во время процесса передачи Гонконга за ним был закреплён статус Специального административного района. Для управления и сосуществования с территорией с иной идеологией и политическим режимом был создан принцип «одна страна, две системы». Изучение данного принципа и последствий его принятия, которые мы наблюдаем в активной политической жизни Гонконга наших дней, может помочь российским исследователям разработать меры для предотвращения нарастания центробежных сил на территории РФ и противодействия сепаратизму.

Со времен Опиумных войн второй половины XIX в. территория современного Гонконга находилась под юрисдикцией Британской империи. Согласно Конвенции о расширении территории Гонконга, в 1898 г. Британская империя окончательно завладела всей территорией нынешнего САР. Договор подразумевал аренду данной области на 99 лет, однако на тот момент никто не предполагал, что столь выгодную колонию придется возвращать отсталому феодальному Китаю времен Цинской империи.

Во второй половине XX в. Гонконг начал наращивать экономический, а вслед за тем и политический потенциал. Торговые льготы, поддержка со стороны Великобритании в купе с удобным географическим положением позволили городу занять свое место в рядах так называемых «Азиатских тигров». Также сильно изменился и материковый Китай: благодаря реформам Дэн Сяопина страна начала свое превращение в одну из ведущих экономик мира. Все перечисленное выше вынудило Великобританию начать процесс по возвращению Гонконга, когда официальный срок столетней «аренды» начал подходить к концу.

Процесс состоял из нескольких этапов:

Первым из них стало развитие государственных институтов на территории Гонконга. Старое колониальное управление уже не могло удовлетворить потребности большого города, содержащего одну из крупнейших бирж Западного мира, принимавшую свой пост после закрытия таковых в США. Потому в начале 60-х была создана Приемная неофициальных членов Административного и Законодательного советов, послужившая мостом между администрацией и населением, при помощи переправления заявлений (предложений и жалоб) последнего.

Иным важным шагом стала реформа территориального деления, в ходе которой было создано 9 новых районов, в рамках которых существовали районные комитеты. Следом локальные органы власти получили возможность самостоятельно распределять получаемое финансирование, что еще сильнее ускорило развитие экономики колонии.

Общей целью проведенных в 70-х годах реформ было расширение выборных должностей в управлении Гонконгом и создание дополнительных органов власти, подчиненных администрации, к примеру: Советы города и региона стали соединительным звеном между последней и районными образованиями.

Следующим этапом стало создание органов, способных заменить колониальную администрацию – правительства (включая руководство) и парламента. Для этого в 1984 г. вышел в свет документ под названием «Дальнейшее развитие представительного правительства в Гонконге». Окончательно работа над данным проектом была завершена в 1990 г. В это время власть в Гонконге уже начала принимать знакомые нам черты – высшие исполнительные функции взял на себя Исполнительный совет, управляемый Главой исполнительной власти. Данный орган включает Главного секретаря, секретаря по финансам, по юстиции, а также десять назначенных членов.

Легислативные функции взял на себя Законодательный совет. Он представлял из себя однопалатный парламент, состоящий из 60 членов и переизбираемый каждые 4 года. Половина из указанных членов избирались

всеобщим голосованием, в то время как вторая половина избиралась голосованием по функциональным группам (в ходе реформ 2022 года это было изменено). Правом голосовать обладают только совершеннолетние граждане, прожившие в Гонконге семь лет. Парламент и сейчас занимается утверждением бюджета и налогов, принятием законов, а также контролем правительства, и при возникновении потребности может проводить голосование об импичменте, которое после отправляется на рассмотрение к руководству страны.

В свою очередь Глава исполнительной власти имеет право налагать вето на предложенные законопроекты, преодолеть которое можно только двумя третями голосов. Однако и в таком случае Глава способен не согласиться с законопроектом и назначить новые выборы в Законодательный совет. Только после повторного голосования новым составом совета законопроект мог обрести жизнь, а Глава исполнительной власти должен отправиться в отставку. Также правом отменить любой принятый закон обладает Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП), куда направляются все инициативы после утверждения в Гонконге.

Проведенные реформы позволили осуществить передачу экс-колонии КНР при условии соблюдения принципа «одна страна – две системы». Создав демократические институты Великобритании смогла укрепить свое влияние на утерянной территории и создать множество проблем с её интеграцией в Китай. Даже учитывая условия, согласно которым последующие 50 лет Гонконг будет иметь автономию во внутренних делах, отдавая КНР внешнеполитические и военные решения, британцы продолжали присматривать за территорией, информационно и идеологически поддерживая демократию в САР.

Дипломатические и военные инстанции взял на себя Китай, однако нужно отметить, что Гонконг все еще сохраняет независимую позицию в рамках экономических взаимоотношений (он является членом ВОЗ, ВТО, АТЭС, Азиатского банка развития и т. д.). Также стоит упомянуть, что Гонконг выставляет отдельную команду на Олимпийские игры (к примеру, на играх 2024 г. спортсмены САР смогли взять 2 золотые и 2 бронзовые медали).

Описанное выше позволяет сделать вывод о Гонконге, как об относительно независимой территории, способной продвигать свою экономическую политику и идеологию.

Завершив политико-географический и социо-политический экскурс в историю Гонконга, следует отметить, что на современном этапе сложности, порожденные демократизацией Гонконга в составе КНР, связаны как с традиционно нестабильными отношениями между обоими политическими акторами, существовавшими в течение многих десятилетий, так и с политическими изменениями последних лет. Демократизация и трансформация социально-экономических и политических сфер жизни транзитивного общества осуществляет влияние на политику Гонконга и перспективы решения «гонконгской проблемы» на трех уровнях.

Первый уровень – базовый, связанный с изменением природы режима и, соответственно, его внешней политики. Современные подходы к организации и управлению политической сферой трансформируют властные отношения между государством и обществом, политические интересы режима, восприятие им среды безопасности, меняют институциональную организацию внешней политики и процесс принятия решений в данной сфере. Это приводит к диверсификации государственной власти, появлению новых политических игроков с различными интересами, потому внешняя политика становится зависимой от внутривнутриполитических противостояний, коалиционных объединений и компромиссов. Новый способ легитимизации власти – выборы – побуждает политическое руководство к ответственности перед избирателями. Открытость вопросам внешней политики и уменьшение оторванности государства от общества привели к преобразованию политики Гонконга в важный предмет публичной дискуссии. При этом, как и ранее будучи частью Великобритании, Гонконг не имеет права на определение собственного внешнеполитического курса.

На втором уровне демократия как современный трансформационный фактор опосредованно влияет на отношения между Гонконгом и КНР; ее

влияние здесь выражается в закономерностях и противоречиях концепта «одна страна – две системы», которые будут подробно рассмотрены в параграфе 3.1. Под управлением британской администрации проблемы гонконгского общества оставались скрытыми; демократизация же, актуализировавшая такие аспекты современного политического процесса, как выборы или неформальные социальные институты, создала условия как для усиления, так и для возможного разрешения конфликтов в обществе.

Третий уровень решения «гонконгской проблемы» связан с тем, как демократическая практика осуществляется в условиях Гонконга. Речь идет, прежде всего, об институциональных недостатках демократии этого квазигосударственного образования, особенностях гонконгской политической культуры, существовании пережитков прошлого режима, неприемлемых для демократического общества. Эти факторы усиливают перманентное противостояние в регионе, затрудняют поиски компромисса между политическими элитами и обществом в целом. Прежде всего, здесь следует отметить особенности избирательной системы Гонконга, речь о которой пойдет в третьей главе настоящего диссертационного исследования.

Для понимания взаимосогласованной с КНР политики Гонконга необходимым видится также дальнейшее рассмотрение вопросов гонконгской внутренней политики, которые тесно связаны с демократическими преобразованиями общества и определяют перспективу решения гонконгской проблемы. Речь идет о проблемах «гонконгская идентичность / китайская идентичность» и «независимость / объединение (слияние)».

Демократизация влияет на развитие национальной идентичности неоднозначно. Она может способствовать объединению нации, как в случае Германии. С другой стороны, демократизация может порождать новую национальную идентичность и сепаратистские движения. Возможно, именно последняя тенденция преобладает в Гонконге.

С другой стороны, исследователи Е. Мэнсфилд и Дж. Снайдер считают, что в условиях демократизации, когда сила политической элиты относительно

уменьшается, возникает необходимость в мобилизации масс, но, в конечном счете, политическая активность масс становится трудно управляемой обычными средствами, в результате чего возникает соблазн использовать националистические чувства избирателей.¹⁰⁷

Запутанность и сложность вопроса китайской либо гонконгской идентичности создает питательную почву для политических манипуляций. В действительности, за исключением 8% населения, почти все жители Гонконга являются ханьцами.¹⁰⁸ Но внутри самого общества различают «коренных гонконгцев» и новоприбывших. Сторонники ханьской идентичности считают жителей Гонконга обособленным населением, пусть и не обладающим специфическими этническими признаками, чаще всего на основании примордиальных критериев, таких, как общий язык и культура, отмечая при этом, что Гонконг последнее время находился под навязанной властью.

К тому же гонконгской политической культуре присущ «синдром жертвы». Создается ситуация, когда назвать себя китайцем означает признать свою неприязнь к Гонконгу. Это очень опасная тенденция, которая угрожает расколом общества по этническому признаку, что не способствуют взаимопониманию в обществе и выработке компромиссного и взвешенного подхода к отношениям между Гонконгом и КНР.

Развитие гонконгской идентичности сопровождается пересмотром истории в антикитайском духе, развитием местных диалектов, введением новых школьных учебных программ, где история, география и литература Китая изучаются в рамках общих курсов истории, географии и литературы. С одной стороны, это является восстановлением справедливости в отношении жителей Гонконга, которые ограничены в осуществлении отдельных культурных прав. С другой же, такие действия вызывают серьезное раздражение КНР и опасения

¹⁰⁷ Mansfield, E. Democratization and the Danger of War / E. Mansfield, J. Snyder // *International Security*. – 1995. – Vol. 20, № 1. – P. 5–38.

¹⁰⁸ Hong Kong ethnic groups data // The Government of Hong Kong Special Administrative Region, Home affairs department, Race relations unit. – URL: <https://www.had.gov.hk/rru/english/info/>

жителей САР, имеющих материковую идентичность, которые считают, что они станут жертвой «гонконгизации» или обратной дискриминации. Разумеется, все это не способствует консолидации общества.

Что же касается проблемы независимости Гонконга, то ее нельзя считать производной от проблемы идентичности. В регионе прямой корреляции между сторонниками гонконгской идентичности и сторонниками независимости не существует: можно считать себя гонконгцем, но не поддерживать независимость, и наоборот.

Говоря о проблеме независимости / объединения, следует понимать, что провозглашение независимости в гонконгском случае не означает создание нового государства, как в случае колоний или сецессионистских областей. Когда в Гонконге говорят о независимости, под этим понимают переформатирование государственной структуры и государственной идеологии таким образом, чтобы исключить любую институциональную, идеологическую и государственную зависимость от концепта «одного Китая», остатки которого еще до реформ 2020 г. существовали в Конституции и общественном сознании.

В то же время, результатом развития отдельной гонконгской идентичности и поиска Гонконгом своего собственного места в мире стал постепенный отход от политики «одного Китая», как ее понимают в КНР. Если в начале 90-х гг. политика «одного Китая» рассматривалась как признание единственным легитимным правительством руководящей власти Китая, то сейчас принцип «одного Китая» в Гонконге понимают и используют в культурно-цивилизационном плане без упоминаний о суверенитете и объединении.

Закономерно, что развитие гонконгской идентичности и трансформация принципа «одного Китая» вызывают беспокойство Пекина. И дело здесь не в получении Гонконгом реальной независимости и не в приобретении им нового статуса в международной системе, хотя эти вопросы также беспокоят китайское руководство. Опасения КНР касаются прежде всего историко-идеологического компонента проблемы, ведь отход от концепта Большого Китая (т.е. разрушение концепции «одного Китая»), будет означать крупное поражение КНР.

Во-первых, это поставит под сомнение «выздоровление» Китая от многовековой колониальной экспансии западных государств и приобретение им статуса великой державы. Если одна из территорий силой будет оторвана от Китая, это будет означать снижение статусной позиции Китая.

Во-вторых, этот факт пошатнет веру элиты КНР и ее населения в правильность социально-экономической модели развития страны.

В-третьих, китайская политическая культура исторически не различает сообщества политические и культурные, поэтому разрыв Гонконгом этого единства – удар по ценности китайской культуры и по китайской традиции.

В-четвертых, развитие гонконгской идентичности и риск провозглашения им независимости рассматриваются в Пекине как очень опасный прецедент, который может быть использован в таких проблемных регионах КНР, как Тибет, Синьцзян-Уйгурский автономный район и Внутренняя Монголия.

В-пятых, создание гонконгской идентичности выбивает из рук Пекина один из главных аргументов в пользу объединения, а именно аргумент о кровном и духовном родстве материковых китайцев и гонконгцев, в связи с чем КНР так болезненно воспринимает любые намеки на проведение референдумов, внесение изменений в Конституцию и тому подобное.

В подведение итогов, основываясь на политико-сферном подходе к анализу трансформационных изменений в транзитивном гонконгском обществе, следует отметить, что современные демократические преобразования в Гонконге существенно изменили ситуацию в регионе, однако влияние демократизации не было однозначным. С одной стороны, происходят действительно положительные сдвиги в том, что касается экономических и гуманитарных контактов между КНР и Гонконгом.

С другой стороны, демократизация Гонконга способствовала развитию отдельной гонконгской идентичности и стремлению части населения «провозгласить независимость». По мнению автора, эти внутривнутриполитические процессы усложнили перспективу дальнейшего объединения с Гонконгом на условиях КНР.

Демократические преобразования в Гонконге привели к тому, что любое решение проблемы должно, прежде всего, быть поддержано народом Гонконга, то есть, учитывать столь значимые аспекты политико-сферного вопроса, как гуманитарное и, прежде всего, культурное взаимодействие.

Выводы по параграфу 1.3: Экскурс в историю создания политических институтов в Гонконге позволил проследить развитие последнего как независимой в экономическом и идеологическом смысле территории, имеющей собственную политическую систему.

Демократизация Гонконга привела к тому, что его проблемы, ранее решаемые британской администрацией, стали открытыми и гласными. Её следствием также стало идеологическое и системное противостояние как между Гонконгом и КНР, так и внутри самого САР. При всем этом дополнительной проблемой стало то, что Гонконг, будучи уже квазигосударственным образованием с собственной политической системой, не может проводить независимую внешнюю политику.

Демократизация изменила и усилила идентичность гонконгцев, что позволило впоследствии вянуть их в протесты, а также могло породить дискриминацию по отношению к людям с материковой идентичностью, усилив раскол.

Выводы по главе 1: Существует множество подходов к пониманию политической сферы. В рамках данного исследования наиболее удобным будет использовать термин локус логичности.

Гонконг является транзитивным обществом, подходя под его критерии. Но, в отличие от большинства транзитивных обществ последних десятилетий, представленных преимущественно странами, переходящими к демократии, Гонконг сначала подвергся демократизации, а после стал САР внутри КНР, которая стремится усилить свой контроль над автономией и распространяет свою систему – восточную меритократию.

Демократизация Гонконга также примечательна как средство ведения гибридной войны. Она превратила его в нестабильное транзитивное общество,

как это бывает при «цветных революциях», однако в данном случае это не наступательный, а оборонительный инструмент. Планомерное создание политических институтов, введение гражданских свобод, укрепление гонконгской идентичности как оппозиции материковому самосознанию не схожи с внезапными протестами, приводящими к смене власти и мгновенной демократизации. Но они заложили бомбу под будущее стабильное существование Гонконга в составе КНР. А когда пришло время и материковый Китай начал предпринимать попытки влияния на САР, она сдетонировала, вызвав протестные акции, использовавшие тактики цветных революций, блокировавшие принятие решений и укрепившие позиции демократического лагеря.

Таким образом, политический процесс в Гонконге на современном этапе был предопределен его демократизацией, проведенной Великобританией в последние десятилетия XX в. Исследование позволило определить локус логичности Гонконга как транзитивного общества, выражающийся в противостоянии западной демократии и восточной меритократии.

Глава 2. Западная демократия и восточная меритократия как факторы воздействия на политическую сферу транзитивного общества Гонконга

2.1. Западные демократические ценности и их реализация в контексте британского воздействия на политическую сферу Гонконга

Существование определенных идеалов, стилей поведения, моральных установок, норм на протяжении всей истории определяло курс жизнедеятельности человечества, ограждало его от полного уничтожения и закрепляло условия человеческого общежития. Каждый этап человеческого развития ознаменовался определенными ценностями: справедливостью, благом, добром, верностью, патриотизмом, а часто их вариациями. Пониманию и достижению этих идей отводится значительное место в трудах представителей мировой политической и общественной мысли. Но именно отнесение этих жизненных смыслов-ценностей к научным категориям является новым подходом, потому аксиология признается молодой философской наукой. Политическая наука же начала осваивать методологию и категориальный аппарат аксиологии еще позже.

Приоритет ценностей над материальным стал определяющим для постмодернизма и закрепился в его практиках. Например, Э. Трёльч, автор книги «Историзм и его проблемы», еще в начале XX в. отмечал, что ценности могут претендовать на место движущей силы нового столетия. Он писал о переходе истории в новую плоскость – ценностную, ведь «...переход от истории к теории ценностей, к тому же вступление в эту новую сферу, был осуществлен с

помощью понятия индивидуальности»¹⁰⁹. Соответственно, в период постмодерна человек обращается к себе в поисках ответа на вопрос, что и почему его окружает, по какой причине и как этому помочь. В более широком смысле ответом на эти вопросы становятся ценности.

Однако независимо от происхождения, принадлежности к определенной социальной группе, исторического периода ценности признаются одним из самых глубоких конститутивных факторов человеческого бытия в целом. В частности, поскольку ценности помещены в жизненных убеждениях конкретных людей, они образуют единую нравственную систему, руководствуясь которой, формируется окружающий мир человека, начиная от выстраивания его индивидуальной жизни и заканчивая организацией жизни общественной. Разнообразие аксиологических систем связано с каждой конкретной эпохой и преобладающими в ней историческими, религиозными, мировоззренческими, социально-бытовыми, культурными и другими факторами, которые и формируют на каждом этапе человечества собственную систему ценностей. Однако в рамках истории изучения ценностей выделяется два подхода к хронологическим границам их исследования:

- 1) от древнейших времен, когда зарождалась этика и эстетика античности;
- 2) с середины XIX в., когда именно «ценность» стала философской категорией, исследование которой вылилось в новую философскую науку - аксиологию, включенную в дальнейшем в социогуманитарные знания.

В рамках истории аксиологии, начало исследования ценностей и зарождение самого философского знания относительно исследуемой категории отождествляется. Например, по мнению исследователей науки о ценностях, в частности, В. Шохина, хронологизация истории аксиологии делится по разделам, которые включают:

1. раннюю аксиологическую мысль;

¹⁰⁹ Трельч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – М. : Юрист, 1994. с. 468.

2. предклассическую аксиологию: от истоков до 1808 г.;
3. классическую аксиологию – с середины XIX в. до середины 1930-х гг.¹¹⁰

Подробный исторический анализ концептуального развития ценностей и формирования аксиологии был совершен В. Шохиним в работе «Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль». Обобщенно, в соответствии с научными изысканиями вышеупомянутого автора, классический этап развития аксиологии может быть представлен следующими подходами к пониманию сущности ценностей:

1. Прагматическая трактовка аксиологии, согласно которой движущей силой ценностей являются интерес, а также способность ценностей служить целям индивида. Этот подход представлен трудами таких ученых, как: Ф. фон Визер («О происхождении и основных законах экономической ценности»), Дж. Сантаяна («Чувство красоты»), Р. Перри («Современные философские тенденции»);
2. Гедонистическая трактовка ценностей с помощью чувств, которые они вызывают у индивида, обеспечивая бытие ценностного через категорию удовольствия. В рамках данного подхода целесообразно вспомнить таких ученых философов и их работы: Л. Дёринг («Философское учение о благах»), Г. Корнелиус («Введение в философию»), и др.;
3. Консумптивная трактовка (от лат. «Consumptio» – потребление) ценностей, которая исходит из позиции способности ценностей удовлетворять определенные потребности. Соответствующее понимание аксиологии отражено в работах О. Кюльпе («Введение в философию»), Г. Геффдинга («Философия религии») и др.;

¹¹⁰ Анисимов, С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление / С. Ф. Анисимов. – М. : Мысль, 1988. – 255 с. – ISBN 5-244-00001-2.

4. Дезиративная трактовка (с англ. «desire» – желание), которая мыслит проблематику ценностей категориями желаемого, конечной цели. В частности, Ф. Кирхнер («Словарь основных философских понятий»), Б. Баух («Истина, ценность и действительность») представляют данный подход.

На вопрос, почему проблематика ценностей как предмета исследования философии была проигнорирована философами на протяжении более двух тысячелетий, можно закономерно ответить, что их понимание не требовалось в доаксиологической философии, поскольку существовали два понятия, близкие к современному понятию ценностей: понятие «совершенство» и понятие «метафизическое благо». С момента сочетания этих понятий, а также категорий справедливости, добра, истины и т.д., а также обобщения всех знаний о надлежащем, возникает классическая аксиология.

Поэтому с конца XIX в. проблематика ценности становится объектом философских исследований, что может быть связано с развитием немецкой классической философии, психоанализа, появлением теоретиков политических доктрин, то есть, с выделением доминанты человеческого, идеального над онтологическим и материальным. В связи с указанным, аксиология начинает стремительно развиваться, в том числе и в направлении выделения политических ценностей, значимых как в контексте обособленного внутригосударственного, так и наднационального и общемирового развития общественных процессов.

В целом, феномен ценностей различные ученые понимают по-разному, таким образом раскрывая его поливариантную сущность. Непосредственно же политические ценности можно рассматривать с позиции их мотивации, поэтому их сущность и характеристику целесообразно дифференцировать по следующим признакам:

1. Потребность как мотивирующий фактор ориентации выбора, оценок и деятельности носителя ценностей, который выходит с позиций нехватки данной ценности, блага или явления;

2. Интерес как цель и мотив деятельности или бездеятельности, критерий выбора ценности, способной удовлетворить его и сформировать соответствующую мотивацию;
3. Благо как осознание носителем ценности её самодостаточного значения, ощущение дискомфорта в её отсутствие. Ценности понимают как высшее благо, к которому стремится индивид или группа лиц.

Политические ценности, со своей стороны, являются тем смыслом, который предоставляет политике курс, границы и условия функционирования. В этих условиях ценности проявляют себя в политике в виде идеалов, норм, правил и тому подобное.

Базовое определение политических ценностей характеризует их как «ориентиры и регуляторы политической деятельности, принятые в данном обществе и воспринимаемые как императивы и нормы, имеющие самодовлеющую значимость».¹¹¹ Соответственно, ценности являются многогранным и многокомпонентным явлением, поэтому считается целесообразным понимать их во всей полноте факторов их формирования и реализации, включая блага, потребности, интересы, ориентации, моральные нормы и т.д.

Политические ценности являются тем фактором, который позволяет определить уровень развития общества в его социальном, политическом, культурном, общецивилизационном контекстах, состояние и перспективы дальнейшего прогрессирования, а также дает возможность предугадать следующие тенденции развития общества.

Именно выбор направления развития любой формы политической жизни обуславливается аксиологическим фактором, а также является определенным фильтром для избрания политического режима, в особенности при условии

¹¹¹ Халипов, В. Ф. Власть. Политика. Государственная служба : словарь / В. Ф. Халипов, Е. В. Халипова. – М. : Луч, 1996. с. 96.

разности цивилизационных форм и путей развития государств и обществ. Например, политика закрытых дверей, апартеида, военного коммунизма, колониализма, нацистская расовая политика и другие исторические примеры практического воплощения политики также признавали целесообразность и эффективность своих действий, играя на доминирующих настроениях и идеях в обществе, и тем самым формируя искривленную, искаженную систему политических и социальных ценностей. Осознание соблюдения в процессе политической и международной деятельности системы абсолютных ценностей, в отличие от относительных, ситуативных ценностей, стало основой для принятия многих международных пактов, которые отрицают любую форму дискриминации, проявления насилия и нетерпимости. Устав ООН¹¹², например, отражает смысл именно абсолютных высших ценностей, которые являются общими независимо от национальных и культурных особенностей стран. Считается, что для западноевропейских государств являются применяемыми ценности гуманности, свободы, демократии, равенства, соблюдения прав и свобод гражданина, толерантности, – они становятся тем тормозным механизмом, который должен защищать политический процесс и общественные отношения от практической «целесообразности» захватнической политики, силового решения противоречий, ущемления прав и свобод индивидов и проявлений несправедливости (что, само собой, работает не всегда). В то же время, для восточного мира с его базовыми, тысячелетиями отточенными меритократическими взглядами политические ценности будут существенно отличными от западных: к примеру, для КНР с его многовековой приверженностью конфуцианству «Ценностные критерии и стандартные оценки политических явлений и действий власти, национальные и локальные мифологии и философские предпосылки политических теорий, как и сами теории, ментальные стереотипы и политические символы демонстрируют как

¹¹² United Nations. United Nations charter. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 24.01.2025).

различия государственных систем, несмотря на структурное сходство институтов власти, так и содержательные характеристики цивилизационных основ политической культуры отдельных наций, народов, этносов и государств. Такое влияние политической культуры позволяет говорить о воздействии культуры как «мягкой силы» (soft power) в политике»¹¹³, а также обосновывает значимость внедрения в политическую культуру и реализацию в рамках политических процессов исключительно традиционных для Китая ценностных категорий, ведь «В китайской политической культуре центральное место занимают те ценности, установки, ориентации и стереотипы, которые направлены на сохранение существующей политической системы»¹¹⁴.

Соответственно, политические ценности характеризуются как амбивалентные, ведь каждому носителю ценностей присуща собственная их система, которая может быть отличной от общечеловеческой ценностной структуры, иметь другую иерархию базовых критериев или совсем не отображаться в контексте философских абсолютных ценностей. Эта амбивалентность ценностей мыслится именно в постмодернистском дискурсе, что происходит за счет учета нескольких тезисов:

1. Иерархия ценностей меняется с конкретным поколением и эпохой, способствует изменению ценностных систем этих поколений и эпох, а также ее носителей;
2. Расположение одной и той же ценности не свидетельствует об одинаковых путях её реализации носителями и о достижении одного и того же результата.

Относительно второго пункта можно привести в пример присущую постмодернистскому периоду ценность счастья, которая рассматривается в контексте удовлетворенности гражданами жизнью и потенциала к консенсусу.

¹¹³ Шарко, С. В. Культурно-идеологический аспект в современной политике Китая Вып. 6 / Глава в сборнике «Оринтиры...». – 1-е изд. – М. : ИФ РАН, 2010. – 158 с. – URL: <https://publications.hse.ru/chapters/67746891> (дата обращения: 25.03.2025).

¹¹⁴ Там же с. 152.

Об осознании счастья как универсальной ценности свидетельствует намерение правительств некоторых стран мира внедрить соответствующий орган, компетентный в этом вопросе; заслуживает внимания факт наличия Министерства по высшему народному счастью в Венесуэле, которая сейчас страдает от бедности и голода, наряду с соответствующим Министерством в процветающих Объединенных Арабских Эмиратах. Этот пример свидетельствует, во-первых, о зависимости между декларацией ценности и ее реализацией, иначе ценность приобретает черты постмодернистской иронии; во-вторых, усилия и пути реализации общечеловеческой ценности могут разительно отличаться, поэтому ценность на универсальном уровне является относительно нейтральной, пока результат ее имплементации не воплотится в жизнь.

Еще одним проявлением амбивалентности ценностей, в том числе политических, является их понимание как философской категории, так и конструктивного, мотивирующего феномена. Эта мысль означает, что исследуемые категории не имеют антипода – отрицательных ценностей, ведь это противоречит их природе – быть смыслом и целью человеческой деятельности, выражать всеобщую волю. Также о ценности можно говорить лишь в контексте путей ее достижения, ведь ценность блага может удовлетворяться частично для определенной группы за счет угнетения других (например, современные авторитарные, кланово-олигархические государства, к которым можно отнести, к примеру, Северную Корею); ценность безопасности побуждает государства наращивать военную мощь и применять ее против других, а также ограничивать свободу граждан; ценность демократии может стать путем к власти массы; ценность религиозного единства способна стать причиной терроризма и уничтожения тех, кто представляет «угрозу» фундаментализму. Целесообразно указать на такие исторические примеры, как ценность жизни и процветания нации, которая в нацистской Германии обеспечивалась разрушением и уничтожением иных наций; ценность могущества государства обеспечивалась опустошительными захватническими войнами в эпоху арабских, монгольских походов, а также европейских войн и реализации колонизаторских притязаний

(например, британские интересы в Гонконге периодически реализовались посредством захватнических мер). Поэтому стоит привести позицию Ю. Хабермаса, изложенную в научном труде «Структурные преобразования в сфере открытости»: «Когда гражданские идеалы изымаются из обращения, когда сознание поедает цинизм, то грош цена тем нормам и ориентациям на ценности, которые должны служить для идеологической критики основ согласия, и на которые она хотела бы ссылаться»¹¹⁵. Таким образом, наряду с провозглашением ценности общепризнанной идут пути и средства ее реализации: только основываясь на моральных принципах и установках, признавая человека высшей ценностью, можно говорить о конструктивном содержании ценностей, в том числе политических.

С другой стороны, У. Эко в работе «Сказать почти то же самое» отмечал: «В любой системе, будь то геополитическая, цветная или лексическая, единицы определяются не сами по себе, а в терминах оппозиции и позиции в отношении к другим единицам. Не может быть единицы без системы»¹¹⁶. Соответственно, при определенных условиях ценность все же может иметь свой антипод – антиценность, которая вытекает из субъективного опыта, является проявлением нежелательного, а потому закрепляет значение ценности. По такому принципу сформировались основные политические ценности: через рабство – свобода, через дискриминацию – равенство, через войну – мир, и тому подобное.

Определяя ценности как мировоззренческие идеалы, стоит сделать уточнение, что это общечеловеческие идеалы Добра, Истины, Красоты в их интегрированном смысле. Ценность в общественно-политическом смысле не может рассматриваться с позиций интереса и удовлетворения потребностей через вариативность понимания каждым индивидом собственных потребностей и интересов в зависимости от его моральных установок и психологического типа

¹¹⁵ Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2016. с. 213.

¹¹⁶ Эко У. Сказать почти то же самое / Эко У.; пер. с итал. А. Ковалю. – СПб. : Симпозиум, 2006. с. 143.

личности. Данное утверждение можно отнести к основанному на постмодернистской проблематике пониманию действительности. В то же время, наличие несогласованных систем ценностей между двумя политическими системами также порождает ценностные конфликты, которые являются сложными для решения.

Соответственно, чертами современных политических ценностей являются:

1. Плюралистичность;
2. Относительная динамичность;
3. Субъектность ценностей, человекоцентризм;
4. Признание альтернативных путей развития человечества;
5. Переход от материальных к постматериальным ценностям;
6. Амбивалентность ценностей, которая проявляется в наиболее обобщенном уровне ценностей и уважению к партикулярным ценностям сообществ (взаимосвязь между универсальным и единичным).

Именно исходя из данной позиции, политические ценности следует рассматривать как наиболее объективированные, надличностные, общественно-политические феномены, воплощенные в идеях, идеалах, нормах и потребностях, которые царят в сфере политики, имеют амбивалентный характер и приобретают соответствующий конструктивный или деструктивный потенциал в зависимости от моральных норм их носителя и средств воплощения, на основе которых осуществляется и приобретает значение политическая жизнь общества. В этом смысле постмодернистские политические ценности следует считать максимально объективированными до уровня национальных (как особой сферы духовного бытия нации), общечеловеческих, универсальных ценностей.

Таким образом, в контексте политических ценностей локус логичности политической сферы будет выстраиваться согласно такой структуре: самым крупным элементом в структуре локус-логичного существования политических ценностей человека будет выступать геосоциополитическая плоскость его обитания и присущие ей ценности: общемировые политические ценности (благо

жизни человека, справедливость и др.) → политические ценности, присущие государствам и обществам в контексте их цивилизационного развития (западное и восточное общества) → политические ценности, присущие государству, региону и их обществам. При этом, поскольку в проводимом исследовании интерес представляют взаимоотношения между КНР и Великобританией в контексте социально-политической судьбы Гонконга, изучение столкновения западной и восточной цивилизаций и их политических ценностей представляется целесообразным в разрезе установления специфики присущих западной и восточной цивилизациям таковых наиболее значимых идей, идеалов, норм и потребностей, которые царят в сфере политики Великобритании (в т.ч. в разрезе таковых ценностей Евросоюза; несмотря на состоявшийся в 2020 г. Brexit, установление цивилизационных идеалов развития населения, общества, государств и надгосударственного образования длительное время для Великобритании были общими с Евросоюзом) и КНР, как яркого образца реализации восточной меритократии.

Так, не одно тысячелетие человеческой истории и разнообразные формы существования различных цивилизаций указывают на множество вариантов организации человеческой жизни в стране. Неоднократно проводимые ретроспективные политологические исследования позволяют оценить степень функциональности и жизнеспособности каждой из форм организации общества и государства. Только в контексте эволюции, включая развитие мышления и гуманистического подхода, научный прогресс, секуляризацию и преодоление суеверий и враждебности к иным, возникает осознание необходимости построения гармоничного строя, основанного на абсолютных ценностях.

Система ценностей, присущая западной цивилизации, оказалась наиболее жизнеспособной в контексте цивилизационного развития государств Европы, Америки, а также отдельных прозападных государств, наиболее ярко воплощаясь в политических ценностях и идеалах Западной Европы, включая Евросоюз и Великобританию. Исторические и социальные предпосылки сделали страны Западной Европы и Северной Америки первопроходцами в закреплении

политических идей и идеалов, направленных на гарантирование прав и свобод человека и гражданина, а также демократизацию общественного развития.

В этом контексте, учеными выдвигается теория органической, первичной модернизации, которая происходит благодаря эволюционным изменениям и руководствуется специфическим набором ценностей. Именно западная цивилизация в силу своего экономического, технического и социального прогресса стала идейным вдохновителем для изменений в менее развитых государствах. Однако, невозможно насаждать западные политические институты, экономическую модель развития и демократию, пренебрегая имеющимися в обществе ценностями, политической культурой и менталитетом, что достаточно ярко проявляется на примере противостояния Великобритании и КНР в Гонконге и воздействует на специфику автономии указанного региона.

Здесь целесообразным видится краткий экскурс в историю. Так, современный САР Гонконг – исторически китайская территория – в 1898-1997 гг. находился в составе Британской империи. Навязанный Китаю договор предусматривал аренду Гонконга Британией на 99 лет. Собственно, китайское государство никогда не признавало юрисдикцию как Великобритании над этой территорией, так и Португалии над Макао, считая договоры об аренде китайских земель европейскими государствами несправедливыми. В 1971 г. Мао Цзэдун обратился к ООН с заявлением, что Гонконг и Макао являются законными китайскими территориями, после чего они были изъяты из списка колоний и начался процесс их возвращения в состав КНР. Подписанная в 1984 г. совместная китайско-британская декларация о передаче Гонконга предусматривала установление после возвращения территории в состав Китая принципа «одна страна – две системы»: в течение первых 50 лет будет сохраняться капиталистический строй в экономике и демократия в общественно-политической жизни. В июле 1997 г. Гонконг окончательно перешел под юрисдикцию КНР после столетнего колониального управления. Хотя он находился под британскими властью относительно недолго, этот период стал

критическим для понимания дальнейших разногласий между Гонконгом и материковым Китаем.

Каким образом изменился Гонконг за годы управления Лондона? Здесь была установлена британская система образования, развитая инфраструктура (особенно после того, как город был провозглашен порто-франко в 1910 г.), введена финансовая система по европейскому образцу. Различия стали более заметными после провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики во главе с Мао Цзэдуном. Если материковый Китай руководствовался и продолжает руководствоваться принципами, провозглашенными основополагающими идеями общественного развития единой Коммунистической партии, то британская политическая традиция сделала возможным образование в Гонконге плюрализма идеологий и политических сил.

Другой важной отличительной чертой является плановая экономика в КНР и рыночная в Гонконге. Капиталистическая система предоставила последнему ряд преимуществ, лишь усилившихся после возвращения в Китай, сделав САР мостом между экономикой КНР и иностранным капиталом.

Четверть века назад Великобритания передала Китаю заморскую территорию Гонконг при условии, что последний будет находиться в составе КНР по принципу «одна страна – две системы», особенности которой четко изложены в Основном законе Гонконга 1990 г. Эта Конституция предусматривает получение особым административным районом высокой степени автономии, предоставление ему права создавать собственные органы законодательной, исполнительной и судебной власти, в которые могут входить только постоянные жители Гонконга.¹¹⁷ В то же время, китайское правительство отвечает за внешнюю политику и вопросы, связанные с обороной. При этом, социалистические экономическая и политическая системы не должны

¹¹⁷ The Government of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China. The constitution of People's Republic of China. Hong Kong basic law. [Adopted at the Fifth Session of the Fifth National People's Congress and promulgated by the Announcement of the National People's Congress on 04.12.1982]. – URL: <https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclaw/index.html> (accessed: 11.12.2024).

распространяться на территорию Гонконга, а местные жители пользуются рядом политических привилегий, а также имеют собственную валюту.

Соответственно, если в социально-экономическом аспекте камнем преткновения между КНР и управляемым ей Гонконгом стало наличие рыночной экономики, собственной валюты и капиталистических принципов построения экономической системы, то в политическом аспекте возник конфликт между западными (прежде всего, демократическими) и меритократическими (традиционными, основанными на конфуцианских идеях и принципах) политическими ценностями, что дополнительно обуславливает значимость определения разности цивилизационных подходов запада и востока к выстраиванию общественной жизни и государственному управлению.

Соответственно, важно учитывать специфику цивилизационного формирования западных политических ценностей. Процесс формирования западной системы ценностей имеет длительный исторический путь, заложенный в политических и философских идеях, подкрепленный социальными и экономическими изменениями. Эти изменения происходили не всегда конструктивно, поэтому, имея много примеров возвращения назад к хаосу, европейским сообществом сделан вывод о необходимости закрепления собственных ценностей на межгосударственном уровне в качестве юридического документа. Так, в ст. 2 Соглашения о Европейском Союзе указано: «Ценностями, на которых основан Союз, являются уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для совокупности государств-членов, которые характеризуются плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством между женщинами и мужчинами»¹¹⁸.

¹¹⁸ European Union. Consolidated treaty of European union [adopted by the European Union in 2009]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (accessed: 19.01.2025).

Исходя из этого, учитывая специфику европейских ценностей, под ними можно понимать совокупность и/или систему аксиологических максим, основных принципов развития семьи, общества и государства, политико-экономических, культурных, правовых и других норм, объединяющих в основном жителей Европы и составляющих основу их идентичности.

Здесь считаем нужным сделать оговорку. Базисом европейских ценностей является демократизм. Он же служит камнем преткновения при сличении цивилизационных западных и восточных политических ценностей. Однако, хотя Соглашение о Европейском союзе, как указано выше, и постулирует тождественность европейских ценностей и демократии, в последующих параграфах мы увидим, как сторонники ценностей, насажденных Гонконгу западными странами, многократно нарушают различные принципы, приписываемые европейским ценностям, прикрываясь демократией. Вследствие этого следует разделять демократические ценности в их аксиологическом значении, о котором пойдет речь в данном параграфе, и их же прикладное использование «неформальными подрывными институтами Гонконгского типа». Последние лишь эксплуатируют идеи, насажденные в среде граждан САР еще до его возвращения, и поддерживаемые западными СМИ и системой образования сейчас, противоречиво (поскольку демократизм подразумевает создание общества консенсуса и верховенство права) трактуя их с целью захватить власть в регионе.

Ценности демократии, такие как: соблюдение прав и свобод человека, признание достоинства и равенства каждого по праву рождения, необходимость гуманности и поддержания порядка на основе права – связаны с длительностью пути к ее институционализации и последующему воплощению, реализации таковой в качестве формы организации государственного и общественного строя. Многокомпонентность и многозначность демократии обуславливает многообразие подходов к ее пониманию: например, под демократией в научной среде понимается способ организации политических и иных общественных отношений и деятельности людей, обеспечивающих интеграцию общества на

основе общих интересов, которые выражают нормальную и оптимальную активность всех его субъектов.

Одной из главных особенностей демократии можно считать ее стремление к созданию общества консенсуса, обеспечению политического участия для всех участников политического процесса, необходимость учета голоса даже меньшинства, а также мирного урегулирования противоречий на основе диалога и консенсуса. При этом, стоит согласиться с мнением, что аксиология, как наука, изучающая ценности, имеет целью изучать не только природу норм, идеалов, ориентиров людей, но и способствовать консенсусу, преодолению политических и общественных конфликтов из-за осознания ценностей всеми акторами политического процесса. Поэтому изучение демократия является крайне важным для аксиологии с точки зрения исследования обобщенных ценностей.

В то же время, демократия в своем идеальном виде исключает элитарность определенной группы или правящей верхушки, поэтому к установлению консенсуса могут присоединиться все члены общества, предъявив свои требования, средства диалога или выдвинув своего кандидата на выборную должность. В следствие чего демократический политический строй является достаточно гибким, восприимчивым к общественным настроениям и интересам. Демократия не исключает борьбу за власть различных политических групп, однако она должна осуществляться в рамках правового поля и гарантировать взаимопонимание между победителями и побежденными: разные социальные и этнические группы, которые придерживаются собственных систем ценностей, стремятся через власть закрепить их на уровне государства. В демократическом государстве эта борьба не должна принимать острые формы, и все ценностные конфликты следует решать мирно в пределах соответствующих демократических процедур.

Ж.-Ф. Ревель в книге «Демократия против самой себя: будущее демократического импульса»¹¹⁹ называл таковую наиболее целесообразным

¹¹⁹ Revel, J.-F. Democracy Against Itself: The Future of the Democratic Impulse/Regain démocratique / J.-F. Revel. – Free Press, 1993. – ISBN 0-02-926387-5.

политическим режимом, за основу внедрения которого он принимал рыночную экономику, что соотносится с упомянутым выше подходом Великобритании к организации общественно-политической и социально-экономической жизни на основе внедрения базовых положений рыночной экономики и капиталистической системы экономических связей в Гонконге.

Демократией обеспечивается уважение к личности субъекта как человека независимо от его взаимоотношений с государством (наличие или отсутствие подданства или гражданства конкретной страны), так и как гражданина, который может выбирать свой путь развития и своего государства, выступать за соблюдение прав и свобод, рассчитывать на справедливость.

Моральное значение демократии как базового механизма внедрения ценностей заключается также в ее беспристрастности и уважении к многообразию и политическому плюрализму. В связи с указанным, демократию следует воспринимать и понимать как своего рода систему ценностей, согласно которым можно определять роль и место человека в обществе, ведь при демократическом политическом устройстве в его идеальной итерации индивид сам определяет свое место в обществе и государстве путем общественного и политического участия, своей ролью во время выборов в качестве кандидата или избирателя, а также своей позицией как избирателя при выборе направления развития государства.

Важно учитывать, что в отдельных случаях демократия тяготеет к несправедливости из-за проблемности реализации избирательной процедуры, в соответствии с которой победа решается преобладанием только одного голоса над значительной частью граждан.

В рамках аксиологического подхода демократию следует рассматривать как гуманистическую и справедливую форму организации общественно-политического устройства. Заслуживают внимания достаточно утилитарные взгляды на демократию одного из первых теоретиков ценностей – Дж. Сантаяна, который в работе «Чувство красоты» («The Sense of Beauty») назвал демократию «эстетической ценностью» в связи с воплощенной в ней «...силой идеи

демократии как иллюстрации влияния многообразия в однообразии; <...> как следствие, демократия рассматривается в качестве средств достижения счастья и инструмента эффективного управления»¹²⁰.

В связи с указанным, демократию следует рассматривать не только с нормативной и институциональной точки зрения, а также как гуманистическую ценность, поскольку ей присущи идеальные цели, которые достигаются государством нормативными средствами и обеспечивают консенсус в обществе с помощью демократических ценностей.

В демократическом политическом режиме преобладает индивидуализм, стимулирующий человека к раскрытию себя, обеспечивающий уважение частных границ и свобод. Исследуя этические основы политики, Г. Стурт (H. Sturt) в книге «Ценность человека: этическое эссе»¹²¹, выделяя «две системы управления», автократическую и демократическую, писал, что «Только один тип управления является приемлемым принципу человеческой ценности – это демократия. <...> Дело управления всегда должно быть в руках людей, которые специфически квалифицированы осуществлять управление, но в демократии demos контролирует чиновников и ставит их на позицию слуг народа»¹²².

Однако этот тезис, хоть он и может быть применим в отношении западной цивилизации, все же поставим под сомнение для восточной цивилизации, в которой превалируют автократия и традиционализм (меритократия) как базис устойчивого общественно-политического и социально-экономического развития. К специфике реализации демократических и меритократических ценностей в контексте противостояния западной и восточной цивилизацией мы вернемся в параграфе 2.3 данной главы настоящего исследования на примере Гонконга, в котором в разное время внедрялись обе группы политических

¹²⁰ Santayana, G. The sense of beauty / G. Santayana. – New York : The modern library. – 1955. – 240 p.

¹²¹ Sturt, H. Human value: an ethical essay / H. Sturt. – Cambridge : University press. – 1923. p. 96.

¹²² Там же

ценностей, что привело к цивилизационному конфликту и преобразовало локус логичности построения политических ценностей.

Как было указано выше, индивидуализм является крайне важной составляющей демократических ценностей. Известный американский политолог С. Хантингтон в книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.» в отношении указанного отмечал: «Политическая демократия тесно связана со свободой личности. <...> Длительное соблюдение демократической политики способствует расширению и углублению свободы личности. Свобода в некотором смысле – особое преимущество демократии. Если человек заинтересован в свободе как основополагающей социальной ценности, он должен быть заинтересован и в демократии»¹²³. В контексте гуманистической ценности демократии С. Франк в книге «Духовные основы общества» писал, что «Демократия не власть всех, а служение всех»¹²⁴. В то же время именно она может обеспечить свободу и равенство, не оказывая, по мнению философа, известного конфликта между этими понятиями.

Исходя из указанного, целесообразной представляется констатация вывода о том, что демократическим ценностям принадлежат плюрализм и развитая партийная система, продвижение гражданского общества. Стоит принять во внимание, что в странах объединенной Европы, а также Великобритании, в которой традиционные политические ценности формировались синхронно с общеевропейскими, в т.ч. в период пребывания государства в Евросоюзе, существуют разновидности систем правления, государственного устройства и конфигурации партийной системы. Однако для всех развитых систем континента есть общий знаменатель – демократический режим. При этом, формы государственного устройства являются достаточно различными, поскольку в них ощутимы исторические традиции, а также присутствует та или иная мера их преемственности и взаимопроникновения. В частности, для Великобритании как

¹²³ Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. / С. Хантингтон. – М. : Росспэн, 2003. – 366 с.

¹²⁴ Франк, С. Духовные основы общества / С. Франк. – М. : Республика, 1992. – 398 стр.

одного из старейших государств Западной Европы, демократические традиции были сопряжены с наличием опыта колониализма, что в целом слабо сочетаемо, однако же отчасти реализуется и до настоящего момента в странах и регионах, относительно которых заявлены внешнеполитические британские притязания (Гонконг, Фолклендские острова и др.).

Характерными общими чертами политического режима, который присущ государствам Западной Европы, воплощающим западные цивилизационные традиции, является демократический способ формирования и осуществления власти – законодательной, исполнительной и судебной (в том числе в случае монархической политической системы). В этих государствах уже сформировалось развитое и структурированное гражданское общество, которое взаимодействует с властью; в большинстве государств объединенной Европы сложилась также партийная система, в которой существует политическая оппозиция, преимущественно парламентская. Все эти составляющие взаимодействуют и в своей совокупности являются действенными факторами общей политической атмосферы. Они одновременно выступают и качественной характеристикой функционирования государства, и необходимыми факторами, которые обеспечивают демократическую систему правления, состоятельность политических сил и, соответственно, имеющийся общественный порядок в государстве.

Выводы по параграфу 2.1: Политические ценности следует рассматривать как наиболее объективированные, надличностные, общественно-политические феномены, воплощенные в идеях, идеалах, нормах и потребностях, которые царят в сфере политики, имеют амбивалентный характер и приобретают соответствующий конструктивный или деструктивный потенциал в зависимости от моральных норм их носителя и средств воплощения, на основе которых осуществляется и приобретает значение политическая жизнь общества. В этом смысле постмодернистские политические ценности следует считать максимально объективированными до уровня национальных (как особой сферы духовного бытия нации), общечеловеческих, универсальных ценностей.

В указанном контексте, локус логичности политической сферы касательно политических ценностей будет выстраиваться согласно такой структуре: самым крупным элементом в структуре локус-логичного существования политических ценностей человека будет выступать геосоциополитическая плоскость его обитания и присущие ей ценности: общемировые политические ценности (благо жизни человека, справедливость и др.) → политические ценности, присущие государствам и обществам в контексте их цивилизационного развития (западное и восточное общества) → политические ценности, присущие государству, региону и их обществам.

Система ценностей, присущая западной цивилизации, оказалась наиболее жизнеспособной в контексте цивилизационного развития государств Европы, Америки, а также отдельных прозападных государств, наиболее ярко воплощаясь в политических ценностях и идеалах Западной Европы, включая Евросоюз и Великобританию. Исторические и социальные предпосылки сделали страны Западной Европы и Северной Америки первопроходцами в закреплении политических идей и идеалов, направленных на гарантирование прав и свобод человека и гражданина, а также демократизацию общественного развития.

Под западными демократическими ценностями можно понимать совокупность и/или систему аксиологических максим, основных принципов развития семьи, общества и государства, политико-экономических, культурных, правовых и других норм, объединяющих в основном жителей Европы и составляющих основу их идентичности. Базовыми принципами европейских ценностей постулируются демократизм, индивидуализм, соблюдение прав и свобод человека, признание достоинства и равенства каждого по праву рождения, необходимости гуманности и поддержания порядка на основе закона, создание общества консенсуса, плюрализм и развитая партийная система, продвижение гражданского общества. Приоритетной для европейских ценностей является рыночная экономика. На примере Гонконга мы видим, что хотя европейские ценности постулируются как превосходящие демократизм и верховенство права, равенство и создание общества консенсуса, когда интересам

продемократических элит начинает угрожать опасность, их представители пользуются нелегитимными методами. Это позволяет активному меньшинству протестующих реализовать свои взгляды на развитие общества, что лишает последнее консенсуса и очевидно нарушает принципы демократизма.

Во второй половине XX в. руководство Соединённого Королевства инициировало процесс демократизации Гонконга. Была установлена британская система образования, развитая инфраструктура, введена финансовая система по европейскому образцу. После формирования политических институтов западного образца в Гонконге образовался политический плюрализм. Стимулирование рыночной экономики укрепило её позиции, сделало население и бизнес зависимым от неё. Свободный рынок также стал важен для обширных торговых связей города, имеющего статус порто-франко. И наконец, во время возвращения Гонконга КНР усилиями Великобритании был создан принцип «одна страна – две системы», предоставивший защиту демократической политической системе, рыночной экономике, а следовательно, и европейским ценностям на территории САР.

2.2. Восточная меритократия в Китае и незападные ценности

Как было обозначено выше, специфика развития западной и восточной цивилизаций привела к формированию различных систем политических ценностей: демократической, которая основана на капиталистическом устройстве экономики в первом случае и меритократической, базирующейся на традиционных, испокон веков принятых нормах, правилах и устоях социального развития во втором случае. Соответственно, для отражения специфики политических ценностей восточной цивилизации целесообразным представляется проанализировать сущность меритократии и особенности

отражения традиционных принципов организации общественно-политической и социально-экономической жизни незападных обществ.

Анализируя содержание понятия «меритократия», важно отметить, что в сочетании латинского слова «meritus» (достойный) и греческого «κράτος» (власть) заложен действительно глубокий мировоззренческо-методологический смысл: власть, основанная на добродетелях. Такая концепция или система социальных отношений, принципов управления базовой для эффективного развития общества определяет власть, осуществляемую людьми, которые отличаются своими способностями, достижениями, профессиональной компетентностью, а не социальным происхождением или приписываемым статусом.¹²⁵

Сам термин имеет несколько значений:

- принцип политического управления;
- создание равных возможностей для развития трудолюбивых и упорных людей в условиях свободной конкуренции и продвижения по социальной лестнице на основе личных и профессиональных качеств и собственных достижений;
- механизм прозрачного отбора и назначения политической и управленческой элиты на основе знаний, профессионализма и опыта путем проведения конкурсов, аттестаций и экзаменов.

В качестве политической ценности меритократия базируется на обеспечении всем гражданам равных стартовых возможностей и достойной жизни на основе собственных знаний, умений и способностей. Так, в ракурсе управленческой деятельности, меритократия зиждется на том, что все претенденты на государственно-властные должности проходят обязательную жесткую систему экзаменов, конкурсов и отборов, прежде чем получают право стать государственным служащим; окончательный отбор кандидатов

¹²⁵ Темирбекова, Э. Т. Меритократия на государственной службе как основа укрепления государственности и развития казахстанской демократии / Э. Т. Темирбекова // Молодой ученый. – 2017. – № 8.1 (142.1). – С. 49–51.

происходит на основе личного интеллекта, образованности, профессиональных знаний и полученного опыта. Меритократические принципы при реализации национальной кадровой политики и формировании государственного аппарата в течение длительного времени активно используются в Японии, Китае, Южной Корее, Сингапуре и других странах мира.¹²⁶

В качестве цивилизационной восточной системы общественно-политического и социально-экономического устройства, меритократия представляет собой:

- систему, при которой положение личности в обществе определяется исключительно ее способностями независимо от социального положения¹²⁷;
- принцип государственного управления, согласно которому организация руководства государством и управления на местах осуществляется на основе личных качеств и равенства субъектов, независимо от их происхождения и богатства, что позволяет реализовать «власть достойных». Принципы меритократического управления достигают времен Солона (архонта в древних Афинах), Платона (концепция «идеального государства») и китайской практики времен династии Сун: допуск к реализации политических и социальных прав граждан не зависел от социального происхождения и материального ценза лица;
- в качестве направления государственной кадровой политики – управление общественными процессами, осуществляемое лицами, обладающими особыми способностями и добродетелями, высокими интеллектуальными качествами, квалификацией, а также

¹²⁶ Кульмагамедов, М. Меритократия – главный принцип отбора на государственную службу / М. Кульмагамедов // Номад. – 01.06.2022. – URL: <https://nomad.su/?a=3-200908190320> (дата обращения: 31.03.2025).

¹²⁷ Там же.

отвечающими требованиям и вызовам той или иной социальной действительности.

Таким образом, меритократический принцип организации общественно-политических и социально-экономических аспектов жизнедеятельности восточного общества, включая базирующееся на традиционных положениях конфуцианство, реализуется в предоставлении равных возможностей для всех, независимо от социального статуса и материального положения; гарантировании участия в жизни общества достойных граждан, ранней селекции талантливых лиц, имеющих управленческие способности, харизму, высокий уровень интеллекта, коммуникационные способности, а также являющихся честными, ответственными, беспристрастными, с собственным личностным стержнем, – все это соответствует конфуцианскому подходу к организации жизни традиционного китайского общества, а также обществ многих древних восточных государств и их правопреемников. Принцип меритократии непосредственно в системе формирования управленческой элиты заключается в равном доступе к системе публичного управления всех профессионально подготовленных лиц с высоким уровнем моральных качеств, которые прошли соответствующий отбор и имеют опыт деятельности в сфере управления.

Следует обратить внимание, что опыт формирования управленческой элиты по меритократическому принципу имеет давнюю историю. В Китае, например, император У-Ди (156-87 гг. до н.э.) начал первую реформу императорских экзаменов: местные официальные лица отбирали кандидатов исходя из знания классики Конфуция. По результатам этого испытания он мог отбирать чиновников, служивших ему.¹²⁸

Если, как указывалось выше, базовым пластом западных политических ценностей выступает демократия как непосредственная политическая ценность и как механизм комплексного воплощения иных идей, идеалов и принципов

¹²⁸ Герасимов, В. С. Политическая меритократия – восточная альтернатива западным традициям управления обществом в XXI в. / В. С. Герасимов // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 230–237.

общественно-политического и социально-экономического развития, то меритократия выступает первоосновой формирования восточного цивилизационного трансформационного процесса.

В свое время, политический и экономический успех государств европейского, а также североамериканского региона побудили менее развитые государства анализировать пути политической и экономической модернизации. В течение достаточно длительного времени западные ценности считались единственно благоприятными для устойчивого развития государств, прав человека и достижения консенсуса в обществе. Период господства такого мнения совпал со временем интенсивной колонизации мира западными государствами, научно-техническим прогрессом, расцветом высокой культуры и ее распространением. Благодаря политическим, экономическим, дипломатическим, культурным и военным успехам, западные нормы жизни и ценности считались общечеловеческими, дающими возможность человеку больше раскрыть свой потенциал при условии экономического благосостояния и устойчивого развития. В то же время, благоприятность экономической ситуации, начиная со второй половины XX в., подняла из маргинального положения государства Восточной Азии и Персидского залива, которые, опираясь на иерархию собственных уникальных ценностей, смогли за короткий промежуток времени достичь значительного роста экономики и политического веса в мире. Поэтому национальные, уникальные ценности этих регионов следует условно обобщить под понятием восточных (незападных) как действенной альтернативы западным ценностям.

Важно учитывать, что в условиях реализации органически связанных между собой процессов глобализации и цивилизационной регионализации, постмодернистский культурно-ценностный релятивизм сыграл определенную продуктивную роль. Она заключалась в демонстрации относительности идейно-ценностных основ западной цивилизации нового времени; из этого логически следовало признание также относительной, но по-своему самодостаточной ценности базовых основ культур других цивилизаций мира, в частности, тех, что

лежат в основе мусульманско-афразийской, индийско-южноазиатской и китайско-дальневосточной цивилизаций.

Так, восточные азиатские ценности, в частности, конфуцианские, позволили быстро породить социальное и экономическое чудо, характерное для так называемых азиатских тигров – Китая, Японии и других. Исламские же ценности, распространенные в странах Персидского залива и дополненные достижениями западной цивилизации, позволили этому региону достичь быстрого развития. В качестве альтернативы западной ценностной системе все чаще начали выделяться ценности незападного происхождения.

Следовательно, так называемые азиатские ценности, представленные странами Восточной Азии и Южной Азии (в частности Китаем, Японией, Сингапуром, Южной Кореей), опровергли тезис вестернизации как унифицированного способа модернизации благодаря подражанию политическому и экономическому достоянию западной цивилизации. Например, К. Вельцель вводит понятие «азиатский иммунитет»¹²⁹ против подражания западным ценностям странами Азии. По мнению исследователя, «Этот иммунитет сохраняется даже при копировании экономической модернизации»¹³⁰. Соответственно, следствием этого является утверждение, что «...Азия может модернизироваться экономически без принятия последствий «западной» модернизации, включая ее либеральную демократию».¹³¹ Иллюстрацией такового процесса являются в том числе провинции Китая, развивающиеся по сугубо восточному цивилизационному сценарию, унификация которого с западным происходила следующим образом: азиатские государства опирались прежде всего на собственные традиции, распространенным лозунгом было: «Восточная мораль – западная техника». Основываясь на собственной системе ценностей, исконно восточные страны

¹²⁹ Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство. – 2011. – 464 с.

¹³⁰ Там же с. 331.

¹³¹ Там же с. 332.

использовали достижения западной цивилизации, не пытаясь проводить изменения в культурном, политическом, духовном плане.

Здесь можно согласиться с мнением В. Попова о причинах такого успеха: «Подъем Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Гонконга иногда объясняли тем, что США и Запад, стремясь противостоять распространению коммунизма в Азии, «пригласили» эти страны в клуб развитых и всячески способствовали их быстрому росту (*development by invitation*). <...> но вряд ли можно спорить с тем, что Китай такого «приглашения» не получал, и его быстрый подъем произошел не благодаря, а вопреки политике Запада»¹³². Позитивно воспринимая позицию исследователя, отметим, что содействие извне росту страны не всегда заканчивается успехом, потому что главным двигателем политических и экономических изменений являются внутренняя экономическая и социальная ситуация, имеющиеся ценности, цивилизационные и культурно-ориентационные факторы, которые способствуют внедрению этих изменений.

Как указано выше, азиатская модель развития и ее следствие, азиатское экономическое чудо, обязаны конфуцианским ценностям. Они являются важной движущей силой экономического роста этого региона. Конфуцианские культурные факторы, такие как сильное лидерство, тенденция быть экономными, сдержанными, старательными в учебе, иметь конструктивную межличностную коммуникацию, сотрудничество и трудолюбие стали основой системы азиатских ценностей.

Конфуцианская аксиология, на которую опираются носители азиатских ценностей, первоосновой существования личности считает моральные ценности, которые призваны помочь человеку в поисках гармонии со всем социальным организмом. Лучшим способом существования личности в китайской философии считается добродетель. В конце концов, иерархизованная

¹³² Попов, В. Стечение обстоятельств или историческая закономерность? / В. Попов // Вопросы экономики. – 2009. – № 7. – С. 75–84.

целостность всех индивидуальных добродетелей составляет идеальную форму социально-этического порядка.

В то же время существование и провозглашение азиатских и, в частности, конфуцианских политических ценностей, отличающееся своей природой и источником от западных, имело поддержку со стороны правящей элиты. Модернизируясь экономически, эти государства получили успех именно через осознание и соблюдение собственной специфики менталитета. Ценность общего, коллективного блага, в отличие от индивидуальных ценностей способствовала быстрой модернизации стран Азии в экономической, правовой и научной сферах. На процесс формирования азиатских политических ценностей повлияло много факторов. Они состоят не только из конфуцианских ценностей, а также и из буддистских, исламских и др. Итак, азиатские ценности в каждой конкретной стране проявляют себя по-разному, по-разному реагируют на политические и социальные проблемы.

Азиатский образ жизни может быть объяснен через призму труда М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Так, эти ценности побуждают человека все время работать, особенно в интересах общества и государства. Здесь следует утверждение, что демократия остается непозволительной роскошью, пока процветание не будет достигнуто. Эта «протестантская этика» приписывает высокие темпы роста в условиях определенных культурных особенностей, включающих в себя тяжелый труд, бережливость, дисциплину и работу в команде.

В отношении указанного, А. Воскресенский отметил: «С 1990-х гг. в китайском обществе с демократией начинают ассоциировать систему правления, включая свободные выборы, влияние интеллигенции на власть и сочетание свобод и националистической китайской традиции, то есть для Китая характерным стало понимание демократии, по определению совокупности марксистского понимания демократии (в КНР), китайской реальности (в КНР и

на Тайване), положительных достижений западной демократии (на Тайване) и демократических элементов в традиционной китайской культуре»¹³³.

Государства Востока стали примером действенности автократии, основанной на коллективных ценностях, о которых отмечает Ф. Фукуяма: «Многие политэкономисты заявляли, что экономическая реформа требует аскетизма, снижения оплаты труда и других типов кратковременных уступок, тем самым вызывая политическую оппозицию и реакцию. Поэтому на реформы лучше реагируют авторитарные режимы, которые способны подавлять социальные требования, или технократическая элита, которая так или иначе изолирована и защищена от политического давления»¹³⁴. Политическая жизнь азиатских государств, в частности, Сингапура как успешного примера модернизации, подчинена жесткой вертикали власти, поэтому «Государство продолжает оставаться главным инициатором преобразований на экономическом, политическом и социальном уровнях, в том числе и в строительстве гражданского общества ... Официальная идеология Сингапура построена на противопоставлении азиатских ценностей, традиционному ... Западу»¹³⁵.

В то же время глобализационные процессы современности, влиянием которых нельзя пренебрегать, вместе с распространением универсальных политических ценностей, которые являются ведущими факторами международной политики, побуждают государства соблюдать универсальные ценности, как основы мира, межгосударственного понимания, гарантии безопасности. Например, в преамбуле Конституции Японии декларируется

¹³³ Воскресенский, А. Политические системы и политические культуры Востока / А. Воскресенский ; под. ред. проф. А. Воскресенского. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 829 с.

¹³⁴ Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI в. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2010. – 224 с.

¹³⁵ Воскресенский, А. Политические системы и политические культуры Востока / А. Воскресенский ; под. ред. проф. А. Воскресенского. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 829 с.

приверженность универсальной системе ценностей: «Ни одно государство не должно руководствоваться только своими интересами, игнорируя при этом интересы других государств, принципы политической морали являются всеобщими, и соблюдать их является обязанностью всех государств, которые сохраняют свой суверенитет и поддерживают равноправные отношения с другими государствами»¹³⁶. Последствия войны, военной интервенции и тотального страха побудили японский народ осознать и провозгласить универсальность общечеловеческих ценностей независимо от любых культурных, расовых или религиозных различий между народами Земли.

В то же время современные государства Юго-Восточной Азии, как члены АСЕАН придерживаются общих политических ценностей, таких как права человека, демократия и верховенство права. Эти политические ценности, а также связанные с ними институты и структуры, — преимущественно западного происхождения, но необходимо признать существование определенных политических традиций и способов реализации политики, присущих государствам Азии. К. Вельцель, исследуя азиатские политические ценности, пишет, что азиатские ученые, опровергая универсализм западного понимания прав человека, отдельно «... выделили понятие культурно-специфических (culture-specific) прав человека»¹³⁷. Азиатские ценности часто противопоставляются западным либеральным, в основе которых неотъемлемые, священные права человека, которые не могут быть отчуждены от индивида при любых обстоятельствах, даже ради достижения высшего общественного блага. Сторонники же азиатских ценностей «считают, что политическими правами отдельных определенных индивидов можно пожертвовать ради высшего

¹³⁶ Japan. Constitution of Japan. Preamble. [Came into effect on 3 May 1947]. – URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/etc/c01.html> (accessed: 27.11.2024).

¹³⁷ Welzel, C. The Asian Values Thesis Revisited: Evidence from the World Values Surveys / C. Welzel // Japanese Journal of Political Science. – 04.2011. – URL: https://www.researchgate.net/publication/231927258_The_Asian_Values_Thesis_Revisited_Evidence_from_the_World_Values_Surveys (accessed: 23.10.2024).

общественного блага, например, ради достижения устойчивых высоких темпов роста и социального равенства»¹³⁸. Но, с другой стороны, отмечается: «Азиатские страны имеют тенденцию к лучшему обеспечению в таких вопросах человеческого развития: образование, детская смертность, ожидаемая продолжительность жизни, закон и порядок, и социальная стабильность»¹³⁹.

В то же время, процесс проникновения западных политических ценностей в ценностные системы азиатских и исламских политических систем перестает быть односторонним: их «вестернизация» касается только политической и экономической организации. Зато все чаще носители западных ценностей приобщаются и воспринимают незападные ценности от проникновения азиатских товаров на западный рынок, азиатской массовой культуры, а также духовных и религиозных практик Востока. Этому процессу способствует сочетание глобализации в целом, и стирания границ между государствами с низкой чувствительностью носителей азиатских или исламских ценностей к культурной ассимиляции, в частности.

Разрыв между ценностными системами Запада и Востока можно объяснить различным видением путей развития общества и человечества. Этот разрыв является культурно-историческим и заключается в разном видении человека и его места в обществе и государстве. Западные ценности провозглашают человека центром мира, способствуют его индивидуальному самоопределению, развитию, а также либеральной демократии. Тогда как незападные ценности, особенно восточных государств, видят в государстве патерналистскую социальную функцию, к тому же государство как «отец» является не мягким защитником, а строгим и требовательным, который в духе конфуцианства требует от «детей» (граждан) уважения, ответственности и послушания. Важное место в таком

¹³⁸ Попов, В. «Пекинский консенсус» против «вашингтонского»: «азиатские ценности» более конкурентоспособны, чем либерализм? / В. Попов // Прогнозис. – 2007. – № 2 (10). – URL: http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Popov.pdf (дата обращения: 31.03.2025).

¹³⁹ Peerenboom, R. Human Rights in Asia: A Comparative Legal Study of Twelve Asian Jurisdictions, France and the USA / R. Peerenboom, C. Petersen, A. Chen. – London ; New York : Routledge, 2006. – 517 p.

подходе занимают коллективные ценности, которые проявляются в преданности индивида семье, сообществу, государству. Выше мы анализировали главные политические ценности этого региона, среди которых можно назвать верховенство закона, уважение к индивиду, соблюдение прав и свобод личности, но с преобладанием коллективного над индивидуальным.

Исходя из этого, западные и восточные ценности, имея отличные аксиологические источники происхождения и реализации: индивидуализм и коллективизм, несмотря на яркие особенности менталитета, имеют общие черты. Обе аксиологические системы стремятся к порядку, консенсусу, процветанию, однако выбирают разные пути реализации этих ценностей-благ. В то же время, по нашему мнению, определенная самоуверенность в единственно правильном пути развития западных ценностей делают их аксиологическую систему бескомпромиссной, трудно поддающейся изменениям и альтернативам. Провозглашение собственного образа жизни и набора универсальных ценностных установок указывает на их определенное превосходство относительно другого мира и невозможность гибко действовать при определенных обстоятельствах.

В то же время азиатским ценностям присущ компромисс для достижения высшего общественного блага. Из этого логически следует вывод: терпимость к различным формам общественного строя, уважение к альтернативе, понимание, что для выживания и процветания общины (нации, цивилизации) можно уступить идеологиями и «измами». Поэтому эта терпимость высоко ценится другими государствами и часто противопоставляется американской агрессивности и примитивному разделению мира на «наших» и «чужих». Ведь, по выражению В. Попова, «... китайской цивилизации уже пять тысяч лет, и только она одна не сошла с дистанции, как другие. «Второе дыхание»,

открывшееся за последние 25 (или 50 лет) заставляет рассматривать отставание в XIX - первой половине XX в. как «временные трудности роста».¹⁴⁰

Другим важным элементом незападных ценностей является успех арабских государств, расположенных в Персидском заливе. Именно они на основе монаршего строя, традиционных арабских ценностей и глубоко укорененной религиозности за короткий промежуток времени смогли модернизироваться и стать ведущими государствами мира в области экономического роста, инфраструктурных проектов, содействия инновациям и социальной политике. Основываясь на мусульманских ценностях, они не отрицают западные практики ведения бизнеса и средства публичной дипломатии. В книге «Условия свободы» Э. Геллнер заметил, что среди всех цивилизаций исламская единственная, которая не претерпела серьезной секуляризации: «В странах, где ислам является основной религией, его власть над людьми за последние сто лет отнюдь не уменьшилась, а в некоторых аспектах даже окрепла. Более того, эта власть не ограничена отдельными слоями общества»¹⁴¹.

Основываясь на соблюдении закона, ценности этих стран не противоречат закону светскому, ведь последний базируется на религиозном. По нему определяется место человека, его обязанности и права, обеспечивается справедливость, защищаются обездоленные. В то же время, государство и правительство не относятся к тем, которые берут начало из религиозного догмата; они скорее возникают как необходимость организации общественно-политического строя и обеспечивают соблюдение прав, а также ценностей, признанных в Коране, а именно:

- «shura», что означает обсуждение заинтересованными сторонами для достижения консенсуса;

¹⁴⁰ Попов, В. Стечение обстоятельств или историческая закономерность? / В. Попов // Вопросы экономики. – 2009. – № 7. – С. 75–84.

¹⁴¹ Геллнер, Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М. : Московская школа политических исследований, 2004. – 239 с.

- справедливость, понимаемая как «должное место для того, кому оно принадлежит», а также как «одинаковое отношение к другим или достижения состояния равновесия при взаимодействии с ними»;
- свобода как естественное право человека, указано в Коране, который «Определяет людей равными, а также слугами Бога», поэтому ключевым аспектом свободы является религиозная свобода даже в отношении людей другой религии;
- равенство по праву рождения.

Вместе с тем необходимо отметить, что, хотя вышеупомянутые ценности и являются ориентирами для общества, государства Персидского залива, преимущественно являющиеся наследственными монархиями (даже абсолютными), сами определяют меру и степень реализации и распространения этих ценностей. Однако нужно отметить некоторые современные примеры расширения прав и свобод граждан: ослабление некоторых запретов на профессиональную деятельность женщин, учет их прав и свобод, в том числе избирательного права. Придание важности таким аспектам равенства указывает на признание общечеловеческих ценностей в контексте постмодерна, хотя и с сильным уникальным подтекстом.

В то же время нужно отметить другой аспект незападных ценностей, который производит значительное влияние на западные культуры и систему мышления – культурно-мистический. Привлекательность восточной (в широком смысле: и азиатской, индийской, в чем-то исламской) эстетики, религии, философии и практик становится все более ощутимой и популярной. Чаше амбициозный индивидуализм сочетается с восточной философией созерцания. Осознание счастья как постмодернистской ценности способствовало обращению внимания западных обществ к практике его достижения, которую предлагает восточная цивилизация. Распространяются и появляются новые эзотерические учения, растет количество представителей западной культуры, кто исповедует

буддизм, занимается духовными или физическими практиками, которые предлагает восточная культура и философия.

Возрастание роли и успех государств незападной цивилизации, имеющих уникальную систему ценностей, указывают на способность других ценностных систем, в том числе политических, творить собственный постмодерн. Именно поэтому существование рядом с универсальными ценностями национальных систем успешных стран среди представителей развитых цивилизаций свидетельствует об альтернативе достижения модернизации по западному образцу. К. Оуэнс (C. Owens) писал: «Гегемония европейской цивилизации подходит к концу, это является новым восприятием; начиная с середины 1950-х гг., мы осознали необходимость учета различных культур другими средствами, чем шок доминирование и увлечения»¹⁴². Кроме того, критика западной гегемонии звучала в работах А. Тойнби, К. Леви-Стросса, Ж. Деррида, П. Рикёра и других. Позже, когда эта критика оправдалась примерами жизнеспособных политических систем, основанных на собственных ценностях, Г. Дерлугьян ставит вопрос: «Не является ли господство Запада лишь историческим эпизодом?»¹⁴³.

Возможно, так и есть, но оно оставит после себя универсальную систему ценностей, основанную на уважении к человеческому достоинству, его разнообразию и уникальности. Именно эти ценности сейчас становятся точкой невозврата к состоянию сегрегации, неравенства и раздора. Их универсализация указывает на приверженность всего человечества одним моральным правилам и убеждениям, независимо от цивилизационных особенностей. Западные ценности в процессе приобретения своих специфических признаков прошли долгий путь становления. В противовес Западу, в процессе трансформации политических ценностей Восток вынужден сталкиваться с другими общественными,

¹⁴² Owens, C. *The Discourse of Others: Feminists and Postmodernism* / C. Owens. – Washington : Bay Press, 1983. – 159 p.

¹⁴³ Дерлугьян, Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы / Г. Дерлугьян. – М. : Издательство Института Гайдара. – 2013. – 387 с.

геополитическими и экономическими реалиями, которые вместе с богатым историческим прошлым, сильными социальными связями, особенностями менталитета формируют другую, но жизненную и конструктивную систему ценностей.

Выводы по параграфу 2.2: Меритократия представляет собой концепцию или систему социальных отношений, принципов управления, которая определяет власть, осуществляемую людьми, отличающимися своими способностями, достижениями, профессиональной компетентностью, а не социальным происхождением или приписываемым статусом, основой эффективного развития общества.

В качестве политической ценности меритократия базируется на обеспечении всем гражданам равных стартовых возможностей и достойной жизни на основе собственных знаний, умений и способностей. Так, в ракурсе управленческой деятельности, меритократия зиждется на том, что все претенденты на государственно-властные должности проходят обязательную жесткую систему экзаменов, конкурсов и отборов, прежде чем получают право стать государственным служащим.

В Китае меритократия берет своё начало из конфуцианской философии. Идея «Благородного мужа», служащего на благо Родины, является ключевым понятием этого восточного учения. Данный идеал представляет собой человека, получившего образование и следующего моральным принципам. Именно «Благородный муж», чиновник, а не воин, является тем, кому можно доверить управление государством. Указанное выше идет вразрез с идеями демократии, согласно которым каждый человек имеет право повлиять на решения, принимаемые обществом.

Восточная меритократия, как способ формирования власти, противопоставляющийся демократии, идейно опирается на незападные ценности, представляющие собой обобщенные национальные ценности регионов Восточной Азии и Персидского залива.

Незападные ценности видят в государстве патерналистскую социальную функцию, к тому же государство как «отец» является не мягким защитником, а строгим и требовательным, который в духе конфуцианства требует от «детей» (граждан) уважения, ответственности и послушания. Важное место в таком подходе занимают коллективные ценности, которые проявляются в преданности индивида семье, сообществу, государству. Определяющими для этих ценностей можно назвать верховенство закона, уважение к индивиду, соблюдения прав и свобод личности, но с преобладанием коллективного над индивидуальным.

Конфуцианские культурные факторы, такие как сильное лидерство, тенденция быть экономными, сдержанными, старательными в учебе, иметь конструктивную межличностную коммуникацию, сотрудничество и трудолюбие стали основой системы азиатских ценностей. Представленные странами Восточной Азии и Южной Азии (в частности Китаем, Японией, Сингапуром, Южной Кореей), они опровергли тезис вестернизации как унифицированного способа модернизации благодаря подражанию политическому и экономическому достоянию западной цивилизации.

Исламские же ценности, распространенные в странах Персидского залива и дополненные достижениями западной цивилизации, позволили этому региону достичь быстрого развития. В качестве альтернативы западной аксиологической системе все чаще начали выделяться: поддержка монаршего строя, традиционные арабские ценности и глубоко укорененная религиозность. Отсутствие европейской секуляризации в истории народов Персидского залива¹⁴⁴ создало ситуацию, в которой ценности этих стран не противоречат закону светскому, ведь последний базируется на религиозном.

¹⁴⁴ Геллнер, Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М. : Московская школа политических исследований, 2004. – 239 с.

2.3. Влияние столкновения демократических и меритократических традиций на политические процессы в современном Гонконге

Исследуя специфику противостояния западных демократических и восточных меритократических политических ценностей на примере Гонконга, следует отметить, что западная уникальность проявляется через доминирование индивидуалистических ценностей и либеральной демократии, тогда как древняя восточная традиция подчеркивает уникальное господство коллективных ценностей. Этому тезису придерживался и отец современного Сингапура Ли Куан Ю. В интервью для журналу «Foreign Affairs» он высказывал мысль о «...самобытности культуры Азии, отличной от Западной»¹⁴⁵. Он доказывает, что государство может успешно модернизироваться не демократизируясь.

Как было упомянуто ранее, Великобритания во второй половине XX в. начала процесс демократизации Гонконга. Была создана политическая система западного образца, построена рыночная экономика, завязанная на торговле, введена британская система образования. Все это позволило усилить самосознание жителей будущего САР, создав идентичность, противопоставляющую себя материковой. Также стоит отметить большое влияние английского языка на территории Гонконга, что открыло жителям доступ к британским и американским СМИ, а значит усилило влияние западного мира на регион.

Для коммунистической верхушки Китая в, свою очередь, важно поддерживать высокий уровень централизации государства и не допускать инакомыслие для того, чтобы избежать потенциального сепаратизма в некоторых регионах страны, в частности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и на территории Тибета. Другая опасность заключается в том, что с

¹⁴⁵ Zakaria, F. A Conversation with Lee Kuan Yew Fake / F. Zakaria // Foreign Affairs. – 01.04.1994. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1994-03-01/conversation-lee-kuan-yew-0> (accessed: 19.01.2025).

последующим экономическим развитием страны будет увеличиваться численность и благосостояние среднего класса, который, вероятно, будет более активно требовать от правительства предоставления ему демократических прав и свобод, а не только базового обеспечения своих потребностей. К числу крайне болезненных вопросов внешней политики КНР относится также вопрос будущего Тайваня и Гонконга. На первый взгляд это региональные проблемы, однако они несут идеологическую и историческую нагрузку в рамках взаимоотношений не только стран АТР, но и международных отношений в целом. Меритократические подходы к путям и методам воссоединения Тайваня с материком и будущего Гонконга отражают политику китайского правительства. Для руководства КНР и Тайвань, и Гонконг всегда были территориями, которые считались временно отделенными от единого Китая. Их возвращение стало бы для китайцев национальным воссоединением, положившим конец позорному колониальному наследию.

Гонконг же выступает очагом либеральных ценностей, жители которого имеют свой взгляд на развитие общества. Этот регион является для Пекина источником несогласия с линией партии. Но, что более важно, с каждым годом с момента вхождения Гонконга в КНР, его жители все больше требовали уступок от центрального правительства, параллельно сталкиваясь с попытками последнего усилить свое влияние на САР. Опасения центрального правительства КНР связаны не только с существованием в составе государства района с кардинально другой политической и экономической системами, но и с дальнейшим ростом оппозиционных настроений в нем. Беспокойство Пекина усиливалось отсутствием цензуры в Гонконге, что способствовало свободному распространению оппозиционных взглядов.

Стоит вспомнить еще и то, что принцип «одна страна – две системы» изначально был невыгодным для КНР, а с ростом её могущества он стал еще и определенным символом колониального прошлого, олицетворяя влияние западного мира на китайское государство. На предоставление Гонконгу высокого уровня автономии Пекин согласился только для того, чтобы в 1997 г.

вернуть его под свою юрисдикцию, однако разногласия центр-регион всегда были актуальной проблемой для центрального правительства, а вопрос ограничения прав и свобод территории был для него лишь вопросом времени.

Как и следовало предположить, влияние на регион представители восточной меритократии начали осуществлять сверху вниз через чиновничий аппарат при помощи юридических рычагов. Первый серьезный шаг с целью усиления контроля над САР Пекин предпринял в 2003 г. В этом году парламент Гонконга впервые принял на рассмотрение проект закона, который ещё не раз влиял на внутреннюю политику данной территории – «Закона об экстрадиции». Принятие этого документа позволило бы перемещать подозреваемых в ряде преступлений (к примеру, государственная измена, сепаратизм и подстрекательская деятельность, разглашение официальной информации и т. д.) на материковую часть КНР, где их бы судили уже по местным законам. Так правительство Республики могло прекратить радикальные высказывания и критику собственных действий на территории САР. Однако данный ход был расценен общественностью Гонконга как нарушение принципа «одна страна – две системы». Жители САР ответили рядом протестов¹⁴⁶¹⁴⁷, за которыми 1 июля 2003 г. последовала отставка главы Либеральной партии Джеймса Тьена из правительства Гонконга¹⁴⁸, вследствие чего стала очевидной невозможность пропекинской партии собрать достаточное количество голосов в парламенте для одобрения законопроекта, и он был снят с рассмотрения.

Следующий большой шаг был предпринят в 2014 г., когда ВСНП вынесло решение, согласно которому у Пекина появилась бы возможность утверждать

¹⁴⁶ Huge protest fills HK streets // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2003/WORLD/asiapcf/east/07/01/hk.protest/> (accessed: 10.02.2025).

¹⁴⁷ Bradsher, K. Hundreds of Thousands in Hong Kong Protest Security Laws / K. Bradsher // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2003/07/01/international/asia/hundreds-of-thousands-in-hong-kong-protest-security-laws.html> (accessed: 01.02.2025).

¹⁴⁸ Cheung, G. ‘Young Master Tien’ earns respect from the people after 22 years in Hong Kong’s Legislative Council / G. Cheung // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/1991013/young-master-tien-earns-respect-people-after-22-years-hong> (accessed: 13.02.2025).

список кандидатов на должность главы администрации Гонконга, что на практике позволило бы центральному правительству влиять на политику района. Как следствие, гонконгцы вышли на серию массовых протестов против ограничения демократии, которые вошли в историю как «Революция зонтиков». Митингующие требовали отменить решение Пекина. Тогда протесты были разогнаны, но КНР все же пришлось отказаться от изменения электоральной системы САР.

Следующая угроза автономии Гонконга была создана руководством САР, которое в апреле 2019 г. снова предложило ввести Закон об экстрадиции. Законопроект вызвал массовое возмущение из-за опасений, что с его помощью Пекин сможет пресечь открытую критику решений КПК со стороны жителей САР, а также сбежавших в Гонконг диссидентов. После опубликования проекта Закона об экстрадиции в июне 2019 г. началась волна массовых протестов, которые продолжались до октября, пока правительство САР и Глава исполнительной власти Гонконга Керри Лэм, также представительница так называемого «пропекинского лагеря», не отозвали законопроект.

Однако на этом протесты не остановились. Митингующие выдвигали требования о проведении расследования в отношении жестких действий правоохранительных органов при подавлении протестов, освобождении всех арестованных. У протестующих, опьяненных отменой Закона об экстрадиции вследствие самых массовых протестов на территории САР за всю историю, а также победой на выборах в районном голосовании, было много идей о том, как обустроить Гонконг будущего. Некоторые из них даже говорили про обретение полной автономии.

Конец протестам и активным действиям оппозиции положило Решение Всекитайского собрания народных представителей о создании и совершенствовании правовой системы и внедрении механизмов для защиты национальной безопасности в Специальном административном районе Гонконг от 28 мая 2020 г. В этом документе заявляется, что за организацию протестов ответственны «внешние силы». В Основном законе САР, служащем последнему

Конституцией, имеет место лазейка, позволяющая правительству КНР издавать законы о национальной безопасности Гонконга. 30 июня 2020 г., был принят Закон Китайской Народной Республики о защите национальной безопасности в Специальном административном районе Гонконг (также известный как Закон о национальной безопасности Гонконга). Он закрепил положения, описанные в предшествующем Решении, и запустил механизмы их осуществления. Впоследствии были приняты законы по противодействию протестам, спецслужбам КНР была предоставлена возможность свободно действовать на территории САР. Также заработали механизмы, идентичные упоминавшемуся ранее Закону об экстрадиции. Описанное выше вынуждает оппозицию действовать в рамках правового поля, а также лишает её возможности выдвигать на выборы кандидатов, настроенных радикально против идей КПК.

Если раньше решения об увольнении должностных лиц принимались только через Верховный суд Гонконга, то теперь правительство имеет право увольнять депутатов по своему усмотрению.

В скором времени после принятия резолюции были освобождены от должности четыре гонконгских парламентария, которые выступали против усиления влияния Пекина: члены оппозиционной к центральной власти Гражданской партии Элвин Йонг, Деннис Квок, Квок Каки и член либеральной парламентской группы «Сообщество профессионалов» Кеннет Леунг. Последние события означают потерю гонконгцами тех прав и свобод, которыми они пользовались в отличие от остальных китайских граждан. Закон о национальной безопасности Гонконга также привел значительному увеличению контроля КНР над САР.

Узнав об обнародованном в Пекине решении, партия Демосисто (возглавляемая Джошуа Вонгом) 30 июня того же года заявила о самороспуске.

Последующий год ознаменовался арестами лидеров оппозиции, а 15 августа 2021 г. был распущен и Civil human rights front¹⁴⁹¹⁵⁰¹⁵¹.

Следующим шагом стала электоральная реформа¹⁵². Избирательный комитет был увеличен с 1200 до 1500 человек путем создания так называемого «пятого сектора» - проставляющего собой дополнительные 300 человек, состоящие из гонконгцев, являющихся членами Народного политического консультативного совета Китая, ВСНП и ряда национальных организаций. Также теперь любой кандидат на пост главы Гонконга должен получить одобрение минимум 15 представителей каждого из 5 секторов. После победы в ходе выборов избирательного комитета кандидат отдельно проходит процедуру утверждения КНР и уже тогда вступает в должность. Этот ход вполне соответствует лозунгу «патриоты управляют Гонконгом». Само собой, представители «пятого сектора» будут поддерживать только лояльных КНР кандидатов.

Также в ходе реформ был расширен состав Законодательного совета. Теперь путем прямых выборов избирается только 22% его членов (ранее 50%). А также каждый кандидат на пост представителя парламента проходит через одобрение Комитета по приемлемости (Candidate Eligibility Review Committee). Избираемые ранее прямым голосованием места были заменены 40 местами, набираемых из Избирательного комитета, упоминавшегося выше.

¹⁴⁹ Yeung, J. Hong Kong pro-democracy activist Joshua Wong arrested under national security law / J. Yeung, E. Yeung // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2021/01/07/asia/hong-kong-joshua-wong-nsi-arrest-intl-hnk/index.html> (accessed: 10.02.2025).

¹⁵⁰ Wong, N. Hong Kong national security law: 53 former opposition lawmakers, activists arrested; authorities accuse them of plot to 'overthrow' government / N. Wong, D. Lee, C. Lau, P. Siu // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3116573/dozens-hong-kong-opposition-lawmakers-activists> (accessed: 14.02.2025).

¹⁵¹ Primrose, R. She was loved for standing up to China. She may die in jail / R. Primrose, H. Chan // Financial Times. – 23.06.2022. – URL: <https://www.ft.com/content/439fb015-8fc7-4d2d-9c7f-8764863090ae> (accessed: 20.02.2025).

¹⁵² Improving Electoral System (Consolidated Amendments) Bill 2021 // The Government of Hong Kong Special Administrative Region. – URL: <https://www.cmab.gov.hk/improvement/en/bill/index.html> (accessed: 17.02.2025).

Финальным шагом к краху оппозиции стала абсолютная победа пропекинского лагеря на выборах в Законодательный совет Гонконга.¹⁵³ Хотя часть парламента состоит из местных депутатов, при избрании которых победу одержала оппозиция¹⁵⁴, уже через пару лет они сменятся, и тогда весь Законодательный совет будет состоять только из сторонников центрального правительства.

Несмотря на первоначальную локальность противостояния между Пекином и Гонконгом, оно имело последствия и для мировой политики. 14 октября 2020 г. Соединенные Штаты Америки приняли Акт об автономии Гонконга в ответ на китайский Закон о национальной безопасности. Конгресс таким образом осудил политику Керри Лэм как такую, которая привела к ослаблению автономии Гонконга, и обвинил Китай в нарушении обещаний, которые он дал Гонконгу и всему миру, подрыве демократических институтов и наступлении на права человека. Еще в августе США ввели санкции против Керри Лэм и еще 10 гонконгских чиновников, причастных к разработке Закона о национальной безопасности.

Согласно мнению гонконгской оппозиции, Закон о национальной безопасности и принятие резолюции, о которой мы упоминали выше, является непосредственным нарушением КНР обещаний, данных Британии во время передачи Гонконга.¹⁵⁵ Реакция Лондона на действия Пекина также является крайне негативной. 20 июля 2020 г. британское правительство приняло решение о прекращении действия договора между Великобританией и КНР об

¹⁵³ Legislative Council General Election results general election results // The government of the Hong Kong Special Administrative Region. – 20.01.2021. – URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/202112/20/P2021122000153.htm> (accessed: 11.12.2024).

¹⁵⁴ Graham-Harrison, E. Hong Kong voters deliver landslide victory for pro-democracy campaigners / E. Graham-Harrison // The Guardian. – 25.11.2019. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/24/hong-kong-residents-turn-up-for-local-elections-in-record-numbers> (accessed: 23.01.2025).

¹⁵⁵ Ng, T. National security law will uphold 'one country, two systems' in Hong Kong, top Beijing official says / T. Ng, J. Ng, J. Mai, T. Cheung // South China Morning Post – 01.07.2020. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3091307/national-security-law-will-plug-hong-kong-loop-holes> (accessed: 21.01.2025).

экстрадиции преступников и отказало китайской компании Huawei в развитии сети интернет 5G на своей территории. Сокращение автономии Гонконга было негативно воспринято и в Европейском Союзе, который ограничил экспорт в Гонконг любого оборудования, способного использоваться для подавления протестов.

Однако санкции против китайских чиновников и отказ от некоторых проектов можно считать скорее символическим протестом западного мира, чем реальными акциями, поскольку влияние этих мер на политику Пекина незначительно. На самом деле, никто из акторов, которые на словах осуждают действия КНР в САР, не готов жертвовать отношениями со второй экономикой мира ради Гонконга.

Вместе с тем, настоящей платой за установление политического контроля над САР станут экономические убытки Китая из-за возможной потери Гонконгом статуса одного из мировых финансовых центров. Для КНР данный регион является мостом между ней и западным капиталом: он занимает важное место в мире по уровню получения инвестиций и является оффшорным центром благодаря своей развитой экономической системе и привлекательности для инвесторов. В период 2010-2018 гг. Гонконг был местом первичного размещения 73% ценных бумаг компаний КНР,¹⁵⁶ в том числе в оборонной сфере.

Главным же является то, что Гонконг не подпадал под санкции США во время торговой войны. Теперь, в связи с последними событиями, Вашингтон пригрозил ликвидировать такой привилегированный статус, чего и следует ожидать, если Пекин не отменит Закон о национальной безопасности. По причине влияния на внутреннюю политику, протесты и, соответственно, неблагоприятную для инвесторов ситуацию, Китай уже понес убытки: согласно

¹⁵⁶ China's Bond Market: A Quick Primer // Morningstar ETF Analysts. – 29.11.2021. – URL: <https://www.morningstar.co.uk/uk/news/217180/chinas-bond-market-a-quick-primer.aspx> (accessed: 19.01.2025).

докладу о мировых инвестициях ЮНКТАД, в 2019 году Гонконг получил на 34% меньше инвестиций, чем в 2018-м.¹⁵⁷

Более того, подавление гонконгской автономии будет иметь долгосрочные последствия. К примеру, это сильно осложняет возможность мирного присоединения Тайваня. В 1980-х гг. Дэн Сяопин предложил Тайваню войти в состав материкового Китая на основе того же принципа «одна страна – две системы», после чего все дискуссии об объединении велись вокруг этой концепции. Теперь, после ослабления автономии Гонконга, диалог по вопросу воссоединения в этом формате будет крайне осложнен.

С изменениями в законодательстве, поддержка протестов отныне считается преступлением. Это означает, что на уровне митингов и при сегодняшнем отсутствии институционализации протестного движения, его участники не смогут добиться отмены последних решений.

С другой стороны, это еще не значит, что Гонконг окончательно лишился автономии. Гонконг в любом случае будет пользоваться экономической и финансовой автономией, поскольку они делают его более выгодным для всей КНР.

Выводы по параграфу 2.3: Следствием демократизации Гонконга Великобританией стали распространение западных идей и ценностей. В геополитическом смысле это позволило сохранить влияние на регион и защитить его от распространения в нем восточной меритократии. Гонконг стал очагом инакомыслия в Китае, что порождало опасения правительства КНР, стремящегося поддерживать целостность страны.

Восточная меритократия в лице КНР начала воздействие на регион. Опираясь на коллективизм и конфуцианские идеи власти чиновников, меритократия предприняла попытку легитимными средствами внести законопроект, который бы позволил усилить контроль над регионом, ослабить

¹⁵⁷ World Investment Report 2019 // United Nations Conference on Trade and Development. – 12.06.2019. – URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2019> (accessed: 10.03.2025).

инакомыслие. Все это впоследствии повлияло бы на СМИ Гонконга, являющиеся источником идей западной демократии и ценностей. Также принятие Закона об экстрадиции позволило бы убрать из системы образования кадры, поддерживающие гонконгскую идентичность. Как выяснилось в ходе протестов, именно студенты составляют актив организаций, поддерживающих западную демократию. В то время как преподаватели и другие представители интеллигенции Гонконга, такие как Бенни Тай, выступают идеологами нелегитимных протестов.

Ответом западной демократии стали уличные протесты, с каждым разом набиравшие обороты. Численность протестующих росла, они все смелее использовали тактики «цветных революций»: часть из них организовывала мирные протесты с целью парализовать работу государственных зданий, другая же объединила вместе радикалов для захвата правительственных зданий, использовала тактику мобильных протестов. Информационную поддержку событий обеспечивали СМИ западных государств, заинтересованных в сохранении на территории Гонконга демократии.

Конец этому был положен благодаря введению Закона об экстрадиции, за которым последовала реформа электоральной системы. Следует констатировать усиление влияния восточной меритократии и ослаблении позиций западной демократии в Гонконге.

Выводы по главе 2: Под западными демократическими ценностями можно понимать совокупность и/или систему аксиологических максим, основных принципов развития семьи, общества и государства, политико-экономических, культурных, правовых и других норм, объединяющих в основном жителей Европы и составляющих основу их идентичности. Базовыми принципами европейских ценностей постулируются демократизм, индивидуализм, соблюдение прав и свобод человека, признание достоинства и равенства каждого по праву рождения, необходимости гуманности и поддержания порядка на основе закона, создание общества консенсуса, плюрализм и развитая партийная система, продвижение гражданского общества.

Приоритетной для европейских ценностей является рыночная экономика. На примере Гонконга мы видим, что хотя европейские ценности постулируются как превосходящие демократизм и верховенство права, равенство и создание общества консенсуса, когда интересам продемократических элит начинает угрожать опасность, их представители пользуются нелегитимными методами. Это позволяет активному меньшинству протестующих реализовать свои взгляды на развитие общества, что лишает последнее консенсуса и очевидно нарушает принципы демократизма.

Первично воздействие западной демократии на Гонконг было начато во второй половине XX в., когда руководство Соединённого Королевства инициировало процесс демократизации региона. Она превратила Гонконг в транзитивное общество перед возвращением КНР, что является средством ведения гибридной войны. Она создала в САР потенциал для предстоящего противостояния с центральной властью, распространения идей западной демократии на территории Китая и стимулирования региональной идентичности с перспективой появления сепаратистских настроений. Таким образом, как было упомянуто ранее, демократизация Гонконга предопределила политический процесс в САР на современном этапе.

Меритократия представляет собой концепцию или систему социальных отношений, принципов управления, которая определяет власть, осуществляемую людьми, отличающимися своими способностями, достижениями, профессиональной компетентностью, а не социальным происхождением или приписываемым статусом, основой эффективного развития общества.

В Китае меритократия берет своё начало из конфуцианской философии. Идея «Благородного мужа», служащего на благо Родины, является ключевым понятием этого восточного учения. Данный идеал представляет собой человека, получившего образование и следующего моральным принципам. Именно «Благородный муж», чиновник, а не воин, является тем, кому можно доверить управление государством. Указанное выше идет в разрез с идеями демократии,

согласно которой каждый человек имеет право на повлиять на решения, принимаемые обществом.

Воздействие восточной меритократии на политический процесс транзитивного общества Гонконга началось с попыток центральной власти КНР ввести Закон об экстрадиции, который позволил бы усилить контроль над регионом и ослабить влияние западной демократии. Следует отдельно отметить, что представители руководства Китая, будучи носителями идей восточной меритократии, предприняли попытку воздействовать на политический процесс легитимными методами через создание законопроекта.

Ответом западной демократии стали уличные протесты, с каждым разом набиравшие обороты. В ходе них использовалась тактика «цветных революций». Итогом же стало введение Закона об экстрадиции и изменение электоральной системы, которые определяют будущее развитие политического процесса в Гонконге.

Сказанное выше позволяет заключить, что в подобных гонконгскому сценариях противостояния западная демократия стремится использовать нелегитимные методы противодействия, такие как тактика «цветных революций», в то время как восточная меритократия использует чиновничий аппарат и легитимные средства.

Глава 3. Проявление специфических характеристик политического процесса в транзитивном обществе Гонконга

3.1. Особенности реализации концепта «одна страна – две системы» в современном Гонконге

В первой главе настоящего исследования нами был предложен концепт локуса политико-сферной логичности (или локус логичности), посредством которого раскрыта системность политических процессов в современных транзитивных обществах, в том числе – в контексте установления специфики и закономерностей политического процесса в Гонконге в XXI в. Политический дуалитет локуса политико-сферной логичности при исследовании политической сферы транзитивного общества Гонконга целесообразно описать в пределах предложенной схемы посредством изучения сферы общественной жизни и отрасли жизнедеятельности человека в рамках политической системы государства или иного политического института.

Первостепенным представляется раскрытие структуры, функционального наполнения и специфики реализации политической системы как общей категории, включающей в том числе и характерную для конкретного общества типологию политического процесса, протекание и структуру политической деятельности, особенности реализации общественных связей. Для Гонконга эти аспекты реконструируются в контексте существования закономерностей и противоречий концепта «одна страна – две системы» в организации политической сферы в общественном устройстве автономии.

Важно учитывать, что для современных транзитивных обществ системность политико-сферного развития (закономерность и противоречия их

существования) не является чем-то новым; системные принципы использовались для анализа реальности задолго до становления теории систем. Еще в античной философии систему рассматривали как совокупность элементов, находящихся в структурной взаимосвязи друг с другом и образующих определенную целостность. Впоследствии принципы системности были сформулированы Р. Декартом и Дж. Локком, получили дальнейшее развитие в трудах Н. Кузанского и Б. Спинозы, нашли отражение в теории познания И. Канта, способствовали формированию философии Гегеля. С системных позиций О. Конт подчеркивал сходство общества с биологическим организмом, а Г. Спенсер в своих трудах искал общие структурные закономерности в неорганической, биологической и социальной эволюции.

На современном этапе неотъемлемой методологической составляющей современных теорий политических изменений и развития является концепция выдающегося американского исследователя Т. Парсонса, который разработал функциональную теорию систем благодаря синтезу трех научных направлений – британской социальной антропологии (представителями которой были Б. Малиновский и А. Рэдклиф-Браун), социологии (Э. Дюркгейм), теории действия (М. Вебер), а также концепции общей теории систем (Л. фон Берталанфи) и кибернетической теории информации (Н. Винер).

В книге «Система современных обществ»¹⁵⁸ Т. Парсонс рассматривает социальные системы как закономерности, образующиеся состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами. Социальные системы, по мнению ученого, являются «открытыми» системами, которые находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Кроме того, они дифференцированы на различные подсистемы, которые также постоянно вовлечены в процесс взаимного обмена. Согласно подходу Т. Парсонса, общество надо рассматривать как сложную социальную систему, имеющую

¹⁵⁸ Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.

относительно автономные части (подсистемы, которые также являются системами). Соответственно, вынесенные в название параграфа закономерности и противоречия концепта «одна страна – две системы» в организации политической сферы в общественном устройстве Гонконга, являясь ключевыми аспектами осуществления политического процесса в регионе, соответствуют подходу Т. Парсонса относительно системности существования и трансформации общества. При этом, исследователь различал структурные и функциональные категории: первые дают возможность понять общество в его статическом, равновесном состоянии, вторые – рассматривают общество с точки зрения динамики, изменения, что свойственно транзитивным обществам. Как основные структурные категории (то есть, способствующие осуществлению анализа структуры социальной системы) Т. Парсонс выделил: (1) систему ценностей; (2) институционализированные нормы поведения; (3) социальные общности (или коллективы), и (4) роли, под которыми понимал регулируемые комплексы поведения каждого члена общества.¹⁵⁹

Таким образом, в концепции Т. Парсонса общество – это социальная система, совокупность взаимодействий, устоявшийся комплекс целей человеческого поведения. В теоретической схеме исследователя человек как личность и физиологический организм выведен за пределы системы и определяется как важнейший элемент окружающей среды. Из этого следует, что при рассмотрении социальной, политической или иной системы, речь идет не о всем разнообразии действий конкретных людей в определенный исторический промежуток времени, а лишь о тех из них, которые воспроизводят устойчивые структурные связи и отношения. Соответственно, социальную структуру формирует система социальных отношений людей, которые действуют, выполняя определенные социальные роли относительно друг друга. Учитывая вышеизложенное, социальную систему по Т. Парсонсу «образует

¹⁵⁹ Там же

институционализированный набор ролей, или, другими словами, устойчивые модели взаимодействия»¹⁶⁰. Исходя из указанного, роль является элементарной частицей социальных отношений, с помощью которых человек входит в разного типа системы, в том числе и политическую.

В целом, любое социально-политическое, экономическое, культурное явление может быть описано как определенная система социального действия; в нашем случае – это политическая сфера общественной жизни Гонконга, реализуемая посредством закономерностей и противоречий осуществления общественных связей в рамках политического процесса в ходе воплощения в жизнь концепта «одна страна – две системы», характеризовавшегося на современном этапе деструктивностью базовых политических связей, а также существованием подрывных политических институтов неформального толка, деятельность которых направлена на осуществление пропаганды в целях трансформации политических процессов в направлении деструкции общественных связей.

В контексте политических процессов, происходящих в современном Гонконге, эти аспекты проистекают из противодействия интересов Великобритании (с присущим ей демократическим режимом, который отчасти внедрился в общественно-политическую жизнь Гонконга) и КНР (с реализованными в ней меритократическими традициями, уже не вполне воспринимаемыми населением Гонконга ввиду трансформации сознания граждан САР). Предпосылкой такового противостояния систем служит то, что возвращенный Китаю после столетнего пребывания под протекторатом британской монархии Гонконг претерпел реальные преобразования, а потому настроения в нем расслоены, что провоцировало обострение деятельности неформальных подрывных институтов, опирающихся на правовые, политические, общественные и иные деформации в общественном устройстве САР.

¹⁶⁰ Там же

Определяя правовое положение Сянгана, следует обратиться к особенностям его административно-правового статуса в ретроспективном аспекте. Как упоминалось ранее, Гонконг находился под суверенитетом Великобритании до 1997 г., пока КНР не получила эти территории в результате подписания декларации 1984 г. В соответствии с положениями декларации, Великобритания обязывалась передать эти территории Китаю в 1997 г. Правовой статус Гонконга был закреплён не только в декларации, но и в Конституции этого САР (Основной закон), утверждённой совместно с ней. Согласно положениям указанного конституционного акта, органам власти Гонконга предоставлена широкая автономия, а также внедрён неоднократно упомянутый выше правовой режим под названием «одна страна – две системы» и курс «Гонконгом управляют сами гонконгцы в условиях высокой степени автономии». В то же время, противовесом указанным положениям служат положения ст. 1 Конституции, согласно которой Сянган является неотъемлемой частью КНР.¹⁶¹

Исходя из указанного, можно выделить несколько особенностей правового статуса Гонконга. Первой и, наверное, главной его особенностью, из которой проистекают и другие свойства, является положение ст. 2 Конституции, согласно которой Всекитайское собрание народных представителей уполномочивает Специальный административный регион Гонконг на осуществление своей автономии в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти, а также предоставляет исключительное право на окончательное судебное решение.¹⁶²

Следующим свойством правового статуса Гонконга является закрепление в Основном Законе политической системы общества, которая отличается от политической системы, сложившейся в КНР. Так, согласно ст. 5 Конституции, на территории не притворяется в жизнь социалистическая система и политика, а

¹⁶¹ The Government of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China. The constitution of People's Republic of China. Hong Kong basic law. [Adopted at the Fifth Session of the Fifth National People's Congress and promulgated by the Announcement of the National People's Congress on 04.12.1982]. – URL: <https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclaw/index.html> (accessed: 11.12.2024).

¹⁶² Там же.

капиталистическая система, которую внедрила Великобритания, и присущий населению региона образ жизни, должны оставаться неизменными до конца действия декларации. Тем самым воспроизводится один из главных пунктов совместной британско-китайской декларации, закреплённой в преамбуле Конституции Гонконга.

Несмотря на то, что судебная система Гонконга была изменена после присоединения этой территории к КНР, она также остается автономной. Так, в судебную систему входят: Районные суды, Верховый суд, Суд первой инстанции и Апелляционный суд последней инстанции. К судам низшего уровня относятся как общие, так и специализированные: Суд по трудовым спорам, Суд по земельным спорам, а также Суд по делам ценных бумаг. Также функционируют суды присяжных, созданные по британскому образцу. Вынесенные судами решения не могут быть обжалованы в судебных органах КНР.¹⁶³ Таким образом, Гонконг имеет право на самостоятельное административное управление регионом и на независимое судопроизводство, однако судебные органы не могут участвовать в рассмотрении дел, касающихся государственной обороны, внешней политики и других вопросов, отнесенных к прерогативе КНР.

Общенациональные законы КНР на территории САР не действуют, кроме трех нормативных правовых актов, среди которых: законы КНР о гражданстве, о морских территориальных водах и прилегающих территориях, Положение о дипломатических привилегиях и иммунитетах. Однако в случае объявления ПК ВСНП военного или чрезвычайного положения в Гонконге, КНР может издать указ о введении в действие на территории необходимых общегосударственных законов.¹⁶⁴ Кроме этого, к компетенции КНР относятся также вопросы государственной обороны и внешней политики.

¹⁶³ Уманская, А. С. КНР и Гонконг: конституционно-правовые аспекты принципа «одна страна – две системы» / А. С. Уманская // Молодёжь третьего тысячелетия. – 2016. – С. 57–59.

¹⁶⁴ Трощинский, П. В. Современная правовая система Гонконга / П. В. Трощинский // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 2. – С. 175–198.

Особым образом разрешаются и вопросы регулирования деятельности вооруженных сил КНР и Сянган. 30 декабря 1996 г. был принят Закон КНР «О гарнизоне Специального административного района Гонконг», который регулирует право КНР на размещение военного гарнизона в САР. Руководством и расходами гарнизона занимается правительство КНР, добившееся не только самого размещения войск на территории острова, но и их иммунитета. То есть, законы Гонконга не распространяются на деятельность гарнизона и не могут никоим образом мешать его работе. Любые преступления, совершенные гарнизоном, рассматриваются Военными судами КНР; в то же время, гарнизон не может вмешиваться во внутренние дела Гонконга.

Также в ведении исполнительной власти Сянган имеют полномочия в сфере общественного порядка в регионе. Правительство с согласия центральной власти имеет право на использование местных войск для поддержания общественного порядка и преодоления последствий стихийных бедствий. Военнослужащие вооруженных сил должны соблюдать не только национальные законы, но и положения законодательства Гонконга. Таким образом, КНР наделяет Гонконг определенной самостоятельностью в осуществлении военной силы на собственной территории.

Еще одной особенностью правового статуса САР является закрепление «двуязычия» в регионе, что обусловлено следствием колонизации этих земель Великобританией и внедрением здесь своей культуры и норм права. Так, в Гонконге сейчас действуют два государственных языка: английский и китайский.¹⁶⁵

Резюмируя, следует отметить, что различные по своему виду и характеру автономии существуют сегодня во многих зарубежных странах; они образуются на исторических, экономических, географических особенностях, этнических и

¹⁶⁵ The Government of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China. The constitution of People's Republic of China. Hong Kong basic law. [Adopted at the Fifth Session of the Fifth National People's Congress and promulgated by the Announcement of the National People's Congress on 04.12.1982]. – URL: <https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclaw/index.html> (accessed: 11.12.2024).

культурных традициях регионов. Практика конституционного строительства показывает: какими бы полномочиями не были наделены автономные образования, они часто остаются составными частями государства, не разрушая целостность его суверенитета, несмотря на отдельные случаи недопонимания между органами центральной власти и автономиями. Однако, находясь на пороге трансформационных процессов в общеправовых и политологических науках, человечество непременно приспособит действующее законодательство и общественно-политическую систему к требованиям времени. Главным вопросом при этом остается эффективность и уместность таких приспособлений. Автономный статус территорий по своей природе, определению и функциями зависит от сотрудничества и координации между органами центральной власти и автономными образованиями.

Именно поэтому, по нашему мнению, было бы уместным сделать вывод о наиболее оптимальном, на наш взгляд, методе урегулирования этого вопроса: очевидно, органам центральной власти той или иной страны крайне необходимы сдвиги в виде определенных уступок ради компромиссного решения, которое бы удовлетворило все стороны и позволило сохранить территориальную целостность и стабильность (ведь регионы всегда пытались и будут пытаться создать для себя такую законодательную базу и такой общественно-политический строй, которые полностью соответствовали бы потребностям их населения, историческим и культурным особенностям безотносительно к интересам метрополий). Для того, чтобы не подвигать население страны к действиям, которые могут привести к крайне негативным результатам, важной остается политика компромисса и уступок как с одной, так и с другой стороны.

Однако в ситуации с Гонконгом такой компромисс пока недостижим. Проанализировав законодательство Гонконга, можно указать на неоднозначность положений о его автономии. Ограничения прослеживаются в подчиненности Сянгану центральному правительству, положении военных сил, их размещении и руководстве ими КНР, возможности применения общенациональных законов в некоторых случаях и тому подобное. Несмотря на

эти вопросы, в которых стороны хотя бы пришли к консенсусу, существуют неурегулированные вопросы между КНР и Гонконгом. Это проблема избирательной системы (Сянган настаивает на сохранении собственной системы, а центральная власть пытается получить возможность влиять на выборы в САР). Острым также остается вопрос политической системы. Эта проблема не находится на повестке дня, однако после окончания срока действия декларации в 2047 г. существует большая вероятность того, что КНР разработает новый взгляд на принцип «одна страна – две системы», чтобы установить абсолютную власть в этом регионе.

Примеров, сходных с представленным, в истории не так много; в случае с Гонконгом они обостряются тем, что политический и административно-территориальный статус автономии нестабилен: несмотря на переход под суверенитет Китая, Гонконг остался де-факто под собственной юрисдикцией. Это ярко выражено в существующих границах и визовых ограничениях между материковой частью КНР и САР, а также наличием у граждан Гонконга собственных паспортов. Условия особого статуса, получившие название принцип «одна страна – две системы», предусматривают переходный период сроком в 50 лет. Так как на сегодня такая тенденция сохраняется, Гонконг может чуть более, чем через четверть века, стать обычной провинцией КНР без каких-либо преференций. Все это прямо или косвенно влияет на причины и содержание протестных движений, реализованных в том числе и в форме традиционной для современного мирового политического процесса «цветной революции»: в Гонконге она представлена так называемой «Революцией зонтиков», начавшейся 28 сентября 2014 г., а также событиями лета 2019 г.

Официальный Пекин трактовал эти события как внутреннее дело Китая, а многие зарубежные СМИ квалифицировали их как очередную «цветную революцию», в том числе указывая на достаточно четко прослеживающуюся информационную, идеологическую и другую поддержку правительств США и Великобритании. По мнению отдельных исследователей, такое внешнее воздействие говорит о проявлении в КНР косвенного продолжения так

называемой «Арабской весны» («Арабские революции», «Арабская весна», «Arab Spring») – серии массовых уличных протестов, революций и внутренних военных конфликтов в ряде арабских стран, которые начались в конце 2010 г. в Тунисе и охватили страны Северной Африки, а также Ближнего Востока. Мирными демонстрациями, социальными протестами и вооруженной борьбой в той или иной степени были охвачены два десятка стран арабского мира; отсюда и само название «Арабская весна», которое указывает на наличие исторических параллелей с рядом революций 1848-1849 гг. в странах Европы, известных под названием «Весны народов».¹⁶⁶

Основные политические и социально-экономические предпосылки арабских революций сводятся к следующему: наличие диктатуры или абсолютной монархии, высокий уровень недовольства длительным пребыванием у власти и политикой авторитарных режимов, нарушение прав человека, высокий уровень коррупции (включая политическую), финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. и ухудшение экономической ситуации в арабском мире, безработица и экстремальная бедность, в том числе среди молодежи. Все эти социальные болезни, которыми давно болели общества Северной Африки и Ближнего Востока, привели к обострению социального напряжения.

Для Гонконга этот процесс имел свою специфику, связанную с тем, что протестное движение в нем было обусловлено не необходимостью противодействовать существующим притеснениям, а целесообразности противостоять предстоящим вызовам и угрозам общественно-политической стабильности ввиду фактического противостояния более крупных акторов международной политики – КНР и Великобритании. Далее вопрос «Революции зонтиков» как квинтэссенции политического протеста, а также его взаимосвязь с политической пропагандой будет рассмотрен более детально.

¹⁶⁶ Weyland, K. The Arab Spring: why the surprising similarities with the revolutionary wave of 1848? / K. Weyland // Perspectives on Politics. – 2012. – № 4 (10). – P. 917–934.

Возвращаясь к событиям «Арабской революции» в целом, следует отметить, что в данных событиях ведущую роль сыграла молодежь. Эта особенность важна именно потому, что основное воздействие на народные массы оказали социальные сети и средства массовой информации, в особенности использующие интернет, к примеру Twitter и Facebook (деятельность данных организаций запрещена на территории РФ*). Эти платформы активнее всего воздействовали именно на арабскую молодежь, привнеся в её сознание западные ценности и идеи.

Примером может послужить движение «We are all Khaled Said», появившееся как реакция на насильственную смерть блогера в Египте в ходе действий полиции в 2010 г. Изначально высказывавшие свое несогласие при помощи флешмобов, люди, объединившиеся в Facebook (деятельность организации запрещена на территории РФ*), со временем перешли к самосожжениям против политики Мубарака, за чем последовало их еще большее сплочение уже для выражения открытого протеста.

С другой же стороны нужно учесть, что полтора десятилетия назад распространение интернета и уровень взаимодействия с ним в арабских странах был значительно ниже. И потому, хотя средства массовой информации и были искрой для молодежи, немаловажную роль сыграли и проводы духовенства.

Для Гонконга, в частности, именно религиозный аспект не был решающим в зарождении и активизации протестного движения, поскольку меритократические традиционные аспекты формирования самосознания населения, основанные на религиозных ценностях, снизили свою значимость в силу длительного воздействия на население Гонконга западных ценностей.

В то же время, безусловно, все современные «цветные революции», включая «Революцию зонтиков» в Гонконге, имеют одной из своих главных особенностей внезапность и стихийность: они возникают без заранее подготовленных жестких структур и вовлекают в себя все, в том числе и незащитные слои населения. Руководят такими толпами яркие эмоции, а не

расчет. Протесты Арабской весны были сетевыми, не имели четко обозначенного руководства и иерархии, а также понятного поэтапного плана действий.

Тахар бен Джеллун по этому поводу отмечал: «Самая крупная победа этой арабской весны стала следствием зрелости. Люди вышли на улицы спонтанно, готовые решительно идти до конца, не слушаясь приказов какого-нибудь лидера, председателя партии, или еще меньшей степени – руководителя религиозного движения. И пришла победа: естественная революция, прообразом которой является плод, который совсем созрел, и в один зимний день он упал сам по себе, увлекая за собой другие плоды, – и арабы начали танцевать, как во время народного праздника. Никто не может сопротивляться этому движению, ударные волны которого разнеслись очень далеко. Они докатились до Китая и однажды, возможно, достигнут патогенных пригородов Европы»¹⁶⁷.

Для сравнения, во время «Революции зонтиков» в Гонконге массово реализовалась задумка сплошной бунтарской протестной инсталляции из разноцветных ярких зонтов. Безусловно, в первую очередь они связаны не с политическим или художественным контекстом, а защищали демонстрантов от перчаточного аэрозоля и слезоточивого газа. Однако воздействие на эмоции и восприятие населения через инсталляционные элементы также имело место быть. К примеру, большой зонт в три метра высотой, символизирующий участников протестов, в течение месяца стоял у входа в Дом правительства. Но были и более настойчивые попытки повлиять на гонконгцев с целью усилить их «демократическую идентичность» и поддержать сплоченность, готовящие почву для новых протестов. К ним можно отнести инсталляцию «Яйца и высокая стена»: 50 яиц, символизирующих протестующих, заключенные в «треугольник Паскаля», стояли на одной стороне инсталляции, а напротив находились две кирпичные «стены», которые блокировали движение яиц. «Стены» же должны были представлять собой центральное правительство и китайский режим.

¹⁶⁷ Бен Джеллун, Тахар. Вспышка: беспорядки в арабских странах : эссе / Тахар бен Джеллун. – М. : Грани-Т, 2012. – С. 103.

Каждое «яйцо» (сторонник демократии) в одиночку представляли собой нечто уязвимое и хрупкое, но вместе они должны были преодолеть «высокую стену».

В то же время в арабском мире сложилась новая расстановка сил и сценарий протестных выступлений в каждой стране разный. Ошибочно сводить все арабские революции и восстания к одному общему знаменателю. Правда, фундаментальные причины массовых восстаний похожи: авторитарное правление, отсутствие свободы, тяжелое экономическое и социальное положение, крайняя бедность, огромный разрыв между уровнем жизни коррумпированных правителей и условиями проживания масс.

Все страны и народы, охваченные волной «Арабских революций», остаются крайне неустойчивыми. Высоким остается и градус региональной напряженности. Однако революции позволили людям преодолеть свой страх перед всемогущей властью, апатией, отчаянием и неспособностью противостоять тирании, насилию и коррупции. Это огромный психологический перелом, который объективно производит влияние как на охваченные революционными движениями арабские страны, так и на сообщества в других регионах мира.

Подытоживая анализ событий «Арабской весны в целом», без акцентуализации на событиях в Гонконге, следует отметить, что:

- 1) во-первых, так называемая «Арабская весна» была подготовлена предшествующим ходом мирового развития в послевоенный период;
- 2) во-вторых, влияние изменений на Арабском Востоке на глобальную международную систему не является принципиально новой чертой;
- 3) в-третьих, новым фактором и влиятельным орудием арабских революций стали социальные сети, Интернет, новые информационные технологии в целом;
- 4) в-четвертых, в арабском мире может со временем сложиться своеобразная дихотомия традиционных абсолютистских и новых демократических политических режимов, которые будут близки по своим ценностям к западным, то есть, меритократические аспекты

общественного устройства будут вытесняться и частично заменяться демократическими;

- 5) в-пятых, вместе с тем, начатые «Арабской весной» процессы еще долго будут вызывать разного рода политические, социальные, религиозные разломы как в отдельных странах, так и регионе в целом;
- 6) в-шестых, революции в арабском мире в контексте современных геополитических сдвигов следует рассматривать как одну из тенденций становления новой многополюсной (многополярной) системы международных отношений и передела мирового ресурсного пространства¹⁶⁸, что актуализирует проблему эффективного регионального и глобального управления международными процессами;
- 7) в-седьмых, задача мирового сообщества, прежде всего его влиятельных международных акторов, а также государств, которые ситуативно получают доступ к воздействию на региональные и глобальные процессы, – развернуть активную деятельность по созданию действенных инновационных международных механизмов и региональных институтов для стабилизации ситуации в конфликтогенных регионах, в том числе, в районе Средиземноморья и Ближнего Востока; тем самым актуализируются внешнеполитические интересы европейских государств в указанных регионах.

В контексте событий в Гонконге, «Революция зонтиков» имеет не только сходства с общими событиями «Арабской весны», но и обладает специфическими характеристиками. Так, «Революция зонтиков» («The Umbrella Revolution») – протестное движение в Гонконге за политические права, возникшее как несогласие с представленными в сентябре 2014 г. планами китайского правительства фильтровать кандидатов на гонконгских выборах 2017 г.

¹⁶⁸ Арутюнян, Г. Стратегия развития и Геополитические сценарии / Г. Арутюнян // 21-й Век. – 2010. – № 3 (15). – С. 3–12.

Название «Революция зонтиков» впервые использовал в своем Твиттере 26 сентября 2014 г. для описания протестного движения в Гонконге Адам Коттон (Нью-Йорк). В дальнейшем его распространили западные СМИ, описывая большое скопление студентов-протестующих, которые использовали разноцветные яркие зонтики для своей защиты от переченого аэрозоля и слезоточивого газа. Активисты в качестве символа протеста надевали на одежду желтую ленту, а также размещали символы с зонтиками и желтой лентой в социальных сетях.¹⁶⁹

Обращаясь к истории «Революции зонтиков», следует отметить, что массовые акции протеста начались в Гонконге 26 сентября 2014 г.; их инициировали студенты под руководством Федерации студентов Гонконга и сообщество активистов студенческого движения Scholarism, также к ним присоединилось оппозиционное общественное движение Occupy Central.

Лидерами протестного движения и акций гражданского неповиновения стали 17-летний студент Джошуа Вонг и доцент Университета Гонконга Бенни Тай. Протестующие требовали предоставления ещё более значительных демократических свобод для Гонконга. Они выступали против попыток центральной власти Китая изменить избирательную систему САР: 31 августа 2014 г. власти КНР приняли решение, согласно которому кандидатов на должность руководителя САР сначала должно было одобрить правительство, тем самым лишив население Гонконга права избирать руководителя администрации на следующих свободных прямых выборах 2017 г.

Участники «Революции зонтиков» считали такие действия официального Пекина потенциальным нарушением китайско-британской совместной декларации 1984 г. и Основного закона Гонконга 1990 г., в которых, как упоминалось выше, САР предоставлены весьма широкие полномочия

¹⁶⁹ Henley, J. How the umbrella became a symbol of the Hong Kong democracy protests / J. Henley // The Guardian. – 29.09.2014. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.3dc24db1-62963be0-c356af0b-74722d776562/https/www.theguardian.com/world/2014/sep/29/umbrella-symbol-hong-kong-democracy-protests (accessed: 10.04.2025).

относительно определения политического курса и избрания органов верховной власти региона, а также формирования главного исполнительного органа посредством выборов на основе соблюдения принципа всеобщего избирательного права.

В целях разрешения спровоцировавшей протесты конфликтной ситуации, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун рекомендовал всем сторонам, принявшим участие в «Революции зонтиков», разрешить противоречия путем мирных переговоров и с соблюдением демократических принципов. Однако уже 30 ноября 2014 г. возобновились столкновения в Гонконге с применением слезоточивого газа к демонстрантам. Многочисленные, массовые акции протестующих происходили и в дальнейшем. Примером может служить мирное выступление 1 февраля 2015 г., когда в Гонконге на улицы вышли около трех тысяч протестующих.¹⁷⁰

17 августа 2017 г. лидеры «Революции зонтиков» Дж. Вонг, Н. Лоу и А. Чоу получили приговоры от 6 до 8 месяцев тюрьмы за штурм государственных учреждений, а еще девять лидеров были признаны виновными в нарушении общественного порядка 9 апреля 2019 г.

Таким образом, «Революция зонтиков» в Гонконге стала своеобразной современной формой демократического протестного движения и политического акционизма. Как «Революция зонтиков» в частности, так и «Арабские революции» в целом сфокусировали внимание на невиданном ранее значении информационно-сетевого фактора в мобилизации и объединении людей на борьбу против правящих режимов. В перспективе влияние фактора социальных сетей и спутникового телевидения на ход общественных и политических процессов продолжит расти, что представляется целесообразным проанализировать далее на примере воздействия неформальных подрывных институтов в частности, и глобальной интернетизации в целом, в контексте

¹⁷⁰ Hong Kong democracy protesters return to the streets // The Guardian – 01.02.2015. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/feb/01/hong-kong-democracy-protesters-march-universal-suffrage> (accessed: 21.01.2025).

пропаганды и иных способов воздействия на массовое сознание жителей Гонконга, с актуализацией протестных движений и иных форм осуществления политических акций.

Выводы по параграфу 3.1: Концепт «одна страна – две системы» является основополагающим для существования политической системы Гонконга. Он был призван обеспечить сосуществование материкового Китая и САР, оставив, как следует из названия, две различные политические системы в рамках одного государства. Идея «Гонконгом управляют сами гонконгцы в условиях высокой степени автономии» позволила Гонконгу реализовывать собственную законодательную, исполнительную и судебную власть. Согласно концепту, социалистические идеи не должны были распространяться на территории САР. Гонконг получил возможность иметь собственную систему правосудия и право на окончательное судебное решение. Большинство законов КНР не действуют на территории САР до введения ПК ВСНП военного положения на территории региона. Английский закреплён как второй государственный язык в Гонконге.

Противостояние центральной власти и продемократической оппозиции Гонконга обусловлены недостатками концепта «одна страна – две системы». Центральное правительство имеет возможность вносить на рассмотрение в парламент законопроекты, не касающиеся сфер, в которых материковые законы преобладают над местными. Таким образом, при поддержке лояльных партий в Гонконге, КНР пытается усилить свой контроль над регионом. Военные контингенты с материка на постоянной основе размещены на территории САР, что даёт возможность в любой момент силой защитить его как от внешних, так и от внутренних угроз. Имеется возможность введения военного положения, которое позволило бы распространить действие законов КНР на регион. Существует также проблема избирательной системы Гонконга, которая должна была оставаться нетронутой (её в итоге изменили реформы 2023 г.) до середины XXI в., но потом могла быть изменена КНР по усмотрению последней. Сохраняются визовые ограничения между материковым Китаем и САР, при том, что иностранцы могут беспрепятственно посетить Гонконг. И наконец, КНР

имеет возможность принимать законы на тему безопасности САР, благодаря которой и был в итоге введен Закон об экстрадиции, начата электоральная реформа 2023 г. По сути руководство Китая де-юре могло объявить что угодно угрозой национальной безопасности и таким образом изменить законодательство Гонконга.

Все недостатки концепта «одна страна – две системы», описанные выше, привели в итоге к попыткам восточной меритократии воздействовать на Гонконг, ответной реакцией на что стали нелегитимные протесты, описанные в параграфе 2.3, которые были организованы неформальными подрывными институтами.

3.2. Неформальные подрывные институты и их воздействие на политические процессы в Гонконге

Политические институты являются одним из центральных объектов изучения современной политической науки. Особую актуальность их анализ приобретает в периоды динамических институциональных изменений, когда государства ищут оптимальный тип устройства. Сложная институциональная динамика присуща как переходным государствам, так и постоянным демократиям.

В структуре институциональной системы любого современного государства (а особенно государств транзитивного типа) в большей или меньшей степени находят свое воплощение неформальные институты. Притом, важно отметить, что неформальность как способ организации общественно-политических связей присуща всем обществам, независимо от уровня развития. Она может иметь различное влияние на политическую систему – от конструктивного до деструктивного. Познавательные возможности

современного институционализма (неоинституционализма) определяют оценку сущностных характеристик неформальности, ее преимуществ и рисков для государства, общества, гражданина.

Институциональная политология в структуре неформальных институтов выделяет их различные типы, подчеркивая позитивную (конструктивную) роль одних (например, гражданского общества) и подрывную (деструктивную) роль других (например, политических кланов).

Проблематика деструктивных неформальных институтов, которые в большей или меньшей степени подчеркивают политические системы всех без исключения стран мира, является важным направлением новейших политологических исследований. Сегодня в политической науке научные исследования указанной тематики разворачиваются в плоскости различных методологий, с применением разнообразного инструментария исследования, с позиций различных подходов.

Деструктивные неформальные политические институты, к которым зачастую относят непотизм, кронизм, фаворитизм, политическую коррупцию, клиентизм, клановость, покровительство (патронат) и др., ярко воплощены в государствах различных типов. Действенные механизмы демократии или меритократии могут служить преградой их распространению при достаточном уровне благосостояния населения и стабильной экономике. Но для традиционных обществ с патерналистскими устоями, меритократическими традициями, базовыми религиозными ценностями несвойственная институционализация и демократизация политики является вызовом для дальнейшего развития, требуя более активной и бурной модернизации, нежели это приемлемо для государства и общества. Такой конфликт демократических и меритократических ценностей, зона столкновения которых обострила политические процессы в Гонконге трансформационного периода, ярко иллюстрирует проблематику институционализации политической системы транзитивного государства и общества. Она влечет возникновения институциональных кризисов, подрыв безопасности государства или угрозу его

территориальной целостности за счет расслоения политических систем и процессов с автономиями, постепенное формирование исключительно потребительно ориентированного типа поведения политических акторов. Власть концентрируется в руках узкого круга лиц; политическая система начинает работать прежде всего на обеспечение интересов правящей элиты, а не государства в целом.

Неформальные деструктивные институты, активизирующиеся на фоне столкновения традиционных и модернизационных веяний, могут существенно повлиять на конституирование системы формальных институтов, прежде всего – на механизм воспроизведения у них власти. Вследствие этого, важным представляется установить воздействие институциональных изменений политической системы на политическую устойчивость общественных связей, а также рассмотреть выработку механизмов противодействия неформальной деструктивной институционализации и её воздействия на политические процессы транзитивного общества на примере Гонконга.

Обращаясь к описанной выше проблематике следует обозначить, что Азия – регион в целом проблемный по критерию интенсивности коррупционных практик в политике и других сферах жизнедеятельности. В нем выделяются государства-лидеры и государства-аутсайдеры по уровню деструктивного воздействия подрывных неформальных институтов, и в особенности – политической коррупции: в регионе есть те государства, которые уже выработали достаточно устойчивый иммунитет к различным проявлениям деструктивного воздействия, и те, кто имитирует антикоррупционные и иные социальные реформы в политической сфере.

Особенности влияния на общественные связи деструктивных политических институтов, в том числе политической коррупции, в азиатских государствах являются значимой причиной внутривнутриполитической борьбы многих государств региона. В большинстве из них (Филиппины, Малайзия, Таиланд и прочее) это противостояние ограничивалось периодами подготовки и проведения выборов, а затем сводилось на нет или же приводило к проведению

коротких по времени и суженных по целям популистских пропагандистских кампаний для сведения счетов с политическими конкурентами. В качестве примеров можно привести борьбу с коррупционными политическими аферами кланов президентов Х.М. Сухарто (Индонезия), Ф. Маркоса и К. Акино (Филиппины), Ро Дэ У (Южная Корея), премьер-министра Т. Чинавата (Таиланд).

В то же время, важно учитывать, что азиатские государства различным способом противостоят выполнению задачи противодействия деструктивному воздействию неформальных политических институтов, в особенности – политической коррупции:

1) самые успешные в части противодействия неформальным подрывным институтам, прежде всего – политической коррупции: Сингапур и Гонконг (так называемые «азиатские тигры»);

2) Китай, который избрал репрессивные методы борьбы с политической коррупцией в частности и деструктивными общественными процессами в целом;

3) постсоветские азиатские государства (Казахстан, Таджикистан, Киргизия), которые олицетворяют традиционализм управленческих технологий, объединённых советским прошлым.

Отдельная группа азиатских государств (Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины и др.) не характеризуются существенными сходными чертами в противодействии неформальным подрывным институтам, однако для проведения определенных параллелей в анализе их опыт также имеет значение.

Существенное внимание исследователей неформальной институционализации уделяется Гонконгу, что, исходя из приведенной выше классификации, можно объяснить значительными антикоррупционными успехами САР в сфере противодействия таким разрушительным явлениям, как nepotism, кронизм, фаворитизм, клиентизм, клановость, покровительство (патронат) и прочее. Научный интерес представляет и изучение КНР, особенно на фоне выбора этим государством репрессивных механизмов противодействия неформальной подрывной институционализации.

Особенно ярко неформальная подрывная институционализация проявляется в самых бедных странах Азии, в которых диктаторские режимы, опасаясь свержения, вынуждены опираться на поддержку семейных кланов для усиления собственной власти. В ряде индустриально развитых стран Азии, непотизм в политике играет опосредованную роль, чаще всего в связи с кровнородственным наследованием собственности. Узкий круг владельцев крупного капитала вынужден прибегать к поддержке родственников для сохранения капитала, а, следовательно, и власти. В свою очередь, для Гонконга этот процесс не столь остро представлен, поскольку, в силу британского влияния и финансирования, а также выгодного географического расположения и ресурсно-экономического потенциала. Соответственно, для сохранения богатства и власти, гонконгцы могут опираться не на поддержку родственных связей, а на преимущества капитала.

Кронизм также получил развитие в азиатских государствах, особенно в регионе Юго-Восточной Азии. Концепция кронизма, или «капитализма для своих», фиксирует зависимость успеха в бизнесе от личных неформальных связей предпринимателя с представителями власти. Кронизм предусматривает установление особых отношений государства и тех, кто его представляет, с влиятельными группами интересов.

Опыт азиатских государств свидетельствует о том, что часто государственная поддержка предоставлялась не наиболее динамично развивающимся и конкурентоспособным компаниям, секторам экономики, а именно тем компаниям, холдингам, которые имели «хорошие связи». И даже если их бизнес-стратегии не были эффективными, государства продолжали их поддерживать.

Тесные связи с государством, взаимная поддержка внутри закрытых бизнес-групп сильно ослабляет природные рыночные стимулы и механизмы сдерживания. В протектируемых государством и отдельными чиновниками компаниях популярными становятся кредиты, полученные благодаря неформальным связям. В одно время (1980-1990-е гг.) крупные азиатские

компании позиционировались как многомиллионные должники; они «прославились» восходящей задолженностью. Это было характерно прежде всего для Республики Корея, Таиланда, Малайзии, Филиппин, Индонезии; в меньшей степени это было характерно Гонконгу, где, благодаря развитой рыночной экономике и протекторату Великобритании капитал мог сам регулировать экономические процессы. Фактически, такие экономические подходы были среди причин азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг.

Завершение упомянутого кризиса кредитных капиталов (1999 г.) охарактеризовалось интенсивным поиском возможностей для подъема новых индустриальных азиатских государств, особенно четырех «азиатских тигров» (Сингапур, Гонконг, Южная Корея, Тайвань). В связи с этим, противодействие неформальным подрывным институтам, и, прежде всего, политической и экономической коррупции, уже традиционно является важным направлением политики ведущих азиатских государств региона. В то же время, как справедливо обращается внимание в научной литературе, у большинства из них, особенно в Гонконге, где высока роль противоборствующих и использующих черный пиар лидеров общественно-политической жизни, антикоррупционная борьба активизируется преимущественно во время предвыборных кампаний, а затем сводится на нет или сужается до проведения коротких по времени и суженных по целям популистских пропагандистских кампаний для сведения счетов с политическими конкурентами.

Что же касается политической коррупции как превалирующего неформального подрывного института, то ее распространенность и меры борьбы с этим деструктивным явлением в Гонконге и Китае отличаются, что обусловлено в том числе и спецификой концепта «одна страна – две системы».

Исследовательница С. Роуз-Аккерман приводит Гонконг в качестве примера в числе азиатских государств, которые посредством реформирования общественно-политического строя создали успешные независимые антикоррупционные органы, подчиненные напрямую только главе

правительства или парламента.¹⁷¹ В Гонконге коррупция всех уровней и видов была долгое время характеристикой этого САР: еще в конце 1950-х - начале 1960-х гг. коррупция полностью охватывала как государственный, как и частный сектор. Во времена, когда Гонконг был британской колонией, всеохватывающая коррумпированность была социально приемлемым, повседневным явлением, необходимым для выживания. Риск для коррупционера быть уличенным и наказанным был мизерным.

Толчком к изменениям послужил экономический и демографический кризис начала 1970-х гг., обусловивший нарастание протестных настроений населения. В 1974 г. была образована Независимая комиссия по борьбе с коррупцией (далее – НКБК; The Independent Commission Against Corruption). Методом борьбы с коррупцией был выбран не только репрессивный путь наказаний, но и меры предотвращения коррупционных практик. Успех антикоррупционной борьбы становился возможным благодаря последовательной поддержке государства: в Гонконге проявилась политическая воля высшего руководства. Направленная на противодействие политической коррупции.

Благодаря предпринятым мерам, сейчас Гонконг относится к «чистым» территориям Азии (согласно Индексу восприятия коррупции), уступая в показателях лишь Сингапуру: 77 баллов из 100 возможных в 2020 году (13 место в мире); за последние восемь лет эти позиции были практически неизменными (колебания в пределах 74-77 баллов).¹⁷² По результатам опросов общественного мнения, деятельность НКБК одобряют около 99% опрошенных.¹⁷³ Более 90%

¹⁷¹ Роуз-Аккерман, С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман ; пер. с англ. А. А. Алякринский. – М. : Логос, 2003. – 343 с.

¹⁷² Рябуха, И. Гонконг – юрисдикция с низким уровнем коррупции / И. Рябуха // International Wealth. – 02.08.2021. – URL: <https://internationalwealth.info/life-abroad/honkong-jurisdiction-low-level-of-corruption/> (accessed: 10.04.2025).

¹⁷³ Харичева, М. С. Борьба с коррупцией: опыт Гонконга / М. С. Харичева // Особенности теории и практики нормативно-правового регулирования общественных отношений и правоприменения в различных правовых семьях мира в призме использования из рационального опыта в правовой системе России, в том числе в системе МВД России.

всей информации о неправомерных коррупционных действиях поступило именно от общественности.¹⁷⁴ А ведь менее полувека века назад ситуация была полярно иной, что описывалось на примере устоявшегося мнения о коррупции как о «движущемся автобусе».

Для гонконгских чиновников, как и для сингапурских, отменена презумпция невиновности: фактически действуют законы вроде военного трибунала при наличии в отношении лица обоснованного подозрения. В Гонконге перестали преследовать тех, кто дает взятку (т.е. виноват в коррупционных действиях всегда чиновник). Соответственно, основой антикоррупционного успеха в Гонконге стало не столько создание и деятельность НКБК, сколько реальный гражданский контроль за деятельностью этой комиссии, который не дал ей стать частью криминальной сети.

Фактически Гонконг заимствовал антикоррупционную стратегию и наработки Великобритании, под эгидой которой осуществлялись все реформационные процессы, что обуславливает необходимость обращения к ее опыту. Так, в течение не одной сотни лет в Великобритании пытаются решить проблемы этики, а также стандартов добродетели государственных чиновников, политиков. Эти темы остаются на повестке дня Соединенного Королевства и сегодня: опрос общественного мнения демонстрирует озабоченность уровнем коррупции, а правительство по-прежнему обсуждает механизмы антикоррупционного гарантирования в политике. Гражданское общество, особенно благодаря мощным возможностям новых медиа, «держит под прицелом» своих политиков и партии. Очевидно, это дает определенные положительные результаты, судя по постоянному повышению позиций Великобритании в Индексе восприятия коррупции в последние десятилетия.

Материалы международной научно-практической конференции. 13 мая 2011 г. – Калининград : Изд-во Калинингр. ЮИ МВД России, 2011. – С. 122–130.

¹⁷⁴ Yeung, J. Au. Fighting Corruption / J. Au. Yeung // Slideplayer. – 2016. – URL: <https://slideplayer.com/slide/7042885> (accessed: 07.01.2025).

В мае 2016 года в Лондоне был проведен Всемирный антикоррупционный саммит (Anti-Corruption summit), который стал еще одним свидетельством злободневности коррупционной проблематики для этого государства. Политическая коррупция является предметом активных расследований и научного анализа. Так, одно из новейших исследований проблемы политической коррупции, осуществленное профессором Ливерпульского университета Д. Уайтом, уже в названии остро ставит ключевой вопрос: «Насколько коррумпирована Великобритания?»¹⁷⁵.

К настоящему моменту Великобритания не является страной с «нулевой терпимостью» к политической коррупции; тем более она не была такой в прошлом. Для выявления и противодействия политической коррупции в Великобритании еще в 1994 году создан Комитет по стандартам публичной сферы (Комитет Нолана, названный так по фамилии председателя комитета – Дж. Нолана) – независимый консультативный орган при британском правительстве. Создание этого комитета обусловлено публичным скандалом, инициированным в октябре 1994 года газетой «The Guardian», на страницах которой утверждалось, что парламентарии Н. Гамильтон и Т. Смит лоббировали в палате общин интересы бизнесмена М. Аль-Файеда с вознаграждением по 2 тыс. ф. ст. за каждый вопрос: этот скандал позже именовали «деньги-за-вопрос». Его завершение связано с признанием обвинений и отставкой чиновников; в ответ на реакцию общественности, в день их отставки премьер-министр объявил в Палате общин о создании нового органа – Комитета по стандартам публичной сферы. Как указывалось, «деятельность комитета направлена на предотвращение коррупции членов парламента, работающих консультантами фирм и стремящихся влиять на государственную политику и бывших министров, других должностных лиц, работающих в тех отраслях промышленности, регулированием которых перед тем занималось правительство». Именно на основе результатов работы этого комитета палата

¹⁷⁵ Whyte, D. How Corrupt is Britain? / D. Whyte. – London : Pluto Press. 2015. – 200 p.

общин приняла решение о назначении парламентского директора стандартов, запрете протекции и обнародования дополнительных заработков членов парламента.

Невзирая на предпринимаемые меры, на сегодня в Великобритании актуализировался ряд проблем. Наиболее проблемным моментом является финансирование политических партий корпорациями. В стране нет никаких ограничений на политические взносы, в отличие, например, от США или Франции. Поэтому зависимость политических партий от небольшой группы доноров создает предпосылки для расцвета коррупции. Угрожая остановить пожертвования, спонсоры из среды бизнеса давят для принятия выгодных для них решений; при этом, финансовый взнос легко могут сделать даже иностранцы – надо лишь быть зарегистрированным для «ведения бизнеса» в Великобритании. Отметим: большинство британцев во время опросов общественного мнения выступают за полный запрет финансирования политиков корпоративными субъектами, частным сектором (59% по данным ежегодного социологического исследования Transparency International Барометр мировой коррупции (Global Corruption Barometer) 2016).¹⁷⁶ Недовольство урегулированием вопроса финансирования партий британцы начали выражать еще в 1970-х годах, когда был опубликован доклад Хьютона и установлена процедура выделения бюджетных средств оппозиционным партиям – так называемые «деньги Шорта»¹⁷⁷. Как отмечает Дж. Монбио, «наша система финансирования политических партий не реформировалась, что позволяет очень состоятельным людям покупать эти партии»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ People and corruption: Europe and Central Asia 2016 // Transparency international. – 16.11.2016 – URL: <https://www.transparency.org/en/publications/people-and-corruption-europe-and-central-asia-2016> (accessed: 10.03.2025).

¹⁷⁷ Громыко, А. А. Коррупция в верхних эшелонах власти Великобритании / А. А. Громыко // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2010. – № 10 (249). – С. 117–128.

¹⁷⁸ Monbiot, G. Let's not fool ourselves. We may not bribe, but corruption is rife in Britain / G. Monbiot // The Guardian. – 18.03.2015. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/mar/18/corruption-rife-britain> (accessed: 19.04.2025).

Проявлением политической коррупции является также политический непотизм, политический кронизм, проявляющийся в стремительном необоснованном карьерном или финансовом росте родственников (в случае с непотизмом), друзей (в случае с кронизмом) партийного или государственного чиновника. И сейчас в Великобритании популярно сленговое выражение «Bob's your uncle», которое возникло для обозначения факта получения в 1887 г. неопытным чиновником А. Бальфуром высокой должности Секретаря по делам Ирландии. Вероятно, причиной получения должности была протекция родного дяди, бывшего премьер-министра Великобритании лорда Солсбери. Сокращение от «Robert» («Bob») в основе сленговой фразы «to have Bob as your uncle», подразумевающей гарантированный успех.

Отметим, что в 2017 году в британском парламенте впервые дебатировался вопрос, направленный на предотвращение непотизма – о запрете привлечения родственников на вспомогательные для депутата должности, которые оплачиваются из бюджета.¹⁷⁹ В случае введения этого ограничения, законопроект должен был вступить в силу после выборов 2020 г., однако пока его внедрение не состоялось. При этом, британские законодательные инициативы по противодействию политическому непотизму обусловлены тем, что на 2018 г., например, 151 из 650 депутатов палаты общин работали с членами своих семей, что противоречит принципу прозрачности найма кадров на государственную службу.

Что касается политического кронизма, то именно в Великобритании появились такие образные понятия, как «старые школьные галстуки» или «клуб старых друзей». С одной стороны, «старые школьные галстуки» могут вызывать конфликт интересов и другие проявления коррупции, но в британской политике доминирует мнение, что такие друзья становятся той «силой», что «держит» чиновника, политика на его посту.

¹⁷⁹ Clarke, H. UK cracks down on nepotism in Parliament / H. Clarke // CNN. – 16.03.2022. – URL: <http://edition.cnn.com/2017/03/16/europe/uk-politics-nepotism/index.html> (accessed: 05.04.2025).

Для Великобритании все еще характерна ситуация коррумпированности человека властью, вера в то, что высокая должность освободит ее носителя от ответственности, либо государь, политик может манипулировать своей властью, исходя из собственных представлений о добре и зле. Поэтому в этом государстве в центре общественного обсуждения вопрос о «парламентской привилегии» (депутатском иммунитете), который предлагают отменить или значительно сузить для борьбы в меньшей мере с незаконным лоббизмом депутатов. Конечно, масштабы коррупции в Великобритании не соотносятся с большинством стран мира, но пока страна не может считаться приблизившейся к «нулевой терпимости» относительно политической и других видов коррупции.

По сути, особенностью антикоррупционной политики Великобритании является пристальный интерес общественности к вопросам, связанным с лоббированием и покупкой политического влияния, финансированием политических партий, прозрачностью выборов, злоупотреблениями местными органами власти и др. Постоянная осведомленность общественности является весомым двигателем антикоррупционной политики Великобритании.

В целом, анализ проблематики политической коррупции в Великобритании показал ее существование и обнажил угрозы даже в современных высокоразвитых государствах. Они контролируют, регулируют комплекс коррупционных проблем в политике, но не могут искоренить политическую коррупцию: для этого нужна большая политическая воля и целенаправленные государственные усилия. Ни одно государство сегодня не защищено полностью от проблемы политической коррупции, но опыт Великобритании по минимизации ее негативных последствий значительным образом воспринят Гонконгом, который достаточно успешно вырабатывает оптимальную стратегию минимизации политической коррупции, основываясь на демократических западных ценностях.

Что же касается Китая, то здесь проблема политической и других видов коррупции сложнее. Антикоррупционные стратегии этого государства сложно сравнивать с другими азиатскими государствами, хотя бы учитывая

территориальные, социально-демографические, политические и другие отличия. Китай как государство имеет тысячелетнюю традицию привилегированной бюрократии, основанную на меритократических принципах, что подразумевает иной подход к борьбе с коррупцией. Китайский политик-коммунист Дэн Сяопин говорил: «Мягкой рукой с преступностью не повоюешь и от социальных увечий не избавишься». О сущности китайских подходов говорит то, что «...мировые медиа регулярно информируют о казни местных коррупционеров, а китайские медиа транслируют исполнение приговоров. Это отражает понимание того, что репрессивная борьба с коррупцией определена как залог процветания государства»¹⁸⁰. Только за период 2000-2010 годов в КНР за коррупцию было расстреляно около 10 тыс. чиновников, то есть, в среднем три человека в день¹⁸¹; впрочем, точное количество приговоренных к смерти неизвестно, ведь по китайским законам такая информация не подлежит огласке. В стране также действовала практика заочного вынесения приговоров. Всего за последние тридцать лет к уголовной ответственности за коррупционные действия привлечены около миллиона работников партийно-государственного аппарата. Однако, несмотря на публичные казни и осуждения к пожизненному заключению, окончательно искоренить политическую и другие виды коррупции в Китае пока не удастся.¹⁸²

Китайский государственный деятель Цзян Цзэминь в к. XX – нач. XXI ст. сформулировал новые принципы борьбы с коррупцией, которые сочетали профилактические и радикальные меры (отметим: в отношении самого Цзянь Цзэминя и его сыновей в 2016 г. были возбуждены уголовные дела по обвинению

¹⁸⁰ Макаров, А. В. Коррупция : опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России / А. В. Макаров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 2. – С. 13–21.

¹⁸¹ Там же

¹⁸² Wang, O. China's corruption crackdown ensnares high-ranking monetary official Sun Guofeng / O. Wang, A. Lee // South China morning post. – 18.05.2022. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3178252/chinas-corruption-crackdown-ensnares-high-ranking-monetary> (accessed: 19.04.2025).

в коррупции и других преступлениях). Среди способов борьбы с коррупцией в современном Китае предлагалось осуществлять:

- 1) постоянную ротацию кадров во всех органах власти;
- 2) контроль за провинциальным звеном партийного и государственного аппарата с ограничением его самостоятельности (вместо жестких условий следования линии центра).

Кроме того, Л.Н. Смирнова отмечает факт сохранения в законодательстве и правоприменении КНР жесткой ориентации уголовной антикоррупционной политики: это выражается в отсутствии иммунитета от уголовного преследования даже для высоких чиновников. Но, по мнению исследовательницы, одновременно уменьшается в последние годы применение именно смертной казни за коррупцию.¹⁸³ Однако подтвердить или опровергнуть последний тезис Л.Н. Смирновой не представляется возможным, поскольку информация об этом закрыта. Согласно её мнению, главная слабость китайской антикоррупционной системы – в сохранении условий для коррупции, а это «дискреционные методы принятия решений и непрозрачность государственного управления»¹⁸⁴.

Возможно это следует из принципа меритократии государственного управления КНР: в традиционной китайской политической культуре, в отличие от западной, акцент всегда делался не на законе, а на моральном воспитании людей, призванных принимать важные государственные и политические решения. Политические лидеры, пройдя строгий отбор, были своеобразными эталонами общественной морали и наделялись широкими полномочиями для дискреционного принятия решений. В то же время, понятия подобные системе сдержек и противовесов не получили в традиционном Китае поддержки. И сегодня КНР регулярно делает акцент на неприемлемости западной модели

¹⁸³ Смирнова, Л. Н. Борьба с коррупцией в КНР: международный опыт и «особая китайская модель» : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Смирнова Лариса Николаевна ; Институт Дальнего Востока. Москва, 2014. – С. 15.

¹⁸⁴ Там же

разделения властей, а в системе антикоррупционной борьбы наблюдается переплетение понятий закона и партийной дисциплины (как сплетение закона и морали в Древнем Китае).

Однако стоит отметить антикоррупционную деятельность Си Цзиньпина, проведенную им после вступления в должность. Помимо партийных чисток в ходе борьбы с тиграми и мухами, нужно отметить успешную реформу НОАК и расформирование её наиболее коррумпированной части. Армия современного Китая формировалась в ходе войны, потому в ней остались архаизмы, такие как Главное управление тыла. Наиболее перспективная в плане военной коррупции часть вооружённых сил – снабжение армии, до реформы председателя Си была во власти одного органа. Его расформирование в рамках реформы НОАК стоит считать одним из важнейших шагов нынешнего лидера КНР по борьбе с коррупцией.

Учитывая особенности политической культуры, для КНР характерна недостаточная прозрачность государственного управления. Законы принимаются при помощи партийных органов, без широкого общественного обсуждения. Они также не всегда представлены в открытом доступе. Отсутствует публичный доступ к декларациям государственных служащих о доходах и имуществе. Антикоррупционное бюро как главный антикоррупционный орган в КНР создавалось по аналогии с гонконгским (упомянутой выше НКБК), но этот орган не является независимым, что снижает его эффективность.

Согласно мнению Н.В. Андреевой, особенностью коррупционной ситуации в КНР является «отсутствие действенных законов, правил ведения бизнеса и получения разрешений на его ведение, отсутствие легальных и эффективных каналов диалога партийной власти и частного бизнеса, механизма учета интересов капитала и нового среднего класса»¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Андреева, Н. В. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Н. В. Андреева [и др.] // под ред. Василия Михеева. – М.: Московский центр Карнеги. – 2006. – 646 с.

В XXI в. в КНР сохранились традиционные атрибуты прежней политической системы: монополия на власть в руках одной партии, тенденция к сосредоточению полномочий в руках одного лидера, идеологический контроль за СМИ, отсутствие независимых от власти механизмов общественного контроля за действиями партийных и государственных органов. Эти и другие факторы негативно влияют на искоренение политической коррупции в КНР.

Опыт КНР, как представляется, демонстрирует, что для уменьшения масштабов политической коррупции и ее сдерживания одних только жестких наказаний недостаточно. Необходимо искоренение условий для развития коррупционных практик, а также внимание к их предотвращению (превентивные меры).

Кроме того, как отмечалось, важными характеристиками политических систем большинства азиатских государств является не только политическая коррупция, но и nepотизм, кронизм, клановость и другие неформальные практики, которые подрывают формальные институты. Родня большинства азиатских политиков вовлечена в политическую сферу. Очевидно, нужно учитывать, что многие азиатские общества являются конфуцианскими, в которых большая роль отводится персонализму. Поэтому многие вопросы решаются путем установления неформальных связей. В сравнении, для Гонконга такая практика, основанная на меритократических принципах, уже неприемлема ввиду изменившегося общественного сознания, о чем свидетельствует в том числе высокая вовлеченность общественности в противодействие коррупции.

В целом же, характерным является то, что уровень неформальной институционализации в общемировой практике коррелирует с показателями модернизации, поступательного развития конкретного государства. Коррупция особенно выражена именно в бедных странах Азии, в которых диктаторские режимы, опасаясь свержения, вынуждены опираться на поддержку семейных кланов для усиления собственной власти. Узкий круг владельцев крупного капитала вынужден искать поддержки родственников для сохранения капитала, а, следовательно, и власти. В то же время, именно в Азии (прежде всего в

Гонконге, Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах) имеет место сильный кронизм как «капитализм для своих»: предпринимательский успех зависит именно от личных неформальных связей предпринимателя с представителями власти. Однако анализ политической коррупции в Гонконге и мер противодействия ей свидетельствует о том, что к настоящему моменту в политической стратегии Гонконга преобладают демократические принципы устройства, свойственные патерналистски настроенной к Гонконгу Великобритании, чем меритократические, присущие традиционно Китаю.

Однако в Гонконге имеются подрывные неформальные институты, сильно повлиявшие на политические процессы САР. В рамках данного исследования мы предлагаем называть их «неформальные подрывные институты гонконгского типа». К ним относятся общественные объединения, в отличие от партий не являющиеся одним из формальных институтов управления государством. Они так же, как и представители других неформальных институтов, не способны легитимно повлиять на процесс принятия решений и до определенного момента не обладали достаточным влиянием, чтобы выдвинуть своих кандидатов в парламент. Однако, когда их ценностям и способности влиять на общественное мнение жителей САР стала угрожать опасность в виде Закона об экстрадиции, они использовали нелегитимные методы для блокирования действий парламента и правительства. Таким же образом поступают и представители других подрывных неформальных институтов – используют обходные пути для достижения собственных целей.

К примеру, Civil human rights front (CHRF), являющийся неформальным объединением журналистов и общественных деятелей САР, с момента своего создания выступал против инициатив пропекинского правительства. При помощи собственных информационных ресурсов это объединение смогло привлечь к протестам огромное количество людей.

Наиболее радикальная часть оппозиции Гонконга, состоящая из студентов, также представляла собой неформальное объединение, не имевшее строгой иерархии, лидера и политической программы. Когда же прошла «Революция

зонтиков», Джошуа Вонг, ставший одним из лидеров в ходе протестов, решил перейти в правовое поле и с соратниками создал партию «Демосисто». Но, когда в 2019 г. над Гонконгом вновь нависла угроза демократическим ценностям, студенты не стали пытаться остановить её при помощи партии. Вместо этого они снова организовали нелегитимные протесты, использовавшие тактику «цветных революций», вновь подтвердив свой статус как именно неформального подрывного института. Вонг и его соратники совершили успешный захват здания парламента Гонконга (хотя и не смогли его удержать). Как было упомянуто ранее, даже после снятия с рассмотрения инициативы центрального правительства, они продолжили свою деятельность, переводя её в состояние мятежа и выдвигая новые требования.

То же можно сказать про Occupy central with love and peace и её лидера, идеолога гонконгских мирных протестов, Бенни Тая. Представляя демократически настроенную интеллигенцию САР, он со своими сторонниками блокировал государственные здания не используя применение силы. После событий «Революции зонтиков» он сам сдался властям, чтобы создать себе образ мученика.

Все описанное выше позволяет заключить, что в Гонконге мы наблюдаем действие «неформальных подрывных институтов гонконгского типа», представляющих собой объединения журналистов, студентов и т.д. В пассивном состоянии они могут не иметь лидера, однако способны к мобилизации для достижения своих целей нелегитимными средствами. При удачном стечении обстоятельств, «неформальные подрывные институты гонконгского типа» стремятся легитимизировать свою власть за счет влияния на население, полученного в ходе протестов. Так произошло с созданием партии «Демосисто», не возымевшей большого успеха до событий 2019 г. Так же случилось и после них, когда, как упоминалось ранее, представители «продемократического

лагеря» одержали рекордную победу на местных выборах¹⁸⁶, получив шанс в дальнейшем обрести большинство мест в парламенте.

Выводы по параграфу 3.2: К деструктивным неформальным политическим институтам можно отнести непотизм, кронизм, фаворитизм, политическую коррупцию, клиентизм, клановость, покровительство (патронат) и др. Они часто появляются в обществе при низком благосостоянии населения, нестабильности политической системы. Также они зачастую проявляют себя в транзитивных обществах, поскольку изменения базиса политической системы во многих случаях делает её нестабильной.

В Азии существует несколько подходов к борьбе с неформальными институтами. Гонконг использует свою систему противодействия им, схожую с британской. Это позволило добиться успехов в борьбе с коррупцией и кронизмом.

Однако в САР имеются «неформальные подрывные институты гонконгского типа». Их появление не связано с уровнем благосостояния и коррупции. Причиной ему стала сама демократизация Гонконга, превратившая его в транзитивное общество. «Неформальные подрывные институты гонконгского типа» используют протесты как нелегитимный способ достижения собственных политических целей. Они склонны использовать тактики «цветных революций», такие как захват государственных зданий, сочетание агрессивных акций радикального крыла и мирных протестов и т.д. Итогом деятельности «неформальных подрывных институтов гонконгского типа» является либо полный захват власти протестующими, попытки чего прослеживались в действиях сторонников Джошуа Вонга, либо легитимизация своей власти при помощи влияния на население, полученного в ходе противостояния с правительством, как и произошло в гонконгском сценарии.

¹⁸⁶ Graham-Harrison, E. Hong Kong voters deliver landslide victory for pro-democracy campaigners / E. Graham-Harrison // The Guardian. – 25.11.2019. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/24/hong-kong-residents-turn-up-for-local-elections-in-record-numbers> (accessed: 23.01.2025).

3.3. Глобальная интернетизация как способ воздействия на политические процессы и вовлечения населения Гонконга в протестное движение

Одной из отличительных черт современного общества является динамичное развитие информационно-коммуникативной сферы. Все более беспрепятственным становится доступ к любой информации; совершенствуются способы обмена ей, глобализируются процессы распространения в мировом пространстве разного рода знаний, идей, убеждений, культур и тому подобное. Они не имеют ограничений во времени и пространстве, существуют независимо от имеющихся между государствами границ, обеспечивая тем самым обратную коммуникативную связь для пользователей.

Одним из наиболее активно применяемых методов воздействия на общественное сознание является пропаганда, представляющая собой «открытое распространение взглядов, фактов, аргументов и иных убеждений, направленных на формирование общественного мнения относительно определенного вопроса или проблематики»¹⁸⁷. Впрочем, насколько полным является это утверждение? Если анализировать его глубже, можно сделать определенные выводы: если это «открытое распространение взглядов, фактов, аргументов и других доводов», то может ли считаться пропагандой простое выражение своего мнения? Из-за непонимания граней этого термина, иногда некоторые утверждения могут быть ошибочно восприняты за пропаганду, а настоящая пропаганда взамен может остаться незамеченной.

Очевидно, что благодаря пропаганде ее создатели хотят сформировать общественное мнение по определенному вопросу или проблеме, однако не

¹⁸⁷ Deuter, M. Oxford Advanced Learner's Dictionary / M. Deuter, J. Bradbery, J. Turnbull. – 9th edition. – Oxford : Oxford University Press, 2015.

следует забывать, что очень часто пропаганду используют как призыв к действию. Более того, в современном мире пропагандой занимаются в основном люди, непосредственно или косвенно связанные с политикой, поскольку пропаганда является эффективным политическим инструментом и всегда им была. Также следует понимать, что, хотя и наличествуют случаи, когда пропаганду ведут скрыто, «упаковывая» ее в разные обертки, обычно она все же носит агрессивный характер и фактически навязывает свою точку зрения целевой аудитории. Именно поэтому, как представляется, понятие «пропаганды» должно быть определено несколько иначе – это открытое или скрытое, в основном агрессивное распространение взглядов, фактов, аргументов и других доводов политического характера с целью формирования общественного мнения. Сущностной характеристикой пропаганды является именно попытка влияния на общественное мнение с целью маскировки реальной деятельности.

Например, в 1997 г. в прокат вышел фильм Барри Левинсона «Хвост виляет собакой», ставший классикой не только для кинематографа, но и для изучения политических наук в целом. Его сюжет строится на том, что команда политтехнологов американского президента фактически с нуля придумывает войну с албанскими террористами для того, чтобы перекрыть скандал с сексуальными домогательствами президента к юной девушке. Все это происходит за 11 дней до выборов президента. Конечно, все то, что происходит в ленте, не стоит воспринимать буквально, однако она является прекрасным примером того, какую силу имеет пропаганда и ради чего она может быть использована. В рамках сюжета фильма можно найти несколько пропагандистских материалов, к примеру, песню *Same Old Shoe*, созданную для поддержания фейковой истории американского солдата, который «пропал без вести» во время боев в Албании. Впоследствии, песня была замаскирована под народную для придания ей большей искусственной популярности. Лента также использует метод гиперболизации для доказательства искусственности созданного конфликта – главный политтехнолог обращается за помощью в

кинематографическую отрасль, с помощью которой и создаются все материалы для так называемой «войны».

В современных условиях с учетом глобальной интернетизации населения, на первый план выходит использование сети Интернет и социальных сетей как наиболее динамичного способа передачи информации широким слоям населения. Наиболее активно общение, взаимное информирование и обсуждение острых проблем современности в самых разнообразных жизненных сферах происходит в социальных сетях (далее – соцсети). Эта форма общественной активности становится одной из определяющих тенденций состояния развития общества. Соцсети выступают неотъемлемым элементом общения большинства участников онлайн-коммуникации, поскольку через них пользователи получают альтернативные традиционным медиа факты, комментируют, интерпретируют и распространяют их, становясь таким образом соучастниками процесса глобальной интернетизации общественных связей.

Для понимания принципов, положенных в основу пропагандистского (зачастую – деструктивного) воздействия медиа, включая глобальную сеть Интернет и соцсети как её часть, стоит обратиться к трудам из области социальной психологии. В 1969 г. американскими психологами С. Милгрэмом и Дж. Трэверсом была предложена теория шести рукопожатий, согласно которой любые два человека на Земле разделены в среднем лишь пятью уровнями общих знакомых и, соответственно, шестью уровнями связей. Этот принцип во многом лег в основу того, каким образом в современных социальных сетях формируется схема потенциальных контрактов пользователя. Для доказательства своей теории ученые использовали практический опыт, который заключался в том, что жителям города Омаха раздали 300 конвертов, которые нужно было доставить адресату в Бостоне. Условием было то, что конверты можно передавать только через знакомых или родственников. Итогом эксперимента стал вывод, что конверт проходил в среднем через пятерых людей.

Подобного рода эксперименты проводили другие ученые. Например, в 1998 г. в Колумбийском университете провели аналогичный опыт, но с

использованием электронной почты. В результате исследования выяснилось, что двух любых пользователей Facebook (деятельность организации запрещена на территории РФ*) отдаляет 4,74 уровня связей. В том же году С. Стругатс и Д. Уоттс предложили математическую модель сетей «тесного мира», доказав, что в соцсетях, добавление небольшого числа случайных связей сокращает диаметр всей сети. Таким образом, они математически подтвердили теорию «шести рукопожатий», которая полностью вписывается в модель «тесного мира».¹⁸⁸ Эта теория помогает инженерам и создателям социальных интернет-сетей разрабатывать функционал, который позволяет сформировать сеть контактов пользователей: когда новый пользователь регистрируется и вводит персональные данные, соцсеть предлагает набор людей, которых он может знать (например, с помощью анализа контактов электронной почты), или выборку людей по интересам, подобной работе и т.д., из которых он может выбрать тех, с которыми наиболее часто общается.

Анализ соцсетей в том виде, в котором он представлен сегодня, формировался из различных научных и исследовательских течений с выделением трех базовых этапов:

- 1) Первый этап – это социометрический анализ, направленный на исследование о малых социальных группах (например, исследования Я. Морено);
- 2) Второй этап относится к деятельности Гарвардской школы, в которой межличностные связи начали изучаться еще в первой трети XX ст.;
- 3) Третий этап представлен наработками Манчестерской школы антропологии, в рамках функционирования которой изучалась структура обществ коренных народов и сельских общин.

Два первых научных течения легли в основу сформированной в Гарварде в 1960-1970-е гг. современной школы исследования социальных сетей – базовой

¹⁸⁸ Watts, D. Collective dynamics of «small-world» networks / D. Watts, S. Strogatz // Nature. – 04.06.1998. – Vol. 393. – P. 440–442.

для формирования актуальной в научном сообществе теории воздействия на сознание масс при помощи онлайн-ресурсов.¹⁸⁹

С развитием интернет-технологий и ускорением прогресса, изучение сетевой структуры общества стало смещаться от философских и социологических исследований в плоскость информатики. Сетевая структура стала центральным понятием в работах М. Кастельса, который проанализировал современные средства коммуникации и выделил «сетевые» структуры как атрибут глобализирующегося общества. Понятие «сетевая структура», а также «сетевая культура» легли в основу теории М. Кастельса, отмечающего, что «...Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации»¹⁹⁰. По мнению ученого, социальные сети, прежде всего, это канал коммуникации, через который распространяется основной ресурс современного общества – информация. По мнению М. Кастельса, «сетевая» логика видоизменяет не только процессы в области труда и производства, но и влияет на другие сферы социального поведения (в повседневной жизни, культуре и сфере взаимодействия власти и общества).¹⁹¹ Соответственно, соцсети не являются изобретением информационного общества, об их существовании было известно задолго до появления интернет-сетей, ведь они являются достаточно старой формой человеческой деятельности; однако в современном социуме именно сетевая организация оказывается наиболее эффективной и целесообразной, а общество в целом становится «сетевым». В работах ученого впервые дается теоретическое обоснование наличия сетевой логики в социальных процессах и явлениях.

В целом, виртуализация общества связана с тем, что симулякры становятся реальностью для современного цифрового общества; социальные сети и

¹⁸⁹ Haythornthwaite C. The Internet in everyday life. An introduction / C. Haythornthwaite, B. Wellman. – Blackwell Publishing, 2002. – 588 p.

¹⁹⁰ Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М. : Academia, 1999. – С. 494– 505.

¹⁹¹ Там же.

интернет – это фактически та область, которая способствует формированию симулякров, потому что они не являются сами по себе заменой реальной действительности, а формируют так называемую символическую реальность (реальность в области символов). Коммуникация и контакт в такой реальности могут быть неверно интерпретированы, поскольку, в отличие от реальности, в соцсети гораздо труднее отделить правдивую информацию от чьей-либо интерпретации. Символы, которые сформированы другими пользователями или лидерами мнений, заставляют пользователей, которые воспринимают информацию, верить символам, которые им предложены. В этой плоскости понятен механизм «фейковых» заявлений, которые могут распространяться лидерами общественного мнения посредством соцсетей и отражать близкие для аудитории представления: посредством их одобрения аудиторией, автор заявления получает доверие и дополнительное признание реципиентов информации. Таким образом, лидер общественного мнения, транслирующий подобные заявления, становится виртуальным и даже во многом «симулякратическим» лидером, поскольку его ведущий потенциал, кроме этого заявления, никак не может раскрываться в рамках данной соцсети. Исходя из указанного, виртуальность такого лидера проявляется и в ограниченной возможности узнать этого лидера ближе в каких-то реальных делах, а не в его виртуальных заявлениях.

Поскольку человек всегда реагирует на значимые для него события, в глобальной сети Интернет, включая социальные сети, на постоянной основе используются технологии, способные привлечь внимание аудитории к определенной проблеме, с целью повысить обеспокоенность происходящим и вызвать немедленную реакцию респондентов. Это становится фактором возникновения более вовлеченных форм участия общества в политической жизни страны, распространения различного рода идей и способов решения социальных, политических, экономических и жизненных проблем. Кроме того, ресурсы глобальной сети Интернет, включая соцсети, активно используются как платформа для осуществления всякого рода манипуляций и психологического

воздействия на отдельных пользователей, группы и различные сетевые сообщества.

Такой механизм имеет большое влияние на социальные, культурные, экономические и политические отношения социума. Особую роль воздействие на общественное сознание с использованием глобальной сети Интернет, включая соцсети, имеет в контексте создания условий для проведения изменений в общественном сознании благодаря распространению позиции единомышленников. В результате, опираясь на совокупность своих взглядов, они влияют на информационное пространство, в том числе деструктивными способами, провоцируя широкий общественный резонанс и вызывая разного рода действия, которые могут привести к непредсказуемым последствиям.

Именно на основании этого традиционные медиа, а также ресурсы глобальной сети Интернет, включая соцсети, должны рассматриваться как источники формирования вызовов национальной безопасности, которые, при определенных условиях, приводят к социально-политической нестабильности, подрыву государственной безопасности и обороноспособности страны, что особенно актуально для транзитивных обществ.

Так, сегодня в мире насчитывается более 2 млрд. пользователей сети Интернет. Более 80% из них охватывают социальные сети. Таким образом, онлайн среда, пользователи которой стали не только потребителями, но и активными творцами новой информации, существенно изменила принципы взаимодействия как отдельных личностей, так и целых сообществ. За последнее время в некоторых странах (Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Беларусь, Россия) социальные сети повлияли (или пытались повлиять) на состояние государственных дел, правящие элиты и саму гражданскую сознательность населения.

Рост влияния соцсетей на структурные единицы общества все чаще заметен в темах, связанных с ситуациями гражданского неповиновения. Проведение и координирование протестных акций в глобальной сети Интернет имеет множество преимуществ и возможностей. Соцсети предоставляют

инструментарий передачи информации в условиях ограниченности официальной информации, дают возможность координировать свои действия в мессенджерах или на специальных форумах; кроме того, социальные сети дают возможность «вербовать» новых участников протестного движения или собирать вокруг себя сочувствующих. Интернет-каналы и соцсети в последние годы стали основным источником глубинной информации о различных протестах, поскольку в них нет временных, цензурных, технических и других барьеров для выражения своего мнения и донесения информации.

Кроме того, интернет и соцсети представляют собой эффективное средство для сбора финансовых ресурсов во время протестных кампаний, а также выступают средством информирования для невовлеченной аудитории – на глазах у сторонних лиц готовятся материалы и агитационные сообщения, а протестующие могут объяснять, в чем заключается причина их недовольства. Очевидно, что именно в глобальной сети Интернет координируются акции протеста по всему миру, ведь коммуникативные интернет-ресурсы стали не только средой для обсуждения и формирования протестных настроений, но и мощным инструментом для эффективного управления и краудсорсинга в случаях возникновения острых конфликтных явлений.

Соответственно, на нынешнем этапе глобальная сеть Интернет, а в особенности соцсети, становятся определенным фактором развертывания процессов, приводящих к изменению политических систем (примером могут быть протестные движения в Венесуэле, Гонконге и арабских странах во время «Арабской весны»). Так, на примере влияния социальных сетей на протесты в Гонконге можно детально отследить, как через интернет-ресурсы мобилизовались люди на политическую акцию. Конечно, развертыванию протестных движений предшествовал ряд упомянутых в предыдущих частях настоящего исследования проблем, которые происходили в странах. Но из-за накопления недовольства общества, а также информации о ситуации, которая наличествовала до активного применения средств пропаганды, своеобразным местом выражения протеста стали именно социальные сети. Они выступили

динамичной платформой, где формировалось и распространялось концентрированное недовольство действиями акторов внешней и внутренней политики стран. А отдельные заинтересованные пользователи сети, внедряли позицию об их (внешней и внутренней политике стран) течении в сознание масс, благодаря чему у определенного количества людей формировалось устойчивая уверенность в неправильности политического курса и некорректности осуществления политических процессов, а также возникала вложенная пропагандистами идея о необходимости перемен.

Примером может служить «Арабская весна», где причиной к возникновению протестного движения стало недовольство политикой диктаторов в арабских странах, а толчком для возникновения острой фазы недовольства послужило самосожжение тунисского уличного торговца фруктами Мухаммеда Буазизи в знак протеста против произвола полиции, которая конфисковала его товар.¹⁹² Этот поступок возмутил людей, и они начали обсуждать это событие в социальных сетях, уверяясь в некорректности того, как полиция повела себя во время этого инцидента, благодаря чему общество объединилось против произвола полиции, а многие вышли на улицы, чтобы продемонстрировать несогласие с позицией полиции и властей.

Похожая ситуация сложилась в Венесуэле, где массовые акции и демонстрации, начавшиеся со студенческих протестов, переросли в полномасштабную протестную акцию с привлечением широких слоев населения. Студенты жаловались на недостаточные меры безопасности в университетских кампусах, а также протестовали против экономического кризиса, вызванного, как они считали, политикой правительства.¹⁹³ В своих обращениях в социальных сетях оппозиционная элита Венесуэлы пыталась сосредоточить внимание граждан на протесте, тогда как власть, наоборот,

¹⁹² Worth, R. How a Single Match Can Ignite a Revolution / R. Worth // New York Times. – 21.01.2011. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/01/23/weekinreview/23worth.html> (accessed: 04.04.2025).

¹⁹³ На подавление протестов в Венесуэле бросят десантников // Lenta.Ru. – 22.02.2014. – URL: <https://lenta.ru/news/2014/02/21/paratroopers> (дата обращения: 31.03.2025).

отвлекала внимание. С развитием протеста оппозиционная элита увеличивала количество тем для привлечения внимания, в то время как представители власти – наоборот. Это свидетельствует о том, что политики активно и стратегически использовали социальные медиа для публичной коммуникации и влияния на сознание граждан; то есть, они уменьшали количество обсуждений тех тем, которые могли бы дестабилизировать страну. Но для протестных групп и оппозиции социальная сеть выступила как средство выражения своего недовольства, что и привело к выходу настроенного пропагандой населения на улицу.

Аналогичная ситуация с использованием ресурсов сети Интернет, включая соцсети, как властью, так и недовольными гражданами, но с другими причинами протестов, сложилась в Гонконге. Очень острую реакцию в соцсетях вызывали и периодические попытки КНР реорганизовать статус Гонконга как САР и с упомянутые ранее попытки КНР внедрить на законодательном уровне практику экстрадиции граждан Гонконга на материковую часть Китая.

Принятие законопроекта означало бы, что центральная власть КНР наделяется полным правом проводить экстрадиции жителей Гонконга, которые даже не имеют паспортов граждан Китая, если они подозреваются в совершении преступления. Демонстранты же сочли, что даже если жители Гонконга не совершат какого-либо преступления, китайские правоохранительные органы смогут применять меры принуждения к ним. Это в свою очередь привело бы к тому, что де-факто правовая система Гонконга была бы подчинена власти Коммунистической партии Китая.

Аргументом против принятия законопроекта об экстрадиции послужило и то, что Гонконг в качестве английской колонии до 1997 г. руководствовался системой общего права. Содержание этой системы права составляют не многочисленные писанные законы, а судебные прецеденты, наряду с которыми существуют единичные кодифицированные нормы права, а потому такой законопроект не мог гармонизировать правовые традиции Гонконга. Очевидно, что население Гонконга имело опасения относительно уместности предлагаемых

в законопроекте мер, поскольку Сянган и Китай имеют различные человеческие и правовые ценности. The Economist по этому поводу отмечал, что: «В Китае верховенство закона стоит ниже, чем власть партии»¹⁹⁴, и поэтому все политики, бизнесмены, а зачастую — и простые жители оказываются под риском экстрадиции, в связи с чем могут потерять все, что имеют. Эти опасения усиливались тем, что в Гонконге, который занимает 4 место в мире среди всех фондовых рынков, международные компании чувствуют себя в разы более защищенными, чем на материке. Соответственно, представители бизнеса были обеспокоены репутационными убытками и снижением инвестиционной привлекательности в случае принятия такого закона, что повлекло широкую протестную реакцию в сети Интернет в целом и соцсетях в частности.

Кроме того, достаточно выразительна роль соцсетей в реагировании на социальное напряжение и актуализацию протестов в Гонконге в ситуации с межрегиональным и международным сотрудничеством Гонконга.

Например, 13 февраля 2019 г. правительство Гонконга объявило, что намерено пересмотреть действующий режим сотрудничества с иностранными партнерами по вопросам юридической помощи по уголовным делам, в связи с чем рассматривает возможность внести изменения в Постановление о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Представителей общественности попросили высказать любые мысли по этому вопросу в течение трех недель. Это был необычайно короткий консультационный период по сравнению, например, с трехмесячной публичной консультацией, начатой в апреле 2019 г., относительно проблем повышения благосостояния животных: в числе прочих обстоятельств, это указывало на показательно низкую значимость столь существенного для правового статуса САР вопроса.

С учетом имеющихся ранее разногласий между правительством и активным населением Гонконга, уже в июне 2019 г. протесты оппозиции против

¹⁹⁴ The rule of law in Hong Kong // The Economist. – 13.07.2019. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/06/13/the-rule-of-law-in-hong-kong> (accessed: 19.02.2025).

решений правительства достигли одной из самых горячих точек. Протесты, начинавшиеся в форме требования полностью отменить закон об экстрадиции, предложенный офисом К. Лам, превратились в массовое движение с призывами к полной демократизации, справедливости и политическому представительству, ориентированному на «пять требований». После семи месяцев демонстраций, как мирных, так и насильственных, количество организованных акций протеста сократилось, в значительной степени из-за вспышки COVID-19. Несмотря на то, что правительство отказалось от законопроекта, две стороны конфликта не шли на новые уступки и компромисс. Гибель Чоу Цз-Лока в ноябре того же года, вызванная его падением с автостоянки во время демонстрации, породила подозрения, что полиция совершает противозаконные действия, что привело к новой волне напряженности в городе.

Протестное движение Гонконга характеризуется отсутствием одного или нескольких лидеров, поэтому может показаться, что движение является анархическим – без реальной сплоченности и организации. Однако здесь на первый план выходит именно координация деятельности протестующих через соцсети, благодаря чему отсутствие яркого предводителя – не признак хаотичности и анархичности, а результат применения современных технологий пропаганды с воздействием на массы через соцсети и иные интернет-ресурсы. К примеру, после полного блокирования кампуса Политехнического университета Гонконга и эвакуации администрации университета, протестующие взяли на себя инициативу по управлению университетом: некоторые заведовали кухней, чтобы прокормить сотни протестующих, а другие отвечали за управление общежитиями или студентами, эвакуировавшимися из кампуса; некоторые протестующие даже превратили похищенный фургон в карету скорой помощи. Кроме того, были введены должности ответственных за охрану труда и безопасности, а также изготовление «коктейлей Молотова». Таким образом, протестующие действовали в горизонтальном обществе, которое требовало механизма принятия решений, координируемого не сверху, а на одном уровне.

Аналогично организация протестов и координация с использованием соцсетей происходила в ходе протестов против ограничения политических прав жителей Гонконга в 2019 г. Так, в случаях, когда митингующие претендуют на большую свободу и демократизацию, закономерной становится и их попытка принимать решения относительно судьбы протестного движения с использованием системы голосования, проведенного на базе интернет-сообщества в соцсетях. Например, 22 августа 2019 г., после травмирования глаз протестующей жительницы Гонконга снарядом, который имеется в полицейской экипировке, протестующие после обсуждения происшествия на интернет-форуме, прежде чем решить провести четырехдневный сидячую забастовку в международном аэропорту Гонконга¹⁹⁵, с использованием интернет-технологий провели голосование о целесообразности такого протеста.

Этот способ функционирования сообщества протестующих соотносится с упомянутой гонконгской Революцией зонтиков 2014 г.: события, происходящие в связи с нарастанием массового недовольства политикой КНР и прокитайски настроенного населения Гонконга, заставили молодого активиста Джошуа Вонга взять лидерство в свои руки. Во время последней волны протестов ни один из членов протестного движения не претендовал на позицию лидера, и именно социальные медиа сыграли решающую роль в развитии протестов и их координации. С одной стороны, они позволили выстроить определенную организацию процесса без жесткой иерархии; с другой – благодаря своей специфике, соцсети выступили как пространство для обмена информацией о происходящих событиях, а также для обмена мнениями с разных точек зрения. В ходе событий вокруг Политехнического университета Гонконга, протестующие информировали друг друга через социальные сети об особенностях происходящего, а потому всегда имели доступ к информации о столкновениях с полицией или безопасности общежитий.

¹⁹⁵ Banjo, S. How Hong Kong's Leaderless Protest Army Gets Things Done Fake / S. Banjo, N. Lung, A. Lee // Bloomberg. – 22.08.2019. – URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2019-hong-kong-airport-protests> (accessed: 19.01.2025).

Таким образом, социальные медиа также стали для протестующих альтернативой традиционным СМИ, поскольку их применение благодаря динамичности информационного обмена позволяет не только получать информацию о событиях, но и актуализировать ее, воздействовать на распространение необходимых сведений и координировать действия на основании полученных данных. Помимо указанного, соцсети применяются и для регулярного воздействия на ощущения и сознание лиц, следящих за ходом борьбы. Протестующие нередко использовали журналистские приемы для популяризации своих мыслей и обмена информацией о движении, в том числе и посредством противопоставления интернет-медиа и традиционных СМИ, которые постепенно стали восприниматься как ориентированные на интересы правительства. Яркий пример – учетная запись в Instagram (деятельность организации запрещена на территории РФ*) «@peoplevsbeijing», с использованием которой публиковались мини-доклады из десяти фотографий, например, на тему солидарности тибетцев или литовцев с гонконгским движением.

В исследуемом вопросе интересен и другой факт – эффективность протестного движения, вызванная горизонтальной структурой и удачным использованием соцсетей, заставила китайское правительство дополнить традиционные «полицейские» методы воздействия информационными. Штурм полицией Политехнического университета Гонконга сопровождался пропагандистскими кампаниями в официальных социальных сетях и в СМИ. Студенческие кампусы в проправительственных СМИ называли «фабриками оружия» и «убежищами для преступников»¹⁹⁶. Протесты, связанные с захватом университета, вызвали приостановление всего учебного процесса в Гонконге, притом, не только в Политехническом университете Гонконга (были закрыты

¹⁹⁶ Chauncey Jung China's Changing PR Strategy for the Hong Kong Protests // The Diplomat – 23.11.2019. – URL: <https://thediplomat.com/2019/11/chinas-changing-pr-strategy-for-the-hong-kong-protests/> (accessed: 11.02.2025).

даже школы и учебные заведения среднего уровня аккредитации). В целях поддержания пострадавших от протестов, общежития в Шэньчжэне посредством соцсетей предлагали бесплатное убежище студентам, которые учились в Гонконге.¹⁹⁷ Студент по фамилии Конг, ставший в исследуемый период своеобразным рупором правительства, в своем интервью для «Beijing News» жаловался на то, что люди надевают черные рубашки и закрывают лицо, выставляют блокпосты и разрушают кампус, в связи с чем разрушается жизнь обычных студентов и людей.¹⁹⁸

На вмешательство государства в медийную среду активно реагировали Google, Facebook и Twitter (деятельность данных организаций запрещена на территории РФ*). Так, поисковый гигант Google заявил, что отключил 210 каналов YouTube, которые «согласованно» загружали видео, связанные с гонконгскими протестами. Впоследствии неоднократно было доказано, что авторы этих каналов распространяли фейковые сведения и ложные показания о событиях в Гонконге. В свою очередь, администрация Twitter (деятельность организации запрещена на территории РФ*) раскрыла более 900 учетных записей, происходящих из КНР, которые «намеренно и специально пытались посеять политический раздор в Гонконге», – говорится в сообщении компании.¹⁹⁹ Кроме того, была обнаружена сеть из 200 тысяч учетных записей, которые использовались для проведения широкомасштабных действий по рассылке спама относительно гонконгских событий. Подобные провокационные действия побудили Twitter (деятельность организации запрещена на территории РФ*) объявить, что компания не будет принимать рекламные средства от любых

¹⁹⁷ Qingqing, L. Shenzhen offers free accommodation for students fleeing HK riots / L. Qingqing, C. Qingqing // Global Times. – 13.11.2019. – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1169871.shtml> (accessed: 19.01.2025).

¹⁹⁸ Там же

¹⁹⁹ Stewart, E. How China used Facebook, Twitter, and YouTube to spread disinformation about the Hong Kong protests / E. Stewart // Vox. – 23.08.2019. – URL: <https://www.vox.com/recode/2019/8/20/20813660/china-facebook-twitter-hong-kong-protests-social-media> (accessed: 12.04.2025).

субъектов СМИ, контролируемых государством. Эта обновленная политика не применяется к субъектам, финансируемым налогоплательщиками, и независимым государственным вещателям.²⁰⁰

Попытки Китая распространить дезинформацию, направленные на подрыв поддержки гонконгских протестов как снаружи, так и внутри КНР, являются следствием ведения информационной войны с оппозицией и западными СМИ, также выражающими одностороннюю позицию по данному вопросу.

Преследуя цель пропаганды собственной правоты и привлечения сторонников, обе стороны противостояния активизировали онлайн-усилия, чтобы выиграть битву за общественное мнение. Многочисленные информационные сообщения в поддержку или же против протестного движения имели приблизительно одинаковую силу. Но есть данные, что сторонники протестного движения иногда выходили за рамки цифрового активизма и также переходили в область дезинформации. В то же время, ситуация несколько отличалась от того, как действовало китайское правительство: сторонники протестов в некотором количестве случаев не преследовали целью намеренно ввести в заблуждение или манипулировать, а распространяли непроверенную информацию. Например, один из сторонников протеста опубликовал «фейковые» фотографии с изображением Керри Лэм, которая использует мобильное устройство во время интронизации японского императора Нарухито, а это — знак неуважения. В течение нескольких часов публикацию распространили тысячи раз, в том числе известная активистка Агнес Чоу и местный информационный бюллетень Apple Daily. Оказалось, что изображение было сделано еще до начала события, о чем утверждается в сообщении проекта проверки фактов Центра журналистики и медиа исследований Гонконгского

²⁰⁰ Там же.

университета.²⁰¹ Это показывает, что многие сторонники протестов могут распространять фейковые не подозревая об этом.

Также стоит вспомнить множественное продвижение фейков и поддержку лишь одной точки зрения в западных СМИ.

В заключение следует отметить, что ключевой особенностью рассмотренных протестов с активным использованием соцсетей для пропаганды и координации управления политическими процессами является то, что участники массовых мероприятий – преимущественно молодые люди (около 70% митинговавших): они являются или ровесниками даты передачи Гонконга Китаю, или же вообще родились после 1 июля 1997 г. Так, именно молодежь наиболее активно выступала против законопроекта об экстрадиции, потому что, как писал журнал «The Economist»: «Они слишком молоды, чтобы ностальгировать по прежнему британскому правлению»²⁰². В глазах молодых протестантов Глава исполнительной власти Гонконга К. Лам словно «продает» свой регион Пекину, ведь у жителей САР есть все необходимое: уровень жизни, который значительно выше, чем в материковом Китае; обеспечение всех необходимых прав; низкий уровень безработицы, поскольку больше тысячи международных компаний выбрало местом штаб-квартир не Пекин, а именно Гонконг; отсутствует цензура и функционируют все глобальные социальные сети. Жители Гонконга пользуются большим количеством привилегий: иная правовая система, валюта (гонконгский доллар). Они также дорожат культурой, языковыми особенностями и обособленными ценностями. Именно за свою уникальность и обособленность от Китая боролся Гонконг.

Кроме того, в качестве деструктивного аспекта настроений гонконгцев следует отметить и то, что протестующие обвиняют в сложившейся

²⁰¹ Fake news is stoking violence and anger in Hong Kong's continuing protests // The Japan Times. – 12.10.2019. – URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/11/12/asia-pacific/politics-diplomacy-asia-pacific/fake-news-violence-hong-kong-protests/> (accessed: 09.04.2025).

²⁰² The rule of law in Hong Kong // The Economist. – 13.07.2019. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/06/13/the-rule-of-law-in-hong-kong> (accessed: 19.02.2025).

политической ситуации и проистекающих процессах не только пытающийся довести Китай, но и поддерживающую массовые выступления Великобританию, которая не выразила поддержку оппозиции в Гонконге сразу и не повлияла на официальный Пекин в целях немедленной отмены законопроекта.

Фактически предпосылки происходящих в Гонконге процессов связаны с преобладающим среди населения недовольством действиями КНР, поскольку Китай, по их мнению, не выполняет свои обязательства, что достаточно гипертрофированно демонстрируется и на улицах, и в социальных сетях, способствуя деструктивности политических процессов. В то же время, несмотря на обособленность правовой и политической систем Гонконга в связи с восприятием ими западных демократических традиций, важно понимать, что Гонконг не является идеалом демократии в Азии или во всем мире. Колония – это все же не полноценная часть государства, а территория, которая только перенимала традиции и культуру. Соответственно, существует воплощенная в гонконгской системе взаимозависимость демократических принципов, перенятых от Великобритании, и меритократических устоев, традиционно существующих с доколониальных времен. Именно поэтому острый симбиоз предпочтений и противоречий вызвал столь длительные протесты, начавшие развиваться вследствие одного повода, а на самом деле касающиеся ряда глобальных проблем. Эти протесты, стали более масштабными, чем «Революция зонтиков» в 2014 г.

Выводы по параграфу 3.3: Говоря о глобальной интернетизации как способе воздействия на политические процессы, на примере протестного движения в Гонконге, целесообразным представляется сделать вывод о том, что интернет-ресурсы, и в особенности – соцсети, становятся инструментом прямой демократии, однако и выступают средством активизации деструктивных общественных изменений, играя определяющую роль в массовых акциях неповиновения. Это связано с тем, что соцсети стали основным каналом коммуникации для протестующих в ситуации цензуры и ограниченности доступа к традиционным СМИ. В сети Интернет информация может

передаваться крайне быстро, не требует проверки, что позволяет создавать дезинформацию. Соцсети дают возможность привлечения внимания для организации стихийных протестов, а также координации мелких акций, распределения должностей, как это было показано на примере захвата Политехнического университета Гонконга. Акции в сети Интернет обретают большую популярность благодаря тому, что политически не активные представители населения реагируют на яркие инфоповоды и тем самым увеличивают огласку благодаря алгоритмам соцсетей.

Нужно отдельно отметить, что успех протестующих в использовании соцсетей заставил и государство активизировать свои усилия в информационном воздействии, отчасти перенеся противостояние в цифровую среду. Охват и проникновение соцсетей стали факторами, которые заставляют любую сторону противостояния увеличивать свое присутствие в сети Интернет и бороться за поддержку сторонних пользователей.

Исходя из указанного, можно констатировать, что соцсети как средство глобальной интернетизации будут получать все новые функции и способы применения, особенно в ситуациях социального напряжения.

Выводы по главе 3: Хотя демократизация Гонконга является первопричиной противостояния западной демократии и восточной меритократии, вылившегося в протестные движения, концепт «одна страна – две системы» мог предотвратить эти события. Несовершенство последнего привело к невозможности сосуществования двух политических систем без изменений в одной из них.

В Гонконге имеются «неформальные подрывные институты гонконгского типа», представляющие собой объединения журналистов, студентов высших учебных заведений. Именно они ответственны организацию протестов и использование тактики «цветных революций», поскольку все это позволяет нелегитимными методами повлиять на политические процессы и добиться желаемого. Стратегия «неформальных подрывных институтов гонконгского типа» заключается в полном захвате протестующими рычагов управления

регионом, либо легитимизации своей власти при помощи влияния на население, полученного в ходе противостояния с правительством.

Глобальная интернетизация принесла множество способов повлиять на общественное мнение, возможности для создания и координации масштабных протестов, чем пользуются неформальные подрывные институты. Отсутствие цензуры, скорость коммуникации и возможность публиковать непроверенную информацию позволяет создавать фейковые новости и инфоповоды. Соцсети усиливают протесты, поскольку даже не готовые выйти на улицы граждане массово реагируют на яркие заголовки, и благодаря алгоритмам работы сетей данный контент показывается все большему количеству людей.

На примере гонконгского сценария видно, как проправительственные силы запустили ответные акции, используя те же инструменты, что и их оппоненты. Отдельно стоит отметить, что глобальная интернетизация поддерживает связь Гонконга и его граждан с внешним миром. А благодаря высокому проценту говорящих на английском языке в САР, позволяет западным странам осуществлять информационную поддержку протестов.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, целесообразным представляется обозначить следующие основополагающие выводы по его результатам:

1. Конституирование теоретического образа феномена «сфера общественной жизни» как поля для реализации политического процесса началось в Древнем Китае (X-VIII в. до н.э.), где зародилась идея под авторством Лао Цзы (VII в. до н.э.), базирующаяся на понимании человека как целостной сферы. В дальнейшем в рамках существования политической мысли в Древней Греции и Древнем Риме, политическая сфера в общих чертах была отграничена, а также определены регуляторы ее жизнедеятельности – «этос» (обычай, правило, порядок) у эллинов и «право» (норма, закон, канон) у римлян: именно на их основе базировалось формирование и протекание политического процесса в условиях традиционной жизни общества. Политические мыслители эпох Реформации и Ренессанса отделили политическую сферу от других сфер человеческого бытия и близко подошли к определению структуры политической сферы, а теоретики и праксеологи Средневековья пытались отделить политическую сферу от других локусов человеческого бытия. В Новые времена развития Европы А. Смит четко разграничил сферы экономики и политики, а М. Вебер предложил весомые коррективы в понимание фундаментальной проблемы взаимосвязи между экономикой и политикой в рамках базового процесса общественного развития в контексте функционирования политических акторов. В трудах классиков конца XIX ст. была предложена приближенная к современному пониманию идея четырехсферной структуры общества в зачаточной форме, а именно: (1) материальная сфера, (2) сфера «производства общественных отношений», (3) сфера «духовного производства» и (4) сфера «производства самого человека».

Для данной работы ключевым является исследование не столько политической сферы в общем, сколько пространственного поля, в рамках

которого осуществляют свою жизнедеятельность люди и институты. Для выделения пространственного поля физического бытия и обыденно-практической жизнедеятельности человека сформулировано понятие локуса логичности, под которым предложено понимать взаимосвязь (1) сферы общественной жизни и (2) отрасли жизнедеятельности человека. Локус логичности позволяет описать структуру локус-логичного бытия человека, подразделяя его на (1) геосоциополитическую плоскость обитания, (2) общественный уровень, (3) отрасль непосредственной жизнедеятельности. Введение данного термина позволило исследовать пространственное поле и действия в нем как отдельных личностей, к примеру, Джошуа Вонга, так и формальных, неформальных политических институтов, таких как партия «Демосисто».

Локус логичности может в будущем быть использован как инструмент для структуризации и анализа сферы общественной жизни и отрасли жизнедеятельности отдельных людей, а также политических институтов, к примеру, при исследовании «неформальных подрывных институтов Гонконгского типа».

2. Современный период характеризуется многообразием подходов к изучению политической сферы транзитивного общества. Таким обществам присущи нестабильность их основных сфер (прежде всего, политической, экономической и духовной), состояние кризиса, раскол элит, их склонность к корпоратизации и олигархизации, переходный тип политической культуры, ее фрагментарность как хаотическое сочетание старых и новых ценностей, высокая конфликтность, часто выражающаяся протестными движениями и бунтами, способными привести к «цветной революции». Транзитивные общества, включенные в состав других государств как автономии, примером чего является Гонконг, могут иметь свою политическую систему и политическую сферу. Признаками транзитивных обществ являются:

1) балансирование между демократией и традиционным для региона способом функционирования политической системы;

- 2) доминирование в политической сфере патронажной политики олигархических партийных союзов;
- 3) признаки гибридности в экономической сфере, когда рыночная конкуренция тормозится монополизацией рынков и средств производства;
- 4) истощение производственных и экономических ресурсов в условиях слабой легитимности частной собственности, в особенности в рамках противостояния между сильным государственно-властным центром и ограниченными в ресурсах автономиями или иными квазигосударственными образованиями.

Гонконг является транзитивным обществом, подходя под его критерии. Но, в отличие от большинства транзитивных обществ последних десятилетий, представленных преимущественно странами, переходящими к демократии, Гонконг сначала подвергся демократизации, а после стал САР внутри КНР, которая стремится усилить свой контроль над автономией и распространяет свою систему – восточную меритократию.

Демократизация Гонконга также примечательна как средство ведения гибридной войны. Она превратила его в нестабильное транзитивное общество, как это бывает при «цветных революциях», однако в данном случае это не наступательный, а оборонительный инструмент. Планомерное создание политических институтов, введение гражданских свобод, укрепление гонконгской идентичности как оппозиции материковому самосознанию не схожи с внезапными протестами, приводящими к смене власти и мгновенной демократизации. Но они заложили бомбу под будущее стабильное существование Гонконга в составе КНР. А когда пришло время, и материковый Китай начал предпринимать попытки влияния на САР, она сдетонировала, вызвав протестные акции, использовавшие тактики цветных революций, блокировавшие принятие решений и укрепившие позиции демократического лагеря.

Таким образом, политический процесс в Гонконге на современном этапе был предопределен его демократизацией, проведенной Великобританией в

последние десятилетия XX в. Исходя из этого также следует заключить, что демократизация может быть использована как инструмент ведения гибридной войны с целью сохранения влияния на регион после окончания срока аренды территории.

3. Политические ценности следует рассматривать как наиболее объективированные, надличностные, общественно-политические феномены, воплощенные в идеях, идеалах, нормах и потребностях, которые царят в сфере политики, имеют амбивалентный характер и приобретают соответствующий конструктивный или деструктивный потенциал в зависимости от моральных норм их носителя и средств воплощения, на основе которых осуществляется и приобретает значение политическая жизнь общества. В этом смысле постмодернистские политические ценности следует считать максимально объективированными до уровня национальных (как особой сферы духовного бытия нации), общечеловеческих, универсальных ценностей.

В указанном контексте, локус логичности политической сферы касательно политических ценностей будет выстраиваться согласно такой структуре: самым крупным элементом в структуре локус-логичного существования политических ценностей человека будет выступать геосоциополитическая плоскость его обитания и присущие ей ценности: общемировые политические ценности (благо жизни человека, справедливость и др.) → политические ценности, присущие государствам и обществам в контексте их цивилизационного развития (западное и восточное общества) → политические ценности, присущие государству, региону и их обществам.

Система ценностей, присущая западной цивилизации, оказалась наиболее жизнеспособной в контексте цивилизационного развития государств Европы, Америки, а также отдельных прозападных государств, наиболее ярко воплощаясь в политических ценностях и идеалах Западной Европы, включая Евросоюз и Великобританию. Исторические и социальные предпосылки сделали страны Западной Европы и Северной Америки первопроходцами в закреплении

политических идей и идеалов, направленных на гарантирование прав и свобод человека и гражданина, а также демократизацию общественного развития.

Под западными демократическими ценностями можно понимать совокупность и/или систему аксиологических максим, основных принципов развития семьи, общества и государства, политико-экономических, культурных, правовых и других норм, объединяющих в основном жителей Европы и составляющих основу их идентичности. Базовыми принципами европейских ценностей постулируются демократизм, индивидуализм, соблюдение прав и свобод человека, признание достоинства и равенства каждого по праву рождения, необходимости гуманности и поддержания порядка на основе закона, создание общества консенсуса, плюрализм и развитая партийная система, продвижение гражданского общества. Приоритетной для европейских ценностей является рыночная экономика. На примере Гонконга мы видим, что хотя европейские ценности постулируются как превосходящие демократизм и верховенство права, равенство и создание общества консенсуса, когда интересам продемократических элит начинает угрожать опасность, их представители пользуются нелегитимными методами. Это позволяет активному меньшинству протестующих реализовать свои взгляды на развитие общества, что лишает последнее консенсуса и очевидно нарушает принципы демократизма.

Во второй половине XX в. руководство Соединённого Королевства инициировало процесс демократизации Гонконга. Была установлена британская система образования, развитая инфраструктура, введена финансовая система по европейскому образцу. После формирования политических институтов западного образца в Гонконге образовался политический плюрализм. Стимулирование рыночной экономики укрепило её позиции, сделало население и бизнес зависимым от неё. Свободный рынок также стал важен для обширных торговых связей города, имеющего статус порто-франко. И наконец, во время возвращения Гонконга КНР усилиями Великобритании был создан принцип «одна страна – две системы», предоставивший защиту демократической

политической системе, рыночной экономике, а следовательно, и западным ценностям на территории САР.

Меритократия представляет собой концепцию или систему социальных отношений, принципов управления, которая определяет власть, осуществляемую людьми, отличающимися своими способностями, достижениями, профессиональной компетентностью, а не социальным происхождением или приписываемым статусом, основой эффективного развития общества.

В качестве политической ценности меритократия базируется на обеспечении всем гражданам равных стартовых возможностей и достойной жизни на основе собственных знаний, умений и способностей. Так, в ракурсе управленческой деятельности, меритократия зиждется на том, что все претенденты на государственно-властные должности проходят обязательную жесткую систему экзаменов, конкурсов и отборов, прежде чем получают право стать государственным служащим.

В Китае меритократия берет своё начало из конфуцианской философии. Идея «Благородного мужа», служащего на благо Родины, является ключевым понятием этого восточного учения. Данный идеал представляет собой человека, получившего образование и следующего моральным принципам. Именно «Благородный муж», чиновник, а не воин, является тем, кому можно доверить управление государством. Указанное выше идет вразрез с идеями демократии, согласно которым каждый человек имеет право повлиять на решения, принимаемые обществом.

Восточная меритократия, как способ формирования власти, противопоставляющийся демократии, идейно опирается на незападные ценности, представляющие собой обобщенные национальные ценности регионов Восточной Азии и Персидского залива.

Незападные ценности видят в государстве патерналистскую социальную функцию, к тому же государство как «отец» является не мягким защитником, а строгим и требовательным, который в духе конфуцианства требует от «детей» (граждан) уважения, ответственности и послушания. Важное место в таком

подходе занимают коллективные ценности, которые проявляются в преданности индивида семье, сообществу, государству. Определяющими для этих ценностей можно назвать верховенство закона, уважение к индивиду, соблюдение прав и свобод личности, но с преобладанием коллективного над индивидуальным.

Конфуцианские культурные факторы, такие как сильное лидерство, тенденция быть экономными, сдержанными, старательными в учебе, иметь конструктивную межличностную коммуникацию, сотрудничество и трудолюбие стали основой системы азиатских ценностей. Представленные странами Восточной Азии и Южной Азии (в частности Китаем, Японией, Сингапуром, Южной Кореей), они опровергли тезис вестернизации как унифицированного способа модернизации благодаря подражанию политическому и экономическому достоянию западной цивилизации.

Исламские же ценности, распространенные в странах Персидского залива и дополненные достижениями западной цивилизации, позволили этому региону достичь быстрого развития. В качестве альтернативы западной аксиологической системе все чаще начали выделяться: поддержка монаршего строя, традиционные арабские ценности и глубоко укорененная религиозность. Отсутствие европейской секуляризации в истории народов Персидского залива создало ситуацию, в которой ценности этих стран не противоречат закону светскому, ведь последний базируется на религиозном.

4. Следствием демократизации Гонконга Великобританией стало распространение западных идей и ценностей. В геополитическом смысле это позволило сохранить влияние на регион и защитить его от распространения в нем восточной меритократии. Гонконг стал очагом инакомыслия в Китае, что порождало опасения правительства КНР, стремящегося поддерживать целостность страны.

Концепт «одна страна – две системы», являющийся основополагающим для существования политической системы Гонконга, был призван обеспечить сосуществование материкового Китая и САР, оставив, как следует из названия, две различные системы политического и экономического устройства в рамках

одного государства. Идея «Гонконгом управляют сами гонконгцы в условиях высокой степени автономии» позволила Гонконгу реализовывать собственную законодательную, исполнительную и судебную власть. Согласно концепту, социалистические идеи не должны были распространяться на территории САР. Гонконг получил возможность иметь собственную систему правосудия и право на окончательное судебное решение. Большинство законов КНР не действуют на территории САР до введения ПК ВСНП военного положения на территории региона. Английский закреплен как второй государственный язык в Гонконге.

Но недостатки концепта «одна страна – две системы» сделали неизбежным противостояние западной демократии и восточной меритократии на территории Гонконга. К ним относится то, что ВСНП имеет возможность вносить на рассмотрение в парламент законопроекты, не касающиеся сфер, в которых материковые законы преобладают над местными. Таким образом, при поддержке лояльных партий в Гонконге, КНР пытается усилить свой контроль над регионом. Военные контингенты с материка на постоянной основе размещены на территории САР, что дает возможность в любой момент силой защитить его как от внешних, так и от внутренних угроз. Имеется возможность введения военного положения, которое позволило бы распространить действие законов КНР на регион. Существует также проблема избирательной системы Гонконга, которая должна была оставаться нетронутой (её в итоге изменили реформы 2023 г.) до середины XXI в., но потом могла быть изменена КНР по усмотрению последней. Сохраняются визовые ограничения между материковым Китаем и САР, при том, что иностранцы могут беспрепятственно посетить Гонконг. И наконец, КНР имеет возможность принимать законы на тему безопасности САР, благодаря которой и был в итоге введен Закон об экстрадиции, начата электоральная реформа 2023 г. По сути руководство Китая де-юре могло объявить что угодно угрозой национальной безопасности и таким образом изменить законодательство Гонконга.

Противостояние западной демократии и восточной меритократии в Гонконге началось с того, что последняя в лице КНР начала воздействие на

регион. Опираясь на коллективизм и конфуцианские идеи власти чиновников, меритократия предприняла попытку легитимными средствами внести законопроект, который бы позволил усилить контроль над регионом, ослабить инакомыслие. Все это впоследствии повлияло бы на СМИ Гонконга, являющиеся источником идей западной демократии и ценностей. Также принятие Закона об экстрадиции позволило бы убрать из системы образования кадры, поддерживающие гонконгскую идентичность. Как выяснилось в ходе протестов, именно студенты составляют актив организаций, поддерживающих западную демократию. В то время как преподаватели и другие представители интеллигенции Гонконга, такие как Бенни Тай, выступают идеологами нелегитимных протестов.

Ответом западной демократии стали уличные протесты, с каждым разом набиравшие обороты. Численность протестующих росла, они все смелее использовали тактики «цветных революций»: часть из них организовывала мирные протесты с целью парализовать работу государственных зданий, другая же объединила вместе радикалов для захвата правительственных зданий, использовала тактику мобильных протестов. Информационную поддержку событий обеспечивали СМИ западных государств, заинтересованных в сохранении на территории Гонконга демократии.

Итогом противостояния стало введение Закона об экстрадиции и изменение электоральной системы, которые определяют будущее развитие политических процессов в Гонконге. Следует констатировать усиление влияния восточной меритократии и ослаблении позиций западной демократии в САР.

Сказанное выше позволяет заключить, что в подобных гонконгскому сценариях противостояния западная демократия стремится использовать нелегитимные методы противодействия, такие как тактика «цветных революций», в то время как восточная меритократия использует чиновничий аппарат и легитимные средства. С такими же проблемами КНР столкнется при любом варианте воссоединения с Тайванем. Исходя из действий западной демократии и восточной меритократии в ходе противостояния в Гонконге,

можно предположить, что стороны будут использовать те же инструменты противодействия.

Также следует заключить, что в будущем для обеспечения стабильного сосуществования разных политических и экономических систем использование концепта «одна страна – две системы» следует видоизменить и доработать, с целью избежания повторения гонконгского сценария.

5. К деструктивным неформальным политическим институтам можно отнести непотизм, кронизм, фаворитизм, политическую коррупцию, клиентизм, клановость, покровительство (патронат) и др. Они часто появляются в обществе при низком благосостоянии населения, нестабильности политической системы. Также они зачастую проявляют себя в транзитивных обществах, поскольку изменения базиса политической системы во многих случаях делает её нестабильной.

В Азии существует несколько подходов к борьбе с неформальными институтами. Гонконг использует свою систему противодействия им, схожую с британской. Это позволило добиться успехов в борьбе с коррупцией и кронизмом.

Однако в САР имеются «неформальные подрывные институты гонконгского типа». К ним относятся общественные объединения, к примеру, организации студентов и журналистов, в отличие от партий не являющиеся одним из формальных институтов управления государством. Появление «неформальных подрывных институтов гонконгского типа» не связано с уровнем благосостояния и коррупции. Причиной ему стала сама демократизация Гонконга, превратившая его в транзитивное общество. «Неформальные подрывные институты гонконгского типа» используют протесты как нелегитимный способ достижения собственных политических целей. Они склонны применять тактики «цветных революций», такие как захват государственных зданий, сочетание агрессивных акций радикального крыла и мирных протестов и т.д. Итогом деятельности «неформальных подрывных институтов гонконгского типа» является либо полный захват протестующими

рычагов управления регионом, попытки чего прослеживались в действиях сторонников Джошуа Вонга, либо легитимизация своей власти при помощи влияния на население, полученного в ходе противостояния с правительством, как и произошло в гонконгском сценарии.

Стоит предположить, что дальнейшее изучение «неформальных подрывных институтов гонконгского типа» позволит выработать стратегии противодействия их образованию и деструктивной деятельности.

6. Говоря о глобальной интернетизации как способе воздействия на политические процессы на примере протестного движения в Гонконге, целесообразным представляется сделать вывод о том, что интернет-ресурсы, и в особенности – соцсети, становятся инструментом прямой демократии, однако и выступают средством активизации деструктивных общественных изменений, играя определяющую роль в массовых акциях неповиновения. Это связано с тем, что соцсети стали основным каналом коммуникации для протестующих в ситуации цензуры и ограниченности доступа к традиционным СМИ. В сети Интернет информация может передаваться крайне быстро и не требует проверки, что позволяет создавать дезинформацию. Соцсети дают возможность привлечения внимания для организации стихийных протестов, а также координации мелких акций, распределения должностей, как это было показано на примере захвата Политехнического университета Гонконга. Акции в сети Интернет обретают большую популярность благодаря тому, что политически не активные представители населения реагируют на яркие инфоповоды и тем самым увеличивают огласку благодаря алгоритмам соцсетей. Также в современном цифровом мире отдельные сообщества больше не обязаны иметь одного лидера, они могут принимать решения консолидированно с помощью инструментов в соцсетях.

Нужно отдельно отметить, что успех протестующих в использовании соцсетей заставил и государство активизировать свои усилия в информационном воздействии, отчасти перенеся противостояние в цифровую среду. Охват и проникновение соцсетей стали факторами, которые заставляют любую сторону

противостояния увеличивать свое присутствие в сети Интернет и бороться за поддержку сторонних пользователей.

В целом, постиндустриальное развитие мира приводит к необходимости адаптации традиционной культуры с требованиями современных глобальных вызовов, что позволяет гражданам объединяться и выражать свое мнение открыто на интернет-платформах. Тенденция развития протеста через соцсети зависит от многих факторов, но общая черта – нестабильность в стране. Благодаря ей площадкой выражения мнений несогласных граждан может стать соцсеть, которая помогает людям объединиться против определенной проблемы, возникшей в стране либо квазигосударственном обособленном (автономном) образовании, что отслеживалось на примере Гонконга. В такой ситуации соцсети могут стать катализатором изменений, которые способны дестабилизировать политическую систему.

Исходя из указанного, можно констатировать, что соцсети как средство глобальной интернетизации будут получать все новые функции и способы применения, особенно в ситуациях социального напряжения. Это означает, что государствам стоит подробно изучить и применить китайский опыт противодействия влиянию неформальных подрывных институтов на население при помощи соцсетей, полученный в ходе протестов в Гонконге.

Список литературы

Нормативно-правовые акты. Отчеты и заявления правительства Гонконга

1. Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China: [Came into effect on 1 July 1997] // Official website of Government of Hong Kong Special Administrative Region. – URL: https://www.basiclaw.gov.hk/filemanager/content/en/files/basiclawtext/basiclaw_full_text.pdf (accessed: 11.10.2024).
2. Constitution of the People's Republic of China: [Came into effect on 5 December 1982 amended in 1988, 1993, 1999, 2014, 2018] // Official website of Government of People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (accessed: 11.10.2024).
3. European Union. Consolidated treaty of European union [adopted by the European Union in 2009]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (accessed: 19.01.2025).
4. Hong Kong ethnic groups data // The Government of Hong Kong Special Administrative Region, Home affairs department, Race relations unit. – URL: <https://www.had.gov.hk/rru/english/info/demographics.htm#:~:text=Hong%20Kong%20is%20a%20largely,about%208%25%20of%20the%20population> (accessed: 01.04.2025).
5. Improving Electoral System (Consolidated Amendments) Bill 2021 // The Government of Hong Kong Special Administrative Region. – URL: <https://www.cmab.gov.hk/improvement/en/bill/index.html> (accessed: 17.02.2025).
6. Japan. Constitution of Japan. Preamble. [Came into effect on 3 May 1947]. – URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/etc/c01.html> (accessed: 27.11.2024).
7. Law of the People's Republic of China on Safeguarding National Security in the Hong Kong Special Administrative Region // Official website of Government of People's Republic of China. – URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202007/3ae94fae8aec4468868b32f8cf8e02ad.shtml> (accessed: 09.11.2024).
8. Legislative Council General Election results general election results // The government of the Hong Kong Special Administrative Region. – 20.01.2021. – URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/202112/20/P2021122000153.htm> (accessed: 11.12.2024).
9. National Security (Legislative Provisions) Bill to be introduced into LegCo // Hong Kong government official website. – URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/200302/24/0224159.htm> (accessed: 10.02.2025).
10. National security bill details published // Hong Kong government official website. – URL: <https://www.news.gov.hk/isd/ebulletin/en/category/issues/021220/html/021220e07001.htm> (accessed: 03.02.2024).

11. The Government of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China. The constitution of People's Republic of China. Hong Kong basic law. [Adopted at the Fifth Session of the Fifth National People's Congress and promulgated by the Announcement of the National People's Congress on 04.12.1982]. – URL: <https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclaw/index.html> (accessed: 11.12.2024).
12. United Nations. United Nations charter. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 24.01.2025).

Публикации СМИ

13. Всемирный банк спрогнозировал рост китайской экономики в 2021 году на 7,9% // Интерфакс. – 02.08.2021. – URL: <https://www.interfax.ru/business/742551> (дата обращения: 13.04.2025).
14. Конец войны: Китай и США пошли на сделку // Газета.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/01/15/12912254.shtml> (дата обращения: 26.03.2025).
15. На подавление протестов в Венесуэле бросят десантников // Lenta.Ru. – 22.02.2014. – URL: <https://lenta.ru/news/2014/02/21/paratroopers> (дата обращения: 31.03.2025).
16. "China's interference in Hong Kong reaching alarming levels: U.S. congressional panel" // Reuters. – 17 November 2016. [Retrieved 31 July 2020].
17. Banjo, S. How Hong Kong's Leaderless Protest Army Gets Things Done Fake / S. Banjo, N. Lung, A. Lee // Bloomberg. – 22.08.2019. – URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2019-hong-kong-airport-protests> (accessed: 19.01.2025).
18. Bradsher, K. Hundreds of Thousands in Hong Kong Protest Security Laws / K. Bradsher // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2003/07/01/international/asia/hundreds-of-thousands-in-hong-kong-protest-security-laws.html> (accessed: 01.02.2025).
19. Chauncey Jung China's Changing PR Strategy for the Hong Kong Protests // The Diplomat – 23.11.2019. – URL: <https://thediplomat.com/2019/11/chinas-changing-pr-strategy-for-the-hong-kong-protests/> (accessed: 11.02.2025).
20. Cheung, G. 'Young Master Tien' earns respect from the people after 22 years in Hong Kong's Legislative Council / G. Cheung // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/1991013/young-master-tien-earns-respect-people-after-22-years-hong> (accessed: 13.02.2025).
21. Clarke, H. UK cracks down on nepotism in Parliament / H. Clarke // CNN. – 16.03.2022. – URL: <http://edition.cnn.com/2017/03/16/europe/uk-politics-nepotism/index.html> (accessed: 05.04.2025).
22. Fake news is stoking violence and anger in Hong Kong's continuing protests // The Japan Times. – 12.10.2019. – URL: <https://www.japantimes>.

- co.jp/news/2019/11/12/asia-pacific/politics-diplomacy-asia-pacific/fake-news-violence-hong-kong-protests/ (accessed: 09.04.2025).
23. Finbarr, B. Hong Kong national security law: US gets little backing with hard line on China, as other countries steer clear of threats / B. Finbarr, L. Stuart // South China Morning Post. – 28.05.2020. – URL: <https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3086558/hong-kong-national-security-law-us-set-go-it-alone-hard-line> (accessed: 08.09.2024).
 24. Graham-Harrison, E. Hong Kong voters deliver landslide victory for pro-democracy campaigners / E. Graham-Harrison // The Guardian. – 25.11.2019. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/24/hong-kong-residents-turn-up-for-local-elections-in-record-numbers> (accessed: 23.01.2025).
 25. Henley, J. How the umbrella became a symbol of the Hong Kong democracy protests / J. Henley // The Guardian. – 29.09.2014. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.3dc24db1-62963be0-c356af0b-74722d776562/https/www.theguardian.com/world/2014/sep/29/umbrella-symbol-hong-kong-democracy-protests (accessed: 10.04.2025).
 26. Hong Kong democracy protesters return to the streets // The Guardian – 01.02.2015. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/feb/01/hong-kong-democracy-protesters-march-universal-suffrage> (accessed: 21.01.2025).
 27. Hong Kong: Timeline of extradition protests // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-49340717> (accessed: 11.02.2025).
 28. Huge protest fills HK streets // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2003/WORLD/asiapcf/east/07/01/hk.protest/> (accessed: 10.02.2025).
 29. Ives, M. What Is Hong Kong's Extradition Bill? / M. Ives // The New York Times. – 10 June 2019. – ISSN 0362-4331. [Retrieved 31 July 2020].
 30. Lin, Z. Is China trying to replace Hong Kong with Shenzhen? / Z. Lin // South China Morning Post. 09.09.2019. – URL: <https://www.scmp.com/economy/article/3026227/china-trying-replace-hong-kong-shenzhen> (accessed: 12.03.2025).
 31. Monbiot, G. Let's not fool ourselves. We may not bribe, but corruption is rife in Britain / G. Monbiot // The Guardian. – 18.03.2015. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/mar/18/corruption-rife-britain> (accessed: 19.04.2025).
 32. Ng, T. National security law will uphold 'one country, two systems' in Hong Kong, top Beijing official says / T. Ng, J. Ng, J. Mai, T. Cheung // South China Morning Post – 01.07.2020. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3091307/national-security-law-will-plug-hong-kong-loop-holes> (accessed: 21.01.2025).
 33. Primrose, R. She was loved for standing up to China. She may die in jail / R. Primrose, H. Chan // Financial Times. – 23.06.2022. – URL:

- <https://www.ft.com/content/439fb015-8fc7-4d2d-9c7f-8764863090ae> (accessed: 20.02.2025).
34. Qingqing, L. Shenzhen offers free accommodation for students fleeing HK riots / L. Qingqing, C. Qingqing // Global Times. – 13.11.2019. – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1169871.shtml> (accessed: 19.01.2025).
 35. Stewart, E. How China used Facebook, Twitter, and YouTube to spread disinformation about the Hong Kong protests / E. Stewart // Vox. – 23.08.2019. – URL: <https://www.vox.com/recode/2019/8/20/20813660/china-facebook-twitter-hong-kong-protests-social-media> (accessed: 12.04.2025).
 36. The rule of law in Hong Kong // The Economist. – 13.07.2019. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/06/13/the-rule-of-law-in-hong-kong> (accessed: 19.02.2025).
 37. Timeline: The impact of the national security law on Hong Kong // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-hongkong-security-timeline-idUSKBN27S0FL> (accessed: 19.02.2025).
 38. Wang, O. China's corruption crackdown ensnares high-ranking monetary official Sun Guofeng / O. Wang, A. Lee // South China morning post. – 18.05.2022. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3178252/chinas-corruption-crackdown-ensnares-high-ranking-monetary> (accessed: 19.04.2025).
 39. Wong, K. Hong Kong-China trade slower, less reliable and more expensive amid coronavirus restrictions / K. Wong, H. He // South China Morning Post. – 08.04.2022. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3173603/hong-kong-china-trade-slower-less-reliable-and-more-expensive> (accessed: 15.04.2025).
 40. Wong, N. Hong Kong national security law: 53 former opposition lawmakers, activists arrested; authorities accuse them of plot to 'overthrow' government / N. Wong, D. Lee, C. Lau, P. Siu // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3116573/dozens-hong-kong-opposition-lawmakers-activists> (accessed: 14.02.2025).
 41. Worth, R. How a Single Match Can Ignite a Revolution / R. Worth // New York Times. – 21.01.2011. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/01/23/weekinreview/23worth.html> (accessed: 04.04.2025).
 42. Yeung, J. Hong Kong pro-democracy activist Joshua Wong arrested under national security law / J. Yeung, E. Yeung // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2021/01/07/asia/hong-kong-joshua-wong-nsi-arrest-intl-hnk/index.html> (accessed: 10.02.2025).

Диссертации и авторефераты диссертаций

43. Абрамова, Н. А. Политическая культура Китая, традиции и современность : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Абрамова Наталья Андреевна. – М., 2002. – 333 с.

44. Бесоброд, П. А. Демократия как исторический и теоретический феномен // дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Бесоброд Полина Александровна. – Санкт-Петербург, 2015. – 172 с.
45. Бессарабов, А. Н. Политическая институционализация современной западноевропейской социал-демократии : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Бессарабов Александр Николаевич. – М., 2002. – 182 с.
46. Мотайло, А. С. Эволюция политического протеста в современном мире : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Мотайло Алексей Сергеевич. – Санкт-Петербург, 2013. – 24 с.
47. Чайко, И. В. Политический процесс: вопросы теории и опыт России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Чайко Игорь Владимирович. – М., 2000. – 174 с.
48. Шитова, А. В. Роль международных неправительственных организаций (МНПО) в событиях «арабской весны» и последующих трансформационных процессах в Тунисе и Египте (2011–2017 гг.) : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Шитова Александра Вячеславовна. – Москва, 2019. – 187 с.
49. Шутов, А. Ю. Политический процесс (теоретико-методологические аспекты) : // автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Шутов Андрей Юрьевич. – М., 1993. – 24 с.
50. Яппаров, А. Р., Кризис идентичности и политическое сознание транзитивного общества : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Яппаров Александр Рафикович – М., 2004. – 174 с.

Монографии, статьи, материалы конференций

51. Андреева, Н. В. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Н. В. Андреева [и др.] // под ред. Василия Михеева. – М. :Московский центр Карнеги. – 2006. – 646 с.
52. Анисимов, С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление / С. Ф. Анисимов. – М. : Мысль, 1988. – 255 с. – ISBN 5-244-00001-2.
53. Арутюнян, Г. Стратегия развития и Геополитические сценарии / Г. Арутюнян // 21-й Век. – 2010. – № 3 (15). – С. 3–12.
54. Атаев, А. В. Современная мировая политика / А. В. Атаев. – М., 2025. – 600 с. – ISBN: 978-5-392-43018-5.
55. Атаев, А. В. Современная мировая политика / А. В. Атаев. – М., 2021. – 600 с. – ISBN: 978-5-392-30823-1.
56. Бажанов, Е. П. Записки о китайской цивилизации / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. – М. : «Дашков и К», 2023. – 304 с. – ISBN: 978-5-394-05356-6.
57. Бажанов, Е. П. Умная сила (в поиске баланса между «мягкой» и «твёрдой» силой) / Е. П. Бажанов. – М. : Дипломатическая академия МИД России, 2014. – С. 13–21.

58. Бахарева, Т. В. Неформальные институты как объект научного анализа / Т. В. Бахарева // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2012. – № 5 (44).
59. Бен Джеллун, Тахар. Вспышка: беспорядки в арабских странах : эссе / Тахар бен Джеллун. – М. : Грани-Т, 2012. – С. 103.
60. Боден, Ж. Метод легкого чтения историй : в 3 томах. Том 2 / Ж. Боден ; пер с лат., коммент., сост. указ. И. В. Кривушина, Е. С. Кривушиной. – М. : Издательский дом высшей школы экономики. – 2021. – 558 с.
61. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. – М. : АСТ, 2020. – 320 с.
62. Большаков, И. В. Политическая культура, неформальные институты и стабильность системы / И. В. Большаков // Власть. – 2011. – № 2.
63. Борисов, А. В. Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира : коллективная монография / А. В. Борисов [и др.]. – М., 2021. – 624 с. – ISBN: 978-5-6046526-6-4.
64. Боровихин, А. А. Общественный договор как способ реализации биополитики и социального управления / А. А. Боровихин, В. В. Павлович // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 8 (100).
65. Бояркина, А. В. Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в период экономических реформ и открытости (конец 1970-х – 1990-е гг.) / А. В. Бояркина // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-strategiya-den-syaopina-v-period-ekonomicheskikh-reform-i-otkrytosti-konets-1970-h-1990-e-gg> (дата обращения: 15.04.2025).
66. Брекоткина, И. П. Рационализм нового времени и гносеологические представления Рене Декарта / И. П. Брекоткина // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2020. – № 3.
67. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики : сборник статей / П. Бурдьё ; составление, общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. – М., 2005.
68. Вебер, М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер ; сост. Ю. Н. Давыдов. – 4-е изд. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с.
69. Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – С. 509–522.
70. Вердиханова, З. В. «Цветная революция» как политический феномен современности / З. В. Вердиханова // Вестник ГУУ. – 2014. – № 5.
71. Вердиханова, З. В. «Цветные революции»: теории и технологии / З. В. Вердиханова // Регионология. – 2016. – № 1 (94).
72. Вишневский, Ю. Р. Идеи М. Фуко об образовании как социальном институте / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (35).

73. Воронцов, А. В. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё / А. В. Воронцов, И. А. Громов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4.
74. Воскресенский, А. Политические системы и политические культуры Востока / А. Воскресенский ; под. ред. проф. А. Воскресенского. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 829 с.
75. Восточная Азия и АТР: Акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства / Ч. Сунь, О. Г. Карпович, Е. Е. Власов [и др.] // Известия Восточного института. – 2024. – № 2 (62). – С. 11–33.
76. Вражноваб А. С. Теория общественного договора в «Левиафане» Томаса Гоббса / А. С. Вражнова, Д. А. Царёв // Время науки = The Times of Science. – 2016. – № 3.
77. Выжлецов, Г. П. Аксиология в системе философского знания / Г. П. Выжлецов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2010. – № 4.
78. Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры на рубежах веков / Г. П. Выжлецов // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2 (23).
79. Выжлецов, Г. П. Онтологическая аксиология: истоки и современность / Г. П. Выжлецов // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2017. – № 3.
80. Геллнер, Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М. : Московская школа политических исследований, 2004. – 239 с.
81. Герасимов, В. С. Политическая меритократия – восточная альтернатива западным традициям управления обществом в XXI веке / В. С. Герасимов // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 230–237.
82. Гёффдинг, Г. Философия религии / Г. Гефдинг ; полный пер. с нем. В. Базарова, И. Степанова. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Т-во «Обществ. польза», 1912. – 386 с.
83. Гибридные войны / О. Г. Карпович, А. А. Гришанов, В. Б. Козюлин [и др.]. – М., 2025. – 910 с. – ISBN: 978-5-605-26680-8.
84. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс ; перевод А. Гутеман. – М. : Рипол-Классик, 2020. – 672 с.
85. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс ; перевод с английского А. Гутермана. – М. : АСТ, 2021. – 800 с.
86. Гриффин, Э. Коммуникация: теории и практики / Э. Гриффин. – Х. : Изд-во «Гуманитарный центр», Науменко А. А., 2015. – 688 с.
87. Громыко, А. А. Коррупция в верхних эшелонах власти Великобритании / А. А. Громыко // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2010. – № 10 (249). – С. 117–128.
88. Данюк, Н. С. «Цветные революции» как инструмент гибридных технологий во внешней политике / Н. С. Данюк, Я. С. Сенокоп. – DOI 10.35775/PSI.2020.63.11.026. – EDN LYFQZE // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10, № 11 (63). – С. 3288–3297.

89. Данюк, Н. С. «Цветные революции». От теории к практике / Н. С. Данюк. – М. : «ЮНИТИ-ДАНА». – 2018. – 527 с.
90. Данюк, Н. С. Никита Данюк о этапах и методах реализации «цветных революций» / Н. С. Данюк // Сайт Института стратегических исследований и прогнозов РУДН. – URL: <http://isip.su/ru/articles/197> (дата обращения: 07.04.2025).
91. Дерлугьян, Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы / Г. Дерлугьян. – М. : Издательство Института Гайдара. – 2013. – 387 с.
92. Дмитриев, Т. А. Макс Вебер: вехи интеллектуальной биографии / Т. А. Дмитриев // Социология власти. – 2020. – № 4.
93. Евстафьев, Д. Г. Генезис современных цветных революций (на примере Венесуэлы и Белоруссии) / Д. Г. Евстафьев, А. В. Манойло. – DOI 10.33920/vne-01-2101-06 // Дипломатическая служба. – 2021. – № 1. – С. 50–61
94. Егорченков, Д. А. Гибридный дракон и химера войны / Д. А. Егорченков, Н. С. Данюк. – М. : Юнити-Дана, 2019. – 368 с.
95. Еньшина, Е. В. Legitimacy in the political system: perspectives of formal institutions and ongoing communication / Е. В. Еньшина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2017. – № 5 (29).
96. Жильцов, С. С. Новые тенденции в мировой политике / С. С. Жильцов – Тверь : Тверской государственный университет, 2022. – С. 7–11.
97. Зайцев, А. В. Юрген Хабермас и его диалогика: понятие и сущность / А. В. Зайцев // Вестник КГУ. – 2012. – № 5.
98. Зверев, А. Л. Социальные сети как инструмент политического манипулирования (на примере организации массовых протестов в Гонконге 2014 г.) / А. Л. Зверев, А. П. Федоров // Вестник БГУ. – 2015. – № 7.
99. Зинченко, В. В. Социально-политическая и экономическая трансформация современных транзитивных обществ Европы / В. В. Зинченко // ПСЭ. – 2009. – № 4.
100. Зорина, Н. В. Идея свободной воли и аффекта в политико-правовой концепции Бенедикта Спинозы / Н. В. Зорина // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 4 (58).
101. Иванова, Е. Ю. Семейственность (непотизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение / Е. Ю. Иванова // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 5 (147). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeystvennost-nepotizm-kak-destruktivnaya-forma-professionalnyh-dinasti-gosudarstvennaya-politika-i-obschestvennoe-mnenie> (дата обращения: 15.04.2025).
102. Ивин, А. А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А. А. Ивин // Философский журнал. – 2010. – № 1 (4).

- 103.Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство. – 2011. – 464 с.
- 104.Карас, В. А. Образ абсолютного правителя в трактате «Государь» Николо Макиавелли / В. А. Карас // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1.
- 105.Карпович, О. Г. Феномен движения «Желтых жилетов» во Франции и «Цветные революции» / О. Г. Карпович, А. Ш. Ногмова, В. О. Литвинов – М. : Дипломатическая академия МИД России, 2020. – С. 72–87.
- 106.Карпович, О. Г. Цветная «революция зонтиков» в Гонконге: начало «Китайской весны» / О. Карпович // Национальная безопасность. – 2014. – № 6. – С. 990–996.
- 107.Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М. : Academia, 1999. – С. 494– 505.
- 108.Кашин, В. Б. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства / В. Б. Кашин, Л. С. Крашенинникова, А. С. Пятачкова. – DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-7-49-59. – EDN LUXSWX // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 7. – С. 49–59.
- 109.Кашин, В. Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г.: причины и перспективы развития / В. Кашин. – DOI 10.20542/2307-1494-2022-2-188-203. – EDN FPLZEE // Пути к миру и безопасности. – 2022. – № 2 (63). – С. 188–203.
- 110.Керимов, А. А. Концепция цветной революции в политической науке / А. А. Керимов, Т. В. Вербицкая // Via in tempore. История. Политология. – 2019. – № 1.
- 111.Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2022 / А. В. Афонасьева, К. В. Бабаев, Е. С. Баженова [и др.] ; Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. – М. : Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2023. – 432 с.
- 112.Козлов, В. И. Понятие меритократии в современном философско-социологическом дискурсе / В. И. Козлов. – EDN CYWWLY // Миссия конфессий. – 2020. – Т. 9, № 3 (44). – С. 350–353.
- 113.Конт, О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении : пер. с фр. / О. Конт. – Изд. 4-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 80 с.
- 114.Концептуальные особенности периода транзита демократического государства / В. А. Тимофеев, Ю. А. Зуева, К. М. Паронян, К. П. Минаева. – EDN ZSBQCH // Научные достижения и открытия современной молодёжи : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 ноября 2017 года. – Пенза : "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г. Ю.), 2017. – С. 203–205.
- 115.Костин, М. С. Венесуэла: революционные события на фоне продолжающейся революционной эпохи (1998–2020) / М. С. Костин //

- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2020. – № 11. – С. 878–890.
116. Кужелева-саган, И. П. Ресурсы теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в понимании механизма сосуществования конкурирующих философских и научных парадигм / И. П. Кужелева-саган, С. С. Носова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 8 (63).
 117. Кульмагамедов, М. Меритократия – главный принцип отбора на государственную службу / М. Кульмагамедов // Номад. – 01.06.2022. – URL: <https://nomad.su/?a=3-200908190320> (дата обращения: 31.03.2025).
 118. Куриленко, Л. В. Методологическое обоснование сферного подхода к подготовке специалистов социальной сферы / Л. В. Куриленко // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – № 4.
 119. Кюльпе, О. Введение в философию / О. Кюльпе. – М. : ЛКИ, 2011. – 384 с. – ISBN: 978-5-382-01303-9.
 120. Лец, С. «Непричёсанные мысли» / С. Лец // «Клуб 12 стульев». – М. : Искусство, 1973. – С. 250–252.
 121. Ли Цяо, конкурирующие идентичности: изучение культурных, исторических и политических сложностей «Трёх Китаев» / Ли Цяо, Д. Рос ; перевод с английского О. С. Якушениковой // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – № 2.
 122. Логинов, А. В. Аксиология М. Вебера в современной перспективе / А. В. Логинов, Я. Г. Янпольская // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 12.
 123. Макарин, А. В. Формальные и неформальные отношения в политико-управленческих структурах и обществе / А. В. Макарин // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 1.
 124. Макаров, А. В. Коррупция : опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России / А. В. Макаров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 2. – С. 13–21.
 125. Макиавелли, Н. Государь. Сочинения / Н. Макиавелли. – М. : ЭКСМО-Пресс. 2001. – 656 с.
 126. Манойло, А. В. Коррупция как механизм формирования вербовочной уязвимости в современных операциях информационной войны / А. В. Манойло. – DOI 10.61205/jzsp.2023.047. – EDN AYOQAT // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 30–34.
 127. Манойло, А. В. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика / А. В. Манойло, К. С. Стригунов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2020.
 128. Манойло, А. В. Технология демонтажа чавистов: «Венесуэльский прецедент» / А. В. Манойло, К. С. Стригунов. – DOI

- 10.31249/ape/2020.01.10 // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1. – С. 213–237.
129. Манойло, А. В. Технология организации государственного переворота в Казахстане / А. В. Манойло, К. С. Стригунов. – EDN WIBNGE // Научные труды ученых 1-го отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. Том 4. – М. : Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, 2022. – С. 142–150.
 130. Манойло, А. В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов / А. В. Манойло. – DOI 10.7256/2306-4226.2015.1.12614 // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 1–19.
 131. Маслаков, А. С. Томас Гоббс и парадоксы мышления раннего нового времени / А. С. Маслаков, С. Б. Кондратьева // Философская мысль. – 2023. – № 3.
 132. Международная безопасность в эпоху глобальных перемен / А. В. Борисов, С. М. Гаврилова, А. А. Гришанов [и др.]. – М. : Квант Медиа, 2023. – 322 с.
 133. Меньшиков, В. В. М. Вебер о власти / В. В. Меньшиков // Южно-российский журнал социальных наук. – 2012. – № 1.
 134. Мировая экономика в период больших потрясений / Л. М. Григорьев, И. А. Макаров, А. А. Курдин [и др.]. – М. : Научно-издательский центр Инфра-М, 2022. – 576 с. – (Научная мысль).
 135. Морено, Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Я. Л. Морено ; пер. с англ. А. Боковой. – М. : Академ. Проект, 2004. – 315 с.
 136. Назаренко, А. Ф. Рене Декарт как основоположник европейской интеллектуальной революции / А. Ф. Назаренко // Kant. – 2018. – № 4 (29).
 137. Нальгиев, А. А. Права государства в философии Т. Гоббса / А. А. Нальгиев, О. А. Беленкова. – EDN WLLNQB // 64-я научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых УГНТУ, Уфа, 18–19 апреля 2013 года. Книга 2. – Уфа : Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2013. – С. 367.
 138. Нарыкова, С. П. Особенности осуществления власти в транзитивном обществе / С. П. Нарыкова // Общество и право. – 2013. – № 2 (44).
 139. Наумов, А. О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepravitelstvennyh-organizatsiy-v-tsvetnyh-revoljutsiyah> (дата обращения: 04.04.2025).
 140. Неймарк, М. А. Мягкая сила в мировой политике / М. А. Неймарк. – М., 2019. – 272 с. – ISBN: 978-5-394-03317-9.
 141. Нейматов, А. Я. Цветные революции и современные международные отношения / А. Я. Нейматов. – EDN TZXLTR // Наука и образование:

- хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 8 (63). – С. 19–23.
142. Николаева, В. Г. 2005.03.020. Вирт Л. Социология Фердинанда Тённиса = Wirth L. The Sociology of Ferdinand Tönnies // Amer. J. of Sociology. – Chicago, 1926. – Vol. 32, No 3 (November-December). – P. 412–422 / В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – 2005. – № 3.
 143. Окатов, А. В. Социологическая концепция Ф. Тённиса как теоретическая основа изучения институционализации и функционирования современных общественных организаций / А. В. Окатов // Вестник ТГУ. – 2016. – № 11 (163).
 144. Орлова, С. В. Арабская весна: надежды и разочарования / С. В. Орлова, Т. В. Седова // Власть. – 2016. – № 10.
 145. Панцов А. В. Дэн Сяопин / А. В. Панцов. – М. : Молодая гвардия, 2015. – 558 с.
 146. Папашвили, Г. З. Британское влияние как фактор формирования современной идентичности гонконгцев / Г. З. Папашвили, О. Ю. Курныкин, М. Н. Тажиева // Известия АлтГУ. – 2020. – № S6 (116).
 147. Папашвили, Г. З. Формирование административной системы Гонконга в 1840–1870-е гг. / Г. З. Папашвили // Известия АлтГУ. – 2021. – № 3 (119).
 148. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс ; под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М. : Академический Проект, 2002. – 832 с.
 149. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
 150. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы : монография / А. В. Манойло, О. Г. Карпович, Т. В. Вершинина, А. В. Булавин. – М. : 2019 Дипломатическая академия МИД России, 2019. – 434 с.
 151. Пономарева, Е. Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии / Е. Г. Пономарева, Г. А. Рудов // Обозреватель – Observer. – 2012. – № 3.
 152. Попов, В. «Пекинский консенсус» против «вашингтонского»: «азиатские ценности» более конкурентоспособны, чем либерализм? / В. Попов // Прогнозис. – 2007. – № 2 (10). – URL: http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Popov.pdf (дата обращения: 31.03.2025).
 153. Попов, В. Стечение обстоятельств или историческая закономерность? / В. Попов // Вопросы экономики. – 2009. – № 7. – С. 75–84.
 154. Противодействие коррупции в контексте устойчивого развития / Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев, А. М. Цирин [и др.]. – М. : Инфотропик Медиа, 2024. – 236 с. – EDN JEVRGL.
 155. Реннер, К. Государство и нация: исслед. с гос. правовой точки зрения возмож. принципов разрешения нац. вопроса: (К нац. вопросу в Австрии) / К. Реннер. – Санкт-Петербург : Искра, 1906. – 62 с.

- 156.Роуз-Аккерман, С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман ; пер. с англ. А. А. Алякринский. – М. : Логос, 2003. – 343 с.
- 157.Рябуха, И. Гонконг – юрисдикция с низким уровнем коррупции / И. Рябуха // International Wealth. – 02.08.2021. – URL: <https://internationalwealth.info/life-abroad/honkong-jurisdiction-low-level-of-corruption/> (accessed: 10.04.2025).
- 158.Савельева, Е. Б. О взглядах Мишеля Фуко на теорию дискурса / Е. Б. Савельева. – EDN UYCPMV // Вестник Московского института лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 92–95.
- 159.Савченко, П. А. Понятие социального капитала у П. Бурдьё: трудности в интерпретации / П. А. Савченко // Социология и право. – 2020. – № 2 (48). – С. 62–68.
- 160.Сантаяна, Д. Чувство красоты / Д. Сантаяна. – М. : Истина, 2023. – С. 34–121.
- 161.Семенов, В. В. Протесты в Гонконге. Причины и возможные последствия / В. В. Семенов, П. Ю. Цветов. – DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_72. – EDN JBMDWO // Обозреватель. – 2022. – № 2 (385). – С. 72–87.
- 162.Семенова, А. А. Хабермас о стратегическом и коммуникативном действии / А. А. Семенова. – EDN OOIVOX // Дискуссия. – 2012. – № 1. – С. 42–46.
- 163.Симашенков, П. Д. Меритократия в кадровой политике России: исторические уроки / П. Д. Симашенков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 11. – С. 46–50.
- 164.Скоробогатов, А. В. Правовые традиции и инновации в транзитивном обществе / А. В. Скоробогатов // Пермский юридический альманах. – 2023. – № 6.
- 165.Смирнова, Л. Н. Борьба с коррупцией в КНР: международный опыт и «особая китайская модель» : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Смирнова Лариса Николаевна ; Институт Дальнего Востока. Москва, 2014. – С. 15.
- 166.Современное китайское государство / О. Ю. Адамс, Л. А. Афонина, Е. С. Баженова [и др.]. Том 1. – М. : Российская академия наук, 2022. – 904 с.
- 167.Сокулер, З. А. Мишель Фуко / З. А. Сокулер // Вестник культурологии. – 2011. – № 1.
- 168.Степанов, Н. С. Экономическое и политическое будущее Гонконга / Н. С. Степанов // Финансы и управление. – 2020. – № 2.
- 169.Стратегии тайваньских политических партий в период предвыборной кампании 2023–2024 гг. / В. Б. Кашин, А. С. Пятачкова, В. А. Гончаренко, А. В. Александрова. – DOI 10.31857/S0131281224030015. – EDN UQLDOG // Проблемы Дальнего Востока. – 2024. – № 3. – С. 9–26.
- 170.Стригунов, К. С. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны / К. С. Стригунов, А. В. Манойло. – EDN YTITZV // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 4 (14). – С. 157–193.

171. Супян, В. Б. Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы / В. Б. Супян // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 9. – С. 23–32.
172. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. – 2-е изд., с добавлениями – Санкт-Петербург : Тип. Стасюлевича, 1914. – 574 с. – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/8537-kareev-n-i-suschnost-istoricheskogo-protssessa-i-rol-lichnosti-v-istorii-spb-1914> (дата обращения: 29.03.2025).
173. Темирбекова, Э. Т. Меритократия на государственной службе как основа укрепления государственности и развития казахстанской демократии / Э. Т. Темирбекова // Молодой ученый. – 2017. – № 8.1 (142.1). – С. 49–51.
174. Тённис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии = Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. / Ф. Тённис. – М. : Фонд Университет ; Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – 450 с.
175. Тлепцок, Р. А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика / Р. А. Тлепцок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 4 (249).
176. Толстенко, А. М. «Политический разум» Никколо Макиавелли / А. М. Толстенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2009. – № 4.
177. Трёлъч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трёлъч. – М. : Юрист, 1994. – 719 с.
178. Трощинский, П. В. Современная правовая система Гонконга / П. В. Трощинский // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 2. – С. 175–198.
179. Троянский, М. Г. «Народная война» Китая против пандемии Covid-19 / М. Г. Троянский, А. В. Чеснокова. – М. : Дипломатическая академия МИД России, 2022. – С. 95–105.
180. Троянский, М. Г. Многополярность формируется в реальном мире / М. Г. Троянский, О. Г. Карпович. – М. : Дипломатическая академия МИД России, 2020. – С. 1–13.
181. Труевцев, К. М. «Арабская весна» — ход, акторы, технология и промежуточные итоги / К. М. Труевцев // Полития. – 2012. – № 1 (64).
182. Трунов, А. А. Томас Гоббс и его политическая теория / А. А. Трунов // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 27.
183. Турк, С. Н. Пример египетской революции «Арабская весна» / С. Н. Турк, С. О. Черняева, А. А. Мелихова // The Scientific Heritage. – 2021. – № 78–75.
184. Уманская, А. С. КНР и Гонконг: конституционно-правовые аспекты принципа «одна страна – две системы» / А. С. Уманская // Молодёжь третьего тысячелетия. – 2016. – С. 57–59.

185. Филиппов, В. В. Непотизм на государственной службе в США: противодействие коррупции / В. В. Филиппов // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 1 (70). – С. 142–148.
186. Франк, С. Духовные основы общества / С. Франк. – М. : Республика, 1992. – 398 стр.
187. Фролова, Е. А. Бенедикт Спиноза как философ права и политический мыслитель / Е. А. Фролова // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 4 (184).
188. Фролова, Е. А. Из истории философии права: Т. Гоббс о государстве и праве / Е. А. Фролова // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 6 (186).
189. Фуко, М. Археология знания: пер. с фр. / М. Фуко ; общ. ред. Бр. Левченко. – Калининград : Ника-Центр. 1996. – 208 с.
190. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2010. – 224 с.
191. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2016. – 344 с.
192. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер / пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Ad Marginem, 1997. – 451 с.
193. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления : пер. с нем. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
194. Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1989. – № 9. – С. 116–163.
195. Халипов, В. Ф. Власть. Политика. Государственная служба : словарь / В. Ф. Халипов, Е. В. Халипова. – М. : Луч, 1996. – 271 с.
196. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : Росспэн, 2003. – 366 с.
197. Харитонов, О. Г. Цветные революции в контексте теорий демократизации / О. Г. Харитонов // Полит. наука. – 2014. – № 3.
198. Харичева, М. С. Борьба с коррупцией: опыт Гонконга / М. С. Харичева // Особенности теории и практики нормативно-правового регулирования общественных отношений и правоприменения в различных правовых семьях мира в призме использования из рационального опыта в правовой системе России, в том числе в системе МВД России. Материалы международной научно-практической конференции. 13 мая 2011 г. – Калининград : Изд-во Калинингр. ЮИ МВД России, 2011. – С. 122–130.
199. Чекарева, А. В. Представления о меритократии / А. В. Чекарева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 8. – С. 73–75.
200. Шавель, С. А. Сферная парадигма в социальном знании и жизнеспособность общества / С. А. Шавель // Социологический альманах. – 2018. – № 9.
201. Шарко, С. В. Культурно-идеологический аспект в современной политике Китая Вып. 6 / Глава в сборнике «Оринтиры...». – 1-е изд. – М. : ИФ РАН,

2010. – 158 с. – URL: <https://publications.hse.ru/chapters/67746891> (дата обращения: 25.03.2025).
- 202.Эко, У. Сказать почти то же самое / У. Эко; пер. с итал. А. Ковалю. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 576 с.
- 203.Carroll, J. M. A Concise History of Hong Kong / M. J. Carroll. – 2007. – URL: https://hkupress.hku.hk/a_concise_history_of_hong_kong (accessed: 01.02.2025).
- 204.Cheng, J. Yu Chinese foreign relation strategies under Mao and Deng. A systematic and comparative analysis / J. Yu Cheng, F. W. Zhang // Philippine Journal of Third World Studies. – 1999. – Vol. 14, No. 3. – P. 91–114.
- 205.China's Bond Market: A Quick Primer // Morningstar ETF Analysts. – 29.11.2021. – URL: <https://www.morningstar.co.uk/uk/news/217180/chinas-bond-market-a-quick-primer.aspx> (accessed: 19.01.2025).
- 206.Corruption as a factor in urban environmental crime / V. Sevalnev, A. Tsirin, U. Trunzevskiy, O. Karpovich. – DOI 10.1088/1755-1315/937/4/042003. – EDN IMQYTH // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Ussurijsk, 20–21 июня 2021 года. – Ussurijsk, 2021. – P. 042003.
- 207.Deng 1994 – Deng Xiaoping. Reform is China's second revolution // Selected works of Deng Xiaoping. Vol. 3: (1982–1992). – Beijing : Foreign Languages Press, 1994. – 400 p.
- 208.Deuter, M. Oxford Advanced Learner's Dictionary / M. Deuter, J. Bradbery, J. Turnbull. – 9th edition. – Oxford : Oxford University Press, 2015.
- 209.Haythornthwaite C. The Internet in everyday life. An introduction / C. Haythornthwaite, B. Wellman. – Blackwell Publishing, 2002. – 588 p.
- 210.Mansfield, E. Democratization and the Danger of War / E. Mansfield, J. Snyder // International Security. – 1995. – Vol. 20, № 1. – P. 5–38.
- 211.Maslow, A. Motivation and Personality / A. Maslow. – New York : Harpaer and Row, 1954. – 369 p.
- 212.Owens, C. The Discourse of Others: Feminists and Postmodernism / C. Owens. – Washington : Bay Press, 1983. – 159 p.
- 213.Peerboom, R. Human Rights in Asia: A Comparative Legal Study of Twelve Asian Jurisdictions, France and the USA / R. Peerboom, C. Petersen, A. Chen. – London ; New York : Routledge, 2006. – 517 p.
- 214.People and corruption: Europe and Central Asia 2016 // Transparency international. – 16.11.2016 – URL: <https://www.transparency.org/en/publications/people-and-corruption-europe-and-central-asia-2016> (accessed: 10.03.2025).
- 215.Revel, J.-F. Democracy Against Itself: The Future of the Democratic Impulse/Regain démocratique / J.-F. Revel. – Free Press, 1993. – ISBN 0-02-926387-5.
- 216.Santayana, G. The sense of beauty / G. Santayana. – New York : The modern library. – 1955. – 240 p.

217. Shambaugh, D. Deng Xiaoping: the politician / D. Shambaugh // *The China Quarterly*. – 1993 Sep. – No. 135. Special issue: Deng Xiaoping: an assessment. – P. 457–490.
218. *Social Networks in Urban Situations: Analysis of Personal Relationships in Central African Towns*. – Manchester : Manchester University Press, 1969.
219. Stevens, M. S. China's long march to national rejuvenation: toward a neo-imperial order in East Asia? / M. S. Stevens. – DOI 10.1080/14799855.2020.1739651 // *Asian Security*. – 2021. – Vol. 17, No. 1. – P. 46–63.
220. Sturt, H. *Human value: an ethical essay* / H. Sturt. – Cambridge : University press. – 1923. – 138 p.
221. Watts, D. Collective dynamics of «small-world» networks / D. Watts, S. Strogatz // *Nature*. – 04.06.1998. – Vol. 393. – P. 440–442.
222. Welzel, C. *The Asian Values Thesis Revisited: Evidence from the World Values Surveys* / C. Welzel // *Japanese Journal of Political Science*. – 04.2011. – URL: https://www.researchgate.net/publication/231927258_The_Asian_Values_Thesis_Revisited_Evidence_from_the_World_Values_Surveys (accessed: 23.10.2024).
223. Weyland, K. The Arab Spring: why the surprising similarities with the revolutionary wave of 1848? / K. Weyland // *Perspectives on Politics*. – 2012. – № 4 (10). – P. 917–934.
224. Whyte, D. *How Corrupt is Britain?* / D. Whyte. – London : Pluto Press. 2015. – 200 p.
225. *World Investment Report 2019* // United Nations Conference on Trade and Development. – 12.06.2019. – URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2019> (accessed: 10.03.2025).
226. Yeung, J. Au. *Fighting Corruption* / J. Au. Yeung // *The Seminar on International Experiences on Good Governance and Fighting Corruption*. – 2016. – URL: <https://slideplayer.com/slide/7042885> (accessed: 07.01.2025).
227. Zakaria, F. *A Conversation with Lee Kuan Yew* / F. Zakaria // *Foreign Affairs*. – 01.04.1994. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1994-03-01/conversation-lee-kuan-yew-0> (accessed: 19.01.2025).